

Collective rituals of the Eastern Udmurt:
The example of Tatyshly district
in Bashkortostan

Коллективные ритуалы закамских удмуртов:
На примере Татышлинского района
Башкортостана

Eva Toulouze & Liivo Niglas
Ева Тулуз & Лийво Ниглас

Collective rituals
of the Eastern Udmurt:
The example of Tatyshly
district in Bashkortostan

Коллективные ритуалы
закамских удмуртов:
На примере Татышлинского
района Башкортостана

Tartu 2024
ELM Scholarly Press / University of Tartu
Научное издательство ЭЛМ / Тартуский Университет

Front cover: The sacrificial priests praying at Novye Tatyshly *Mör Vös'* 13.6.2014. Photo Laur Vallikivi.

Back cover: Sacrificial bread with a coin inside 6.6.2014. Photo Eva Toulouze.

На передней обложке: Жрецы во время молитвы, моление *mör vös'* с. Новые Татышлы 13.6.2014. Фото Лаур Валликиви.

На задней обложке: Жертовный хлеб с монеткой 6.6.2014. Фото Ева Тулуз.

Language editing: Daniel Allen (English), Sergey Troitskiy (Russian)

Редакторы: Дэниел Аллен (Английский), Сергей Троицкий (Русский)

Translation into English / Перевод на английский язык: Eva Toulouze / Ева Тулуз

Translation into Russian / Перевод на русский язык: (text/текст) Sergey Troitskiy / Сергей Троицкий, (prayers/молитвы) Ranus Sadikov / Ранус Садигов

Layout / Вёрстка: Diana Kahre / Диана Кахре

Cover design / Обложка: Sergei Sidorov / Сергей Сидоров

Editorial board:

Tatyana Vladykina (Izhevsk, Udmurtia, Russia), Nikolay Kuznetsov (Tartu, Estonia), Anne-Victoire Charrin (Paris, France), Laur Vallikivi (Tartu, Estonia), Karina Lukin (Helsinki, Finland), Nikolai Anisimov (Tartu, Estonia), Mare Kõiva (Tartu, Estonia)

Редколлегия:

Татьяна Григорьевна Владыкина (Ижевск, Удмуртия, Россия), Николай Кузнецов (Тарту, Эстония), Анн-Виктуар Шаррэн (Париж, Франция), Лаур Валликиви (Тарту, Эстония), Карина Лукин (Хельсинки, Финляндия), Николай Анисимов (Тарту, Эстония), Маре Кыйва (Тарту, Эстония)

This monograph has been prepared within French state project IUF “An Interdisciplinary Study of an Animistic Minority Community in European Russia, the Eastern Udmurt: Rituals, Customs and Community Involvement Today”, autumn 2017 – autumn 2022, and has been supported by the Estonian Research Council through University of Tartu project grant no PRG1584, “The Finno-Ugric Peoples of Russia: Negotiating Ethnicity and Religiosity”.
Монография подготовлена в рамках французского государственного проекта ИУФ “Междисциплинарное исследование закамских удмуртов, анимистическое меньшинство в европейской части России: современные обряды, обычаи, сообщества” осень 2017 – осень 2022 и поддержан Estonian Research Council грантом Тартуского Университета проекта номер PRG1584 “The Finno-Ugric Peoples of Russia: Negotiating Ethnicity and Religiosity”.

ISBN 978-9916-742-04-4 (print / печатная версия)

ISBN 978-9916-742-05-1 ((web / электронная версия)

© Estonian Literary Museum / Эстонский литературный музей, 2024

© University of Tartu / Тартуский Университет, 2024

© Eva Toulouze & Liivo Niglas / Ева Тулуз & Лийво Ниглас, 2024

© Sergei Sidorov / Сергей Сидоров

Table of Contents / Оглавление

Acknowledgements	7
Preface	9
The films	10
Introduction	11
The encounter with the collective rituals of the Eastern Udmurt	12
Traditional collective ceremonies of the Udmurt in general and the Eastern Udmurt in particular	15
The collective ceremonies in Tatyshly district	21
The spring cycle of ceremonies	23
The village level: <i>gurt vös'</i>	24
The multiple villages group level: <i>mör vös'</i>	26
The winter ceremonies	27
The regional level: <i>Elen vös'</i>	29
Sacred places	32
Sacrificial priests	38
The dress codes of the ceremonies	43
The proceedings of the collective ceremonies	46
The preparation	46
The first prayer, <i>siz'is'kon</i>	48
The sacrifice	49
Other prayers	51
The closing	53
The prayers	54
The films	57
Conclusion	61
Photos / Фотографии	63
<i>Gurt vös' / Гурт вöсь</i>	64
<i>Alga Bagysh vös' / Алгинский Багыш вöсь</i>	77
<i>Alga mör vös' / Алгинский мör вöсь</i>	85
<i>Elen vös', Staryu Varyash (2018) / Элен вöсь, с. Старый Варяш (2018)</i>	93
The Alga group <i>tol mör vös' / Алгинский тол мör вöсь</i>	104
Sacred places / Священные места	111
Sacrificial priests / Жрецы	118
Благодарности	127
Предисловие	129
Фильмы	130
Введение	131
Знакомство с коллективными ритуалами закамских удмуртов	132
Традиционные коллективные моления удмуртов в целом и закамских удмуртов в частности	135
Коллективные моления в Татышлинском районе	142
Весенний обрядовый цикл	144
Уровень деревни: <i>гурт вöсь</i>	145
Уровень нескольких деревень: <i>мör вöсь</i>	147
Зимние обряды	148
Другие местные обряды	151

Региональный уровень: <i>Элен вöсь</i>	151
Священные места	154
Жрецы	160
Форма одежды	166
Порядок проведения коллективных ритуалов	169
Подготовка	170
Открывающая молитва <i>сйзиськон</i>	172
Жертвоприношение	173
Другие молитвы	175
Завершение	177
Молитвы	178
Фильмы	181
Заключение	186
References / Библиография	187
Appendix. The Prayers of the Tatyshly Udmurts /	
Приложение. Молитвы Татышлинских удмуртов	
1. The Vilgurt group: Vyazovka gurt vös' 1998 / Вильгуртская группа: Гурт вöсь в с. Вязовка 1998	189
2. The Vilgurt group: Гурт вöсь Bal'zyuga 2002 / Вильгуртская группа: в Бальзюге 2002	197
3. The Vilgurt group: mör vös' Promise of a sacrifice 2013 / Вильгуртская группа 2013	208
4. The Alga group: Nizhnebaltachevo village ceremony 2016 / Алгинская группа в с. Нижнебалтачево в 2016	214
5. The Vilgurt group: mör vös' prayer in Novye Tatyshly 2013 / Вильгуртская группа: молитва во время мör вöсь в с. Новые Татышлы, 2013	221
6. The Vilgurt group: Mör vös' prayer 2013 / Вильгуртская группа: молитва с жертвенными монетами во время мör вöсь 2013	237
7. The Vilgurt group: Winter tol vös' prayer 2016 / Вильгуртская группа: Молитва на зимнем жертвоприношении тол вöсь 2016	240
8. The Vilgurt group: Winter tol vös' prayer 2016 / Вильгуртская группа: Молитва на зимнем жертвоприношении тол вöсь 2016	246
9. The Alga group: Mör vös' prayer 1971 / Алгинская группа: Молитва во время мör вöсь 1971	250
10. The Alga group. Prayer for the mör vös' 1992 / Алгинская группа: Алгинская группа: Молитва во время мör вöсь 1992	255
11. The Alga group. Prayer of promise and for the sacrificial ceremony 2016 / Молитва при обещании и проведении жертвоприношения, 2016	260
12. The Alga group. Prayer of promise and for the sacrificial ceremony 2019 / Алгинская группа: Молитва при обещании и проведении жертвоприношения 2019	266
About the authors / Об авторах	279

Acknowledgements

This book is the result of multiple inputs.

We are deeply grateful to the Udmurt population of the Eastern villages, who received us in the spirit of friendship and helped us in all possible ways. We are particularly grateful to some particular people whose help has been material in the success of our fieldwork.

Our gratitude goes to:

Tatyana Shaybakova, who introduced us to the Tatyshly Udmurt;
Rinat Gal'amshin, who welcomed us and supported our endeavours in the community he was a leader of;
Fridman Kabip'anov and his family, who was our first close contact and helped us enter the world of the sacrificial priests;
Nazip Sadriev, who is responsible for the maintenance of Udmurt collective rituals in Bashkortostan and who always received us in a very friendly way;
Fl'ura Nurieva, who welcomed us to her home in our first years;
Anna Baydullina, who always welcomes the members of our team to her home;
Irina Samigulova and Mars Samigulov, who have hosted us in recent years and who have shared our goals and helped us achieve them.

We are grateful to our chauffeurs in the field Radik Ivanovich Sufiyarov and Vladimir Suyundukov, who have also supported us in our work.

Last but not less, we are grateful to our colleagues and members of our team: Ranus Sadikov, Nikolai Anisimov, Laur Vallikivi, Evgeniy Badretdinov, Mariia Vyatchina, Denis Kornilov.

Special thanks go to:

Ranus Sadikov, who is most present in these pages: he has introduced us into the world of Udmurt ceremonies and shared with us his knowledge. In addition, within this book there are many photographs by him, and he is the author of the Russian translations of the Udmurt prayers;
Nikolai Anisimov for his continuous support: he has checked our text in detail until the very last moment and enriched it with his field experiences and suggestions;
Laur Vallikivi, who read our text and commented on it;
Daniel Allen, who edited the English version;
Sergei Troitski, who translated the text into Russian.

Preface

This book was born as a development of the four documentary films on Eastern Udmurt collective prayer ceremonies published by Liivo Niglas in 2019. On the one hand, we felt the need to add extensive comments to the films. The task of the films is not to say all that there is to say on the subject: the aim is not to provide an intellectual understanding of the complexity of ritual, nor to explain its historical context, not even to give a detailed description of the ceremonial process. For that words are much better suited. A film's contribution to the understanding of a ritual is based on its capability to transmit the experiential dimension of the ceremony, to convey the feelings and emotions of participants to the empathetic viewer. With this book, we attempt to concentrate both on the intellectual as well as on the experiential dimension of the Eastern Udmurt public prayer ceremonies: the scientific and analytical aspect with our text; the emotional and sensorial aspect with the films; purely visual information with the photos.

At the same time, we are aware of a shortcoming our publications often have: quite frequently they are not available for the people of whom we speak. Usually, they are published in academic journals that never make it to the villages. Often, they are written in languages our informants do not understand. Villagers complain that they have repeatedly the visit of anthropologists, but they never see any output. We have tried to address this concern and to express in different ways our gratitude for the help bestowed on us by the research subjects. They have a right to know what we tell the world about them. Therefore, this book is not only dedicated to them, but also, very practically, they are its addressees. The text, which has been written in English, is fully translated into Russian, the language most of the Udmurt are fluent in; all the films have subtitles in Russian (as well as in English), so even those Udmurts who have problems following local Eastern Udmurt dialect, can enjoy the films.

Making this book, we have been encouraged by the successful reception of this format. One such publication by Eva Toulouze and Nikolai Anisimov (2020), got good feedback from Udmurt informants: they were grateful to receive it, they found themselves in it and were happy about this. We want to achieve the same result with this book and express in deeds our thankfulness to the great Udmurt community in Bashkortostan.

The films

The four films: Gurt Vös', Mör Vös', Tol Vös' and Elen Vös' are to be found on the IUF project's web site at the following links.

English subtitles: <https://www.folklore.ee/udmurt/kamaudm/en/the-films/>

Introduction

In whatever culture, traditional or contemporary, rituals represent a significant part of what the culture-bearers see as self-evident. Spontaneously, we would not even use the word 'ritual' for events like birthday parties, the beginning of a new academic year or the beginning of a football match. Ignoring the universality of the phenomenon, we tend to use this word about traditional cultures like those that will be described in the following pages. Although, is it right to call the Udmurt culture a traditional culture?

We shall not dwell here on the complicated notion of tradition, but will just rely on the intuitively perceived notion of the 'traditional'. The Udmurt, an ethnic group living in central Russia, have agrarian traditions. Their life has been rooted in villages, with modern urban life starting to dominate their lives barely one century ago, at the beginning of the 20th century, with the advent of the Soviet era. Although the Soviet period had and has deeply ambiguous consequences, both enriching and tragic, it has undoubtedly allowed the Udmurt to enter a new period in their history. The Udmurt of today, the same Udmurt we are going to comment about, are modern people. Many of them have computers at home and communicate with friends through social media. They listen to the same songs and watch the same films as their age mates in the other parts of the world. So, on the one hand they are globalised people. But simultaneously, they have an inheritance which they carry on, they have their own way to address God and to strengthen the links within their community.

When it comes to the traditional religion, some researchers definitely look for oldtimers. Indeed, much has been lost with the Soviet taboo on investigating religion, and it is reasonable to try to fill the blanks by collecting as many memories as we are able to. But just as important is to avoid being in the same situation in 50 years, and to pay attention to what is going on today. Especially because the present is a fascinating period. After a long period of oblivion, the Eastern Udmurt are taking in hand their traditions and renewing them according to their needs. We do understand the pain of elder people, who must witness the death of the world of their childhood and youth. Indeed, we share their pain. But we are also happy to follow those who are fully engaged in building bridges between the roots and the fruits. It is these people this research is about.

We have conducted fieldwork among the so-called Eastern Udmurt, a diaspora group living in a Turkic environment east of the Kama River, a large part of which is in the Republic of Bashkortostan while the core of the Udmurt population remains in the territory of Udmurtia (the Udmurt Republic) between the Vyatka and the Kama rivers. The whole of the Eastern

Udmurt region is a particular one from the religious point of view: they have never been forced to embrace Christianity¹, and their particular form of agrarian worship is still very much alive, with more or less continuity. We shall analyse this phenomenon in one of Bashkortostan's district, where nineteen Udmurt villages form a cluster.

The encounter with the collective rituals of the Eastern Udmurt

After this brief introduction, we shall present how we came across the rituals that we have now been studying for ten years. We, the authors, have been working among the Eastern Udmurt since 2013, initially on our own initiative with the support of the University of Tartu, later within the framework of several Estonian and French projects. We rely upon data that we gathered during fieldwork in different villages of Tatyshly district, Bashkortostan. We have not ignored other villages that have collective ceremonies in other districts, but here we will keep this additional information for comparison and shall concentrate on one set of ceremonies, the annual cycle, in this cluster of nineteen neighbouring villages.

Eva Toulouze became acquainted with Tatyshly district in 2011, when she took advantage of free time after participating in a Russian-French summer school of young scientists in Ufa, Bashkortostan's capital. She visited the Udmurt Cultural Centre in Novye Tatyshly, a village that is known to the Udmurt as Vil'gurt ('new village'). The Udmurt activists who received her showed her their sacred places and told her about their sacrificial ceremonies. This awakened her interest, which was the keener for the fresh experience she had had in Udmurtia – she had witnessed there some tense, suspicious behaviour on the part of people who support traditional religious practice, which can be explained by the hostile environment the Orthodox Church has created against the animistic tradition in the region. The spontaneously natural way the people in Novye Tatyshly talked about their rituals aroused her interest, and two years later, with the acceptance of the local authorities, she was back. She arrived with two colleagues, Udmurt ethnographer and specialist in Udmurt religion Ranus Sadikov, with whom most people in the region were already acquainted because he had worked in the region for a long time; and the co-author of this book, Estonian visual anthropologist and filmmaker Liivo Niglas. A filmmaker's presence was a must, as we were aware that the visual dimension would be

¹ Although some individuals, for different reasons, have converted.

crucial in documenting practices that had not been documented and which only a few people outside of the region knew about.

The first year allowed us the discovery of the field. Our small team found lodgings in the small village of Malaya Bal'zyuga, and we started our work by becoming acquainted with the local sacrificial priests. Actually, our choice of village was justified: not only was the acting sacrificial priest an exceptionally young man, 30-year-old Fridman Kabip'anov, but it was the place where his predecessor lived, elder sacrificial priest Nazip Sadriev, an authority on religious matters across all of the Udmurt territory.

We stayed for one month in the village and merged into its social life. We discovered the geography of the area, other villages, the local authorities and many villagers, among whom those who visited our landlady regularly brought information directly to us at home. At the same time, they were interested in understanding who we were, for foreigners were seldom seen in the village. A shift in calendar habits did not allow us to attend ceremonies at the village level, for they had already been performed when we arrived at the beginning of June. But we were in time for two bigger ceremonies encompassing several villages. Our attendance and filming gave us the opportunity to become acquainted with several active sacrificial priests and their helpers: we never attended a ceremony without having met the priests beforehand and obtaining their permission. We must recognise that never, neither in the Tatyshly district nor elsewhere, did we meet a refusal. On the contrary, we were always received with the utmost friendliness. If some of our partners had reservations or objections, they never expressed them to us directly. Thus we had the opportunity to notice several differences between the ritual practices of different locations. Moreover, we attended a ceremony that covered the whole Eastern Udmurt region at the end of the month.

We went back to the field six months later for the winter ceremonies and attended two of them. We were on our own, for Ranus had health problems that did not allow him to go to the field for one-and-a-half years. We already had some contacts, lodgings we were welcome in and the trust of the people responsible for the ceremonies. We found an interpreter, a doctoral student at the University of Tartu, Anna Baydullina, who was writing up her PhD at home in an Udmurt village.

Next year, in 2013, our team was increased with the presence of Estonian anthropologist of religion Laur Vallikivi, who later joined our fieldwork on three occasions. We were finally able to attend the ceremonies at the village level, even two of them. This was indeed illuminating. While that very year Udmurt civil servants started talking of the standardisation of Udmurt

rituals (FWM 2014²), we would witness the extraordinary diversity of them, even among very close villages. We understood that documentation had to tackle this question. Considering the powerful influence of film, we understood that we had to document all the village ceremonies, for each village had the right to see its traditions, its way of doing things, documented, and by failing to do so standardisation could very well start with the documented ceremonies, ignoring those not documented. Thus, for ethical reasons, our programme was established to run for several years.

In the next year, 2015, Ranus Sadikov was back, but Liivo Niglas, who was filming a documentary in the USA, could not join us. So only Eva and Ranus were in the field visiting several new villages, some in other districts. We had then a new experience of cooperation with Udmurt television, which sent at our request and with the financial support of Tartu University, a cameraman to film a village ceremony, which confirmed the local peculiarities of the ceremonies.

2016 was a turning point in our fieldwork, for that year we were joined by Nikolai Anisimov, a young Udmurt folklorist fluent in his mother tongue, preparing his PhD in Tartu University, whose presence significantly broadened our field of study. Anisimov's presence was material from two points of view. Firstly, he opened the field of song to us. Song is a central mode of expression in Udmurt communication. We had no contact whatsoever with song in the first years, probably because Ranus was not interested in singing culture and did not sing himself. But Nikolai not only is a famous performer of Udmurt folk and stage songs, well-known in all the Udmurt area, he also has a huge repertoire of folk songs from different local cultures. His mere appearance in homesteads prompted singing. The filling of this huge gap in the understanding of contemporary Eastern Udmurt culture was most enriching. Secondly, Nikolai's fieldwork techniques and his status allowed communication to flow much more easily and deeply: everybody was honoured to have him visiting. We were received indeed as guests, with all the traditional rituals of hospitality.

Since 2017, we have been financed by a French State grant³ in addition to Estonian grants, and every year, sometimes twice a year or more, groups of scholars attended the field and conducted fieldwork in the Eastern Udmurt area. People expect us. The year 2020 and some part of 2021, with

² Recorded from Salim Garifullin, b. 1950 in Nizhnebaltachevo, by Eva Toulouze 2014.

³ IUF 2017–2022 “Étude interdisciplinaire d’une minorité animiste en Russie d’Europe, les Oudmourtes orientaux: rituels, coutumes, engagement communautaire aujourd’hui” (2018–2022) Interdisciplinary study of an animist minority in Russia, the Eastern Udmurt: rituals, customs, and community involvement today”.

the COVID-19 restrictions, did not allow for fieldwork and the villagers expressed their surprise that we were not there, as they have become accustomed to us visiting.

Finally, since 2016, we have been invited to several other kinds of more intimate ritual. We have now many friends and acquaintances in the field, and the people are interested in having us document their family rituals, which we are happy to do, both for the sake of science and for their family archives. However, these rituals are not the aim of this book: here we shall stick to collective prayer ceremonies, the most original feature in Eastern Udmurt religious practice.

Traditional collective ceremonies of the Udmurt in general and the Eastern Udmurt in particular

Before Christianisation, Udmurts regularly held ceremonies that included the population of whole villages and groups of villages. Even after Evangelisation was achieved, we have evidence – both from archive materials and from early researchers, who left even photographs of such huge ceremonies – that initially the practice was not totally discontinued (Wichmann I 1987; Sadikov & Mäkelä 2009; Harva 1914). Of course, evangelisation came early in the core Udmurt territory: it started in the 16th century, with the defeat of the khanate of Kazan by the Muscovite armies in 1552, and the absorption of the khanate's territory in what was becoming the Russian Empire. It continued in the subsequent centuries, with a peak in the 18th century – the thirty years preceding the acceptance of religious freedom in the Russia Empire, i.e. before the prohibition of forceful conversion when the Office for Neophytes was established in 1740 (Kappeler 1982: 277; Brennan 1987: 128–129; Luppov 1999 [1899]: 148). But what was done could not be undone. Until 1905⁴, apostasy from Orthodoxy was a crime⁵, so despite many attempts (mainly by Mari, a Finno-Ugric group living west of Udmurtia, who wanted their old spirituality back) there was no way out of the Christianity they had been coerced into and they became accustomed to it. Therefore, at the end of the 19th century, when ethnographers started to use photography in fieldwork, no more big ceremonies were held in core Udmurt territory as it was wholly encompassed by Christianity. However,

⁴ In 1905 a new law was adopted allowing apostasy (McCarthy 1973: 308).

⁵ See Nilüfer Kefeli 2014: 23–24.

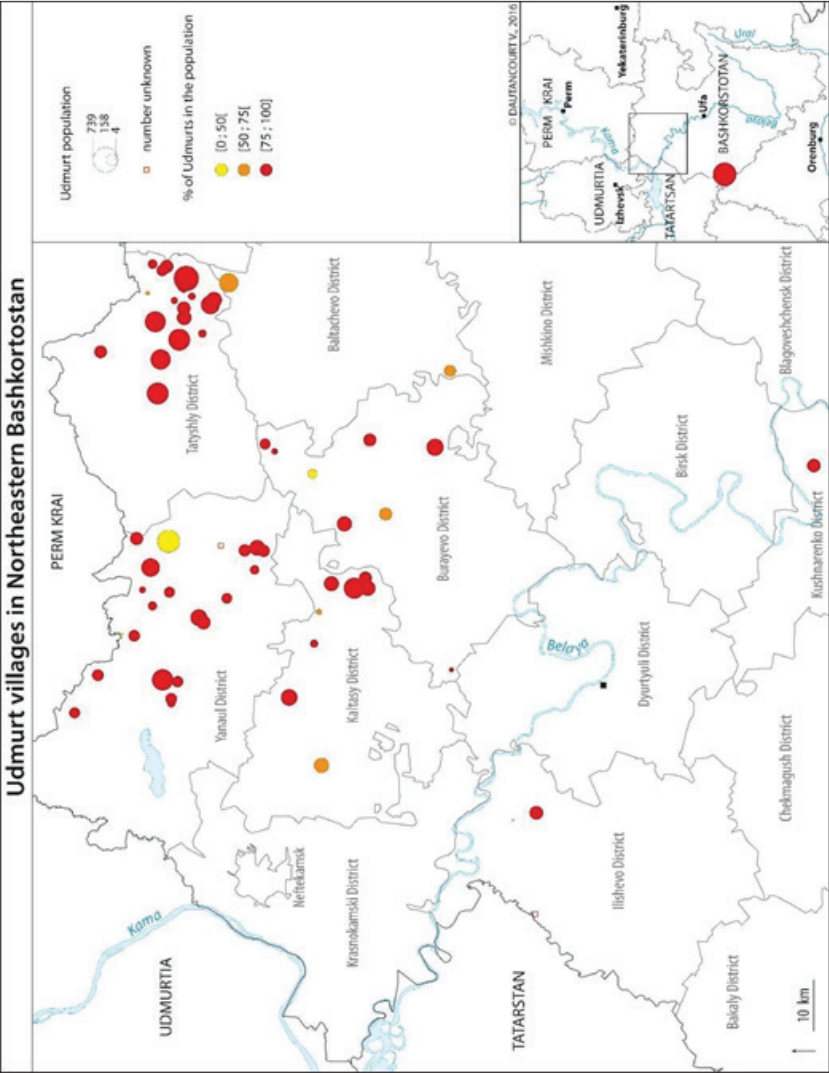
they continued elsewhere, and the photographs we have are from these other areas. Indeed, in other territories traditional Udmurt practices did not die.

Those Udmurt communities that did not want to accept the new rule fled. They found sanctuary in the surrounding Muslim areas (Toulouze & Anisimov 2020; Kappeler 1994: 41; Luppov 1999 [1899]: 141–142). These areas were scarcely inhabited, and the local population, Tatars and Bashkir, were partly nomadic. The Muslims accepted the newcomers and the Udmurt were allowed to settle and keep their customs, but were asked to pay tax and rent on the land. Later, they bought the land as their own. Although Islam is also a proselytising religion, and there were attempts to get the new population to embrace Islam, the situation was entirely different from forced Christianisation by Russians. The attempts at conversion were not supported by the power of secular authorities, rather they relied on the beliefs and trust of the local population. They were partly successful, and several villages during the 19th century and especially at its end decided to turn collectively towards “the Tatar faith” (Sadikov 2019). But most of the Udmurt communities kept aloof and retained the traditions they had migrated to maintain.

This explains why the photos we have of massive ceremonies at the end of the 19th century come from the region beyond the Kama River, where the Udmurt had retained their traditional rituals. Some scholars, particularly Finns, left extremely valuable information about these rituals, both in writing and in photographs (Sadikov & Mäkelä 2009). These allow us to visualise the configuration of sacred places, the behaviour of the population, the clothes they wore. They are precious data *per se*, but they are also extremely useful from a comparative perspective.

In the 20th century, the Udmurt religion has revealed its resilience. During the Soviet period, religion in general was under siege. The State rejected it and banned it from social life. Religious practice was not directly prohibited, but was not well accepted, and sacrifices of big animals (cows, horses) were seen as violations of state property. The pressure from the State and its institutions was overwhelming everywhere, although the Eastern Udmurt somehow received less severe treatment. Probably this is because of the agrarian environment they lived in, wherefore the Party was less interested and less involved in repressing ideologically ‘incorrect’ behaviours.

On the one hand, religious practice found expression within the official rule, as with for example fertility ceremonies performed at collective farm. On the other hand, strong and obstinate sacrificial priests challenged the Communist Party and went on holding their ceremonies in discreet locations. Of course, as everywhere, the young were exposed to State ideology through school and the army, and were not able to join the elders in ceremonies that were held during working hours, which were attended by only

retired villagers. But repressions never became so drastic that they totally discouraged religious practice.

Thus, in the areas beyond the Kama (see map below), inhabited by the Eastern Udmurt, in some places collective ceremonies survived for the whole of the hostile 20th century. In other places, they have disappeared at different historical moments. The reasons for preservation and disappearance are diverse, but the main one is ultimately the degree of involvement of the people concerned (Toulouze & Vallikivi 2021).

The main character in such ceremonies is, first, the sacrificial priest, the person responsible for conducting the ceremonies. In places where the personality of the sacrificial priest was strong and deliberate, the tradition remained and was transmitted. It required a powerful personal involvement, and courage as the pressure from the communist authorities was insistent. In the places where these ceremonies have never been discontinued, we find such sacrificial priests. But it is not the only condition for maintenance. It is probably not by chance that the main place where ceremonies did not experience interruptions is the Tatyshly district of Bashkortostan. This district has three characteristics that could encourage the preservation of tradition. Firstly, there are 19 Udmurt villages forming a cluster so there is an ethnically homogeneous Udmurt zone in which Udmurt is the main communication language and has not, as yet, been replaced by any other. Secondly, the main population around the Udmurt cluster is a Turkic one. If we rely on Russian language sources, the main population is Tatar. If we listen to Udmurt speech, it is composed of “Bashkyrt”, which is the general word used for the Turkic population (Atamanov 2020: 132). If we look at census information, the population is mainly Bashkir. We choose the neutral expression Turkic because we do not wish to interfere in a polemic for which our fieldwork has not prepared us. To sum up its terms, we must take into account that the population of Bashkortostan is, according to the 2010 census, 36% Russian, 29.5% Bashkir and 25.4% Tatar. Historically, in the 20th century the percentage of Russians has remained more or less stable, between 42.44% in 1959 down to the 36.05% of 2010. The balance between Tatars and Bashkirs has, on the contrary, fluctuated: while in 1920 most of the Turkic population was Bashkir (40.13%), with very few Tatars (5.17%), in 1926 the proportion had changed (23.48% versus 17.55% Tatars)⁶.

The change was even more drastic in 1939, when the Tatar population was even larger than the Bashkir: 24.60% versus 21.25%. The respective positions of Tatars and Bashkirs remained in favour of the first until 1989, when the Tatar were 28.42% and the Bashkir 21.91%. In the last

⁶ These are the official figures from the Russian census.

censuses, 2002 and 2010, the Bashkir became again the first Turkic people in Bashkortostan. Let us remember that in the Russian censuses, the principle is to accept the subjective understanding of each individual about his/her 'nationality' i.e. ethnic belonging (see Toulouze, Vallikivi 2015). The Bashkir are the eponymous people of the Republic. Since the beginning of the 1990s, the political power in Ufa, particularly with president Murtaza Rakhimov (1993-2010), had promoted an aggressive Bashkirisation policy, encouraging the population to declare itself Bashkir. As it is very unlikely that people with a Russian ethnic awareness would ever declare themselves Bashkir, this policy was in priority directed towards Tatars. Indeed, the Turkic identity is divided between Tatar and Bashkir awareness, especially in Tatyshly district. Actually, the same may be said of the whole area inhabited by the Udmurt. According to linguists, the Turkic language spoken in this area is an intermediate dialect between Tatar and Bashkir, which, depending on one's beliefs, is either Eastern Tatar or Western Bashkir (see Gabdrafikov 2003, 2007, 2011). But the mere fact that the Udmurt's neighbours are Turkic protected them from interference in their religious life because the missionary activity of the Orthodox Church was weak in the Muslim territories. Moreover, the Turkic population was less eager to embrace communism than the Russian. Turkic identities were and still are in some ways very much linked to religious identity as Muslims. This led Tatars and/or Bashkirs to be more accommodating of religious Udmurts. Some Turkic leaders of local collective farms, or *kolkhozes*, even supported Udmurt sacrifices, asserting that "when the Udmurt ask for rain, it rains"⁷.

The third characteristic of Tatyshly district is its utter agrarian character. Even the district centre is not a city, but a small town (*село*) inhabited by 6,650 people. There were no industrial challenges and this remoteness from what the Communist Party considered as its priorities helped preserve traditions.

The other districts where Eastern Udmurt dwell presented less favourable conditions. The biggest Udmurt population in Bashkortostan is in the Yanaul district, the administrative centre of which, Yanaul, has officially been a town (*город*) since 1991 and had, in 2020, 25,109 inhabitants⁸. Moreover, the Udmurt villages in this district represent several clusters, although they do not form any compact Udmurt zone. It is the same with the other districts concerned – Kaltasy, Buraevo, Baltachevo – the others having only isolated Udmurt villages in an alien context.

⁷ This is a sentence often heard in this area (FWM 2013, 2017, 2018).

⁸ See <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BB> (25/06/2021).

Indeed, in most villages at some moments collective ceremonies were discontinued. The exact time when this happened could be different. Sometimes it was in the 1950s, but in most cases it was later, in the 1970s–1980s. Usually this happened when the acting sacrificial priest died and there was no one to take over his functions. Sometimes he even organised his own succession: in Kasiarovo village in Buraevo district in the 1990s the dying sacrificial priest asked two of his helpers to step in (Sadikov 2019: 265). But despite his preparation they did not become priests, until, in 2015, pressure from the population and difficulties in one of these potential sacrificial priest's lives, which he interpreted as being punishment for his neglect, compelled him to start the ceremonies anew.

Indeed, this did not happen by mere chance. It was but one episode in a process that had started much earlier, as early as the end of the 1980s. Even before the fall of the Soviet Union, a religious awakening had taken place in the Udmurt villages. On the one hand, the local leaders – kolkhoz chairmen or administration heads – took initiative first in renovating sacred places and building cabins there for the comfort of the sacrificial priests and their helpers. At the same time, they started to investigate, in all villages in which the ceremonies had been discontinued, the possibility of revitalising them. They asked active members of village communities and former leaders to look for descendants of sacrificial priests who would agree to take over prayers at the ceremonies (FWM 2014, 2015, 2018⁹).

At the same time, this initiative clearly answered the wishes of the population. This process took years to touch practically all Udmurt villages and collective ceremonies were revitalised everywhere. In the case of wider ceremonies, encompassing the whole of the Eastern Udmurt area, the process led to very successful revitalisation. It is the case with the *Elen vös'* ceremony (Sadikov 2010). It is a ceremony known from the end of the 19th century, in which the Eastern Udmurt gathered from different villages and prayed together. This ceremony was performed in rotation between three villages: Kirga in the Kueda district of Perm kray, Altaevo in the Buraevo district of Bashkortostan, and Staryy Varyash in the Yanaul district of Bashkortostan. The ceremonies were discontinued as soon as the 1920s. Although all of the Eastern Udmurt area was involved, memory of the ceremony did not remain, except in the three villages concerned. It was in Altaevo that the impulse to revitalise this ceremony started. Altaevo is the birthplace of one of the most respected sacrificial priests of the 21st century, Anatoliy Galikhanov, and his brother Kasim. Kasim Galikhanov is a well-

⁹ Conversations at the district administration, 2014/06; with the new district centre sacrificial priest, 2015/06; with Yuriy Menzaripovich Sadyrov, 2018/06.

known architect and artist in Izhevsk, the capital of Udmurt Republic, where he has also been active in matters of revitalisation of Udmurt traditions. As a member of the Izhevsk association of the Eastern Udmurt, he and the head of that organisation, Flyura Chibysheva, organised the rebirth of the *Elen vös'* ceremony in 2008 (FWM 2018¹⁰).

This important ceremony, which is indeed attended by Udmurts from most Bashkortostan districts and other regions inhabited by Eastern Udmurt¹¹, has been very illuminating in revealing the differences today in living traditions (FWM 2019¹²), proving that no standardisation of the ceremonies is going on (we shall comment on this later).

Although this is not the main topic of this book, it is important to notice that collective ceremonies are not the only ritual practice alive in this region. Indeed, in all of the Udmurt territories, private rituals have been much better preserved than collective ones. They were submitted to less publicity and could be performed without state control (see Toulouze & Vallikivi 2021). Commemorations of the dead, seasonal prayers¹³, weddings, rituals around childbirth, etc., are performed according to traditional rules, often also in Udmurtia in areas in which the Russian Orthodox Church is strong, in syncretism with Christian practices. But we shall not develop this theme here.

The collective ceremonies in Tatyshly district

As we already mentioned, Tatyshly district is overwhelmingly agrarian, with a majority Turkic Muslim population and a cluster of Udmurt villages. Here, Udmurt religious practice has been widely preserved. It is certainly not the only place: in Yanaul district there are some villages, such as Kaymashabash, where there has been no interruption of religious practice (FWM 2019¹⁴). In Tatyshly district, active practice encompasses more than one village, or even more than one village level. Here the 19 villages are connected into a ceremonious system at three, or even four levels. This system functions most fully for the spring ceremonies, whose cycle is supposed to finish around the summer solstice.

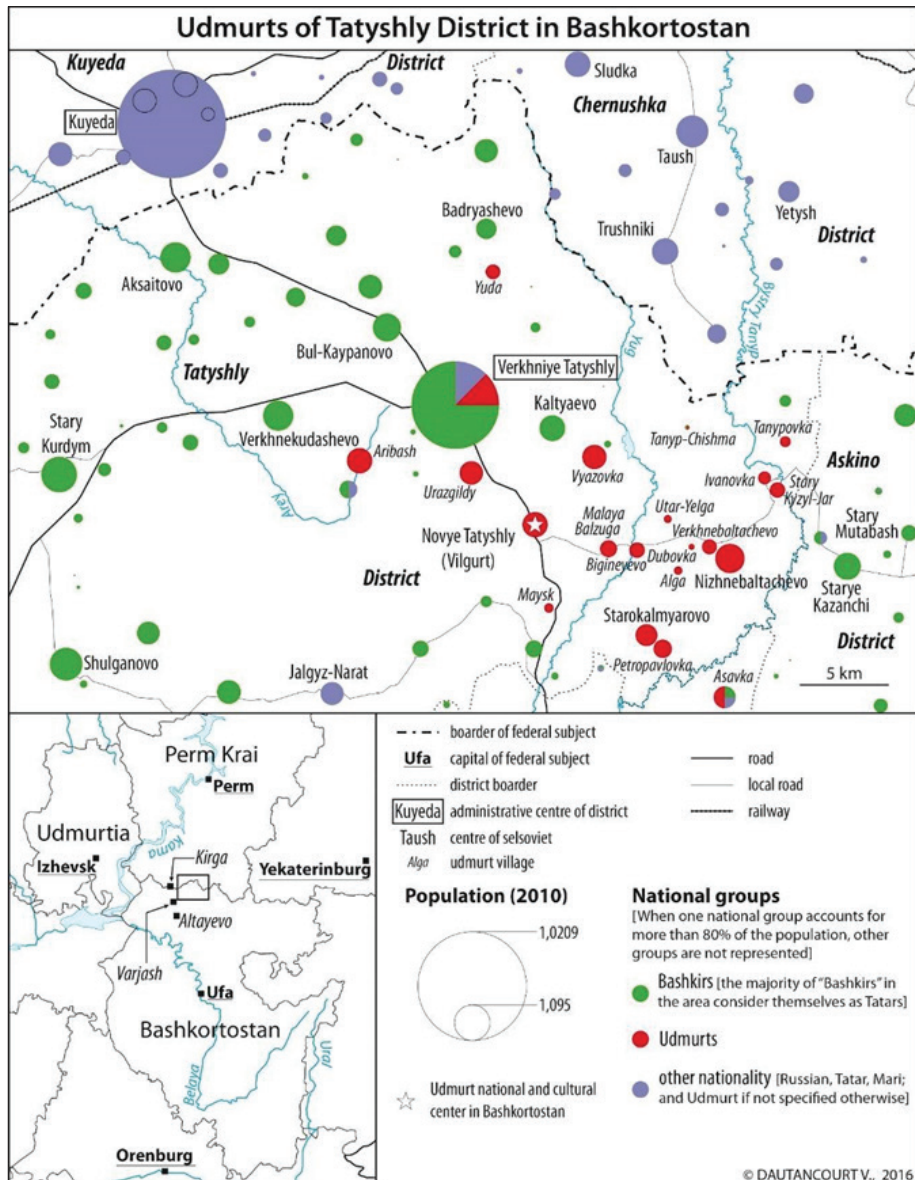
¹⁰ Conversations with Kasim Galikhanov 2018/07 and Flyura Chibysheva 2018/07.

¹¹ The Eastern Udmurt inhabit not only Bashkortostan but also the Kuyeda district of Perm kray. There are also many Eastern Udmurt living in Udmurtia.

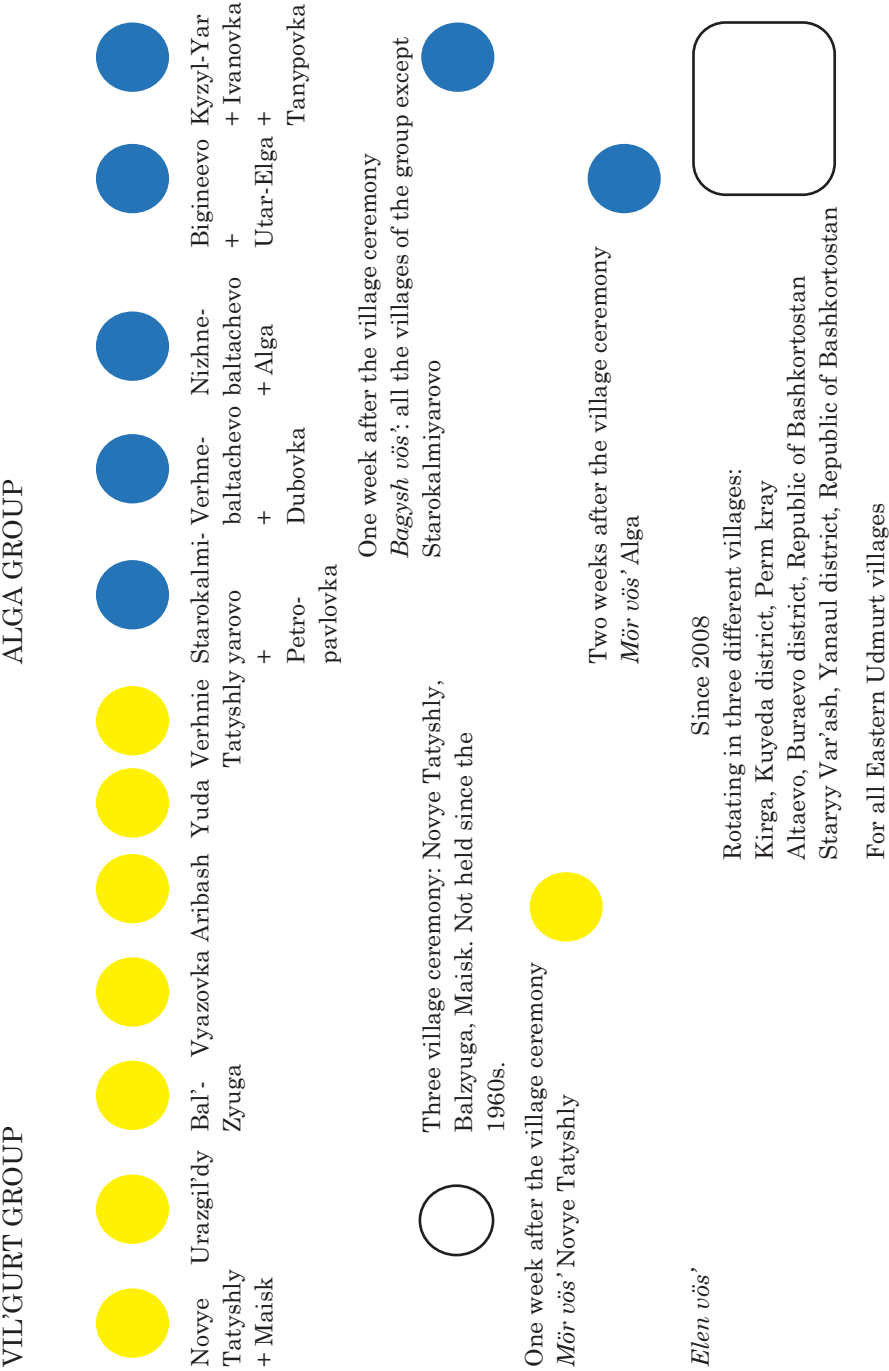
¹² *Elen vös'* 2019, Staryy Varyash, Yanaul district, Bashkortostan.

¹³ See Toulouze 2018.

¹⁴ Kaymashabash, Yshtiyak vös', July 2019.

The spring cycle of ceremonies

The spring cycle, as we see with the help of the diagram above, follows a general pattern that is more or less symmetrical. We shall now give a short overview of the annual ceremonial cycle and then comment in more detail on each level.

The first observation is that the villages in Tatyshly district are divided into two religious groups, which are coordinated for their ceremonies, although their traditions are slightly different. The spring/summer ceremonies start at the village level with the *gurt vös'* ceremonies supposedly taking place the same day in all the village. In reality there can be a three-day shift (from Friday to Sunday), but all the festivals are held during the same week. The following week is the time for the next level ceremony, which was initially a three-village event. In one group, it ceased to take place at the beginning of the 1960s. But in the other group, not only did it go on, but it gathered more and more participants, so that in 2020 all the villages of the group but one were present at *Bagysh vös'*. Symmetry is re-established for the ceremony gathering the whole of the group, and which are held within one week of one another. Since 2008 the cycle has ended with the participation of whoever wishes to attend at the big gathering of the Eastern Udmurt, the *Elen vös'*, in which usually representatives of both groups, the most engaged of the sacrificial priests, participate with a common sacrifice.

The village level: *gurt vös'*

In principle, all the villages in the district have each their own separate ceremony. This is certainly the first level. All the village ceremonies take place, in principle, on the same day. We have twice repeated the formula “in principle”. This is indeed the rule, but exceptions and adjustments are possible.

Some of the Udmurt villages in the district are very small. Moreover, some of them are historically the extensions of other, bigger villages. In some cases, these small villages join, for the village ceremony, a bigger village. Thus, there are not really 20 village ceremonies in the district, but fewer: Maysk and Novye Tatyshly, Alga and Nizhnebaltachevo, Utar Elga and Bigineevo, Tanyrovka, Kyzlyar and Ivanovka, Starokalmiyarovo and Petropavlovka have their ceremonies together. But it is true that each village has a village ceremony, alone or with one of the neighbouring communities.

Indeed, the rule is that the village ceremonies take place the same day. But this is not an iron rule. In some cases, one village may organise its village ceremony on another day. We have some examples from our fieldwork. In 2014, we attended the Balzyuga spring ceremony on June 6th. As our helper Anna Baydullina, from Urazgily village, was interested in having

us record her village ceremony, she discussed having the village ceremony two days later, on June 8th, with the ceremony organiser. They discussed that while Friday¹⁵ was the best day for ceremonies, Sunday was also acceptable (while Saturday was excluded). In the same way, the last of the ceremonies revitalised in the district usually takes place not on Friday, but on Sunday. It is the ceremony at the administrative centre of the district, Verkhnie Tatyshly. For years, the ceremony for nine villages was held there. Later a more discreet location was chosen and that ceremony started taking place in Novye Tatyshly (Vil'gurt). The revitalisation of the village ceremony was not an easy task. The Udmurt are but a small minority of the population in the town, and the sacred place no longer existed. While memory can approximately position the sacred place, it is now in a residential zone of town and nobody actually remembers the precise location. So a new one had to be found. It was provided on private land owned by the son of Rinat Galyamshin (1948–2020), the charismatic Udmurt regional leader. His son, Rustam, offered some of his land, built fences and a cabin and in 2015 the first ceremony was held. Actually, the organisers did not trust that there would be anyone in attendance, and did not provide a sacrificial animal, so the ceremony took place using a porridge without meat. They were surprised by the success of the enterprise and in later years, the order was re-established properly with a sacrificial ewe. There is another exception to the Friday rule, with the ceremony in Starokalmiyarovo-Petropavlovka, but we shall come to this later.

This was the first level. In order to explain the other levels, we must go back to the structure of the 19 Udmurt villages in Tatyshly district. The district is crossed by a river officially called the Yug (Yuk in Udmurt), which divides the Udmurt cluster into two parts. It also represents the border between the lands belonging to two cooperatives, still called by the people *kolkhoz*, one a homogenous Udmurt cooperative called Demen ('Together' in Udmurt) and the other a mixed Udmurt-Tatar cooperative called Rassvet ('Dawn' in Russian). On one side of the river, there were nine Udmurt villages, now eight (Novye Tatyshly/Vil'gurt, Nizhnie Tatyshly¹⁶, Verhnie Tatyshly, Maysk, Urazgil'dy, Malaya Bal'zyuga, Yuda, Aribash, Vyazovka), on the other eleven (Utar-El'ga, Bigineevo, Nizhnebaltachevo, Alga, Verhnebaltachevo, Dubovka, Starokalmiyarovo, Petropavlovka, Kyzyl-Yar, Ivanovka, Tanygovka). They form the two religious groups, which we

¹⁵ In some dialects of Udmurt, Friday is called *udmurtarnya*, which means 'Udmurt week', showing that it was an important day for the Udmurt.

¹⁶ When the system was established, it was a separate village. However, today it is part of the district centre and is no longer considered a village.

call the Vil'gurt group and the Alga group, depending on the place where they gather for the third level ceremony.

After all the villages have held their village ceremonies, historically the two groups had, before the 1950s, an intermediate ceremony encompassing three villages. In the Vilgurt group, the villages of Novye Tatyshly, Maysk and Urazgil'de had a common ceremony called *kuin' gurt vös*, 'ceremony of three villages'. This, second level, ceremony was suppressed by Nazip Sadriev, the main religious authority in that group at the end of the 1950s in order to concentrate their attention on the ceremonies at the first and the third levels. The three villages ceremony added to the villagers' expenses by adding one sacrifice to the others and required from the sacrificial priest and his assistants additional efforts, i.e. they had thus three Fridays occupied in June.

The multiple villages group level: *mör vös*'

The week after the village ceremony, the ceremony of all the villages in the group takes place in Novye Tatyshly. Formerly it was organised at the administrative centre, Verkhnie Tatyshly, but in the 1970s the main sacrificial priest chose more discreet locations, as far as possible from the control of Communist Party officials. This ceremony is called *mör vös*'. The term *mör* refers to the village community in old Russia, called *mir*. It is led by the sacrificial priest(s) of Novye Tatyshly.

In the other group, the 'Alga group', the three-villages ceremony has not been suppressed. On the contrary, what was initially a three-village ceremony, including Nizhnebaltachevo, Verkhnebaltachevo and Kyzlylar (Sadikov 2019: 260), has increased to 8 villages: all but Starokalmiyarovo and Petropavlovka attend (Sadikov 2019: 267). The last to join has been Bigineevo, in 2015, when we were already documenting the rituals. This ritual takes place one week after the village ceremonies, i.e. when the Vilgurt group holds its *mör vös*'. This ceremony is not held in a village, but in a sacred place situated in a field beside the road to Kyzyl-Yar. It is characterised by a huge fir tree, encompassed in a fenced space and has a small shed. The ceremony is called *Bagysh vös*', according to the name of the former owner of the field, a man called Bagysh.

We mentioned that Starokalmiyarovo and Petropavlovka did not hold their village ceremony on the same day as the others. As they are not connected with *Bagysh vös*', they hold their village ceremony when all the other villages celebrate *Bagysh vös*'. We must also add that for a long time, before the 1970s, Starokalmiyarovo held its village ceremony with another village, which is not in the district. Historically a part of the village population left

and founded a new village a couple of dozen kilometres away, in what is now the Kueda district in the Perm region. Until the 1960s the inhabitants of the new village, called Kalmiyar, held their village ceremonies with their mother village (FW 2018). This may explain why this village is slightly out of sync with the rest of the villages in the district.

The next week, when the Vilgurt group has achieved their tasks in the cycle, the last ceremony within the district takes place, the Alga group's *mör vös'*. The first explanation we were given about the shift in time was that the big ceremonies were not held simultaneously in order to allow kin to visit. Still the explanation seems to be an *a posteriori* makeshift explanation, and certainly a recent one. Indeed, in the actual tradition people were not supposed to attend other village's ceremonies than their own. The presence of aliens was limited in this respect. This corresponds to our observations: we have never seen anybody but the community members, except anthropologists, attend this kind of ceremony. Moreover, nobody ever seems to know how the neighbours perform their rituals. One of the novelties our films have probably brought is the opportunity to see how the other villages conduct their ceremonies.

The winter ceremonies

The spring *mör vös* has its equivalent around the winter solstice. The names remain the same, with the addition of the word for winter, *tol*: *tol gurt vös'*, *tol Bagysh vös'*, *tol mor vös'*. Still not all of these are implemented. Among the 19 villages there is at the moment only one *tol gurt vös'* or winter village ceremony, in Starokalmiyarovo. The other villages do not perform this ceremony. The Alga group's *tol Bagysh vös'*, or winter three-village ceremony, is held in the same location as the summer one, with 8 villages participating. Both groups have *tol mör vös'* ceremonies, but while in the Alga group's ceremony all villages are encompassed, only three or four participate in the Vilgurt group's: Novye Tatyshly, Maysk, Malaya Bal'zuga and sometimes Urazgil'dy (FWM 2016¹⁷).

Of course, the conditions in which these winter ceremonies take place are quite different. Usually there is lots of snow, and temperatures, in this continental region, are quite low, in our experience from -10 centigrade at the winter *Bagysh vös'* in 2013 (with a snowstorm) down to -28 centigrade at Novye Tatyshly's *tol mör vös'* in 2016. This means working in harsh

¹⁷ About the participation of Urazgil'dy we were given contradictory information by Salim Shakirov and Rais Rafikov. Notwithstanding this, that year Urazgil'dy did not attend. Novye Tatyshly, *tol gurt vös'*, 2016.

conditions for all those who butcher the sacrificial animals and who sort the meat as they have to work with their bare hands. They are supported by the infrastructure on the spot: in both *mör vös'* places, there are cabins meant to protect the helpers and the sacrificial priests from the harsh climatic conditions. This is not the case with the *Tol Bagysh vös'* sacred place as there is only a small shed. However, Eva felt personally the comfort it gave when, in December 2013, she was ready to spend all the time observing the ritual from outside the fence, but the organiser, Farhulla Garifanov, pitied her and brought her to the shed. In Alga, the cabin has a most welcome stove, so it presents a real contrast with the frost outdoors. In Novye Tatyshly, there is no stove, only small electric heaters produce a little heat. Nevertheless, helpers go as much as possible inside, to drink hot tea, and to achieve all that must be done with bare hands. Otherwise, all the activities are indeed outdoors, although they require or tolerate gloves.

VIL'GURT GROUP

ALGA GROUP

Starokalmiyarovo
+
Petropavlovka
Tol gurt vös'

One week after the
village ceremony
Tol Bagysh vös':
all the villages of
the group except
Starokalmiyarovo

One week after the Alga group
Tol Bagysh vös'
Tol Mör vös'
Novye Tatyshly, with
only four villages in attendance

Two weeks after the village
ceremony and one week after the
Tol Bagysh vös'
Mör vös'
Alga

At the 2016 Vil'gurt *tol mör vös'* the sacrificial priest, Rais Rafikov, also sacrificed a goose at the very beginning of the ceremony. He went to a neighbouring house, where the goose was, and prayed in the yard for the sake of all the birds of the world. He told us later that this was not a compulsory part of the ritual, but when there is an opportunity, he is happy to perform this sacrifice as well. This episode is also recorded in the film about the winter ceremony.

In the first year of our research we attended both of the Alga group's winter ceremonies and were impressed by the beauty of the glittering snow under the winter sun, as we will try to show with the photos. The experience showed for us the swift functioning of the sacrificial priests and helpers and how they are a real and effective team. There was no remarkable difference between the spring and winter ceremonies in the proceedings, except with the branches used in the ritual actions, which were fir in winter instead of birch in spring.

The regional level: *Elen vös'*

We must conclude this overview of Udmurt ceremonies in Tatyshly district by mentioning the very last ceremony, which is not indeed a local ceremony, in which representatives of both district's groups participate. The *Elen vös'*, the ceremony of the country, was supposed to be a gathering of all the Eastern Udmurt. And here, the proceedings are slightly different because different local traditions meet, if not clash.

Eva and Liivo attended this ceremony in 2013 in Kirga (Perm kray, Kueda district). In 2018, in Staryy Varyash (Yanaul district of Bashkortostan), Eva attended, but not alone: Evgeniy Badretdinov, a student from the Udmurt University, had joined her for fieldwork. They are difficult to compare, because in 2013 we had just started to discover this world, while in 2018 we had already had a good experience of the ceremonies so we could understand what was going on better. In both cases there were certainly several villages represented, usually the most active of the villages and the most active of the sacrificial priests. In 2013 there was a minivan from Tatyshly district with three sacrificial priests, two from Vil'gurt, Salim Shakirov and Rais Rafikov, and one from Balzyuga, Fridman Kabipyanyanov, with some helpers from Balzyuga. One of the priests, Salim Shakirov, prayed along with others from other districts. Later the main organiser of the Alga group Farhulla Garifanov and that group's main priest Evgeni Adullin also attended, but as helpers to the Vilgurt priests. From other districts there was the well-known sacrificial priest Anatoliy Galikhanov, representing one of the historical

villages for *Elen vös'*, Altaevo in the Buraevo district, and somebody from Staryy Varyash, and Kirga, the two other villages that take turns to host this ceremony. On the first occasion we arrived with the Tatyshly district team, and spent most of the time with people with whom we were by the time well acquainted. Eva was cautious and asked her colleague Ranus Sadikov to ask the main sacrificial priest, Galikhanov, whether she was allowed within the fenced space. The answer was favourable, on condition that she would keep her scarf on and that she would wash her hands before entering.

In 2018, Galikhanov was also there, and Rais Rafikov prayed with the others. Evgeni Adullin and Farhulla Garifanov from the Alga group were also there from the very beginning, together forming a team. In 2013 we had noticed the representatives of Kaltasy district. They were easily recognisable because theirs is the only local group in which the women play a considerable role as the priest's helpers, while in other districts tradition requires ritual activities to be the exclusive domain of men. In 2018, they attended as well, but this time we did not feel any tension around them. We were acquainted with them as well as with the sacrificial priest, and our team spent some time with them.

The two locations are different and created a different atmosphere: the Kirga location is a wide fenced space on a field by the forest; the Varyash, a somehow less comfortable space in which some industrial objects stand not quite in the sacred space, but still close enough that they could disturb the visual harmony.

People from very different and distant communities come to celebrate *Elen vös*, which can even be problematic. The first disruption is that everybody arrives separately and at different times. The second is the huge variety in ritual tradition and the fluctuation of the participating parties. We have always witnessed the presence of the three rotating host villages: Kirga, in the Kueda district of Perm kray; Altaevo, in the Buraevo district of Bashkortostan; and Staryy Varyash in the Yanaul district of Bashkortostan. Usually Tatyshly district attends with a ewe, a sacrificial priest and a team of helpers; Kaltasy also attends with a ewe and a sacrificial priest. But there are districts that do not bring an animal, meaning that their priest cannot take part in the prayer. Actually, the participants come from many regions, even from as far as Izhevsk, where a bus is usually organised for the Eastern Udmurt living in Udmurtia as well as for journalists and tourists. Each side of the fence acts independently for most of the time.

The tensions between different traditions appeared very clearly in 2018. In 2013 we did not notice them, but this could be because the expertise acquired in the meanwhile helped us to identify the problematic points, and our closer acquaintance with the priests allowed them to share their

opinion more freely with us. The tensions were due to differences in local traditions that disturbed some of the sacrificial priests.

Let us sum up the differences we pinpointed between the two ceremonies. As the 2013 *Elen vös* is the subject of one of the films on the DVD, we will concentrate on the 2018 ceremony.

The first important moment is when Galikhanov and the host, the sacrificial priest from Staryy Varyash, begin the ceremony. Curiously, in 2018 it was almost a private ceremony: nobody stood or knelt behind them, and nobody, except our team, paid them any attention. In 2013 we did not identify such a moment. Meanwhile other helpers slaughtered their sacrifice in a grove. Galikhanov uttered a prayer at the end of which the two priests bowed three times and turned clockwise three times. Then Galikhanov threw a piece of the bread he held in his hands into the fire, ate another piece and gave a third to his fellow priest.

Another disturbing practice was that the Yanaul sacrificial animal was a ram, while the others had ewes. Galikhanov was angry: "how many times have I said them that they must sacrifice ewes!" Listening to Galikhanov, we thought that it was some kind of carelessness, that the sex of the animal was not important in the Yanaul district. However, while attending a ceremony in the Yanaul district, Eva learnt that in their tradition, the sacrificial animal must be a ram, and a ram whose blood had never been shed, which means that it was not castrated. So, our first impression was not right. While in the Buraevo and the Tatyshly districts, it must be a ewe, we are reminded that in Aribash, they must sacrifice a ram. So, Galikhanov uttered another prayer, in order not to let sacrifices being slaughtered without an accompanying prayer and repeated the same ritual gestures. Rais Rafikov was also disturbed by slaughtering without a prayer, and Galikhanov encouraged him to say his own prayer. So Rais also stood and behind him Galikhanov as well as other sacrificial priests and Farhulla also knelt while he prayed. When he bowed and said *Omin'*, all the others bent their heads to the earth.

These actions were achieved in a kind of in-between area. There is something like a fence symbolically separating the area where the audience would sit and the area where the religious specialists prepared the porridge and where the cauldrons stood. At this stage, the priests, both Galikhanov and Rais Rafikov, were standing in this area and looking in the direction of the cauldrons, while the kneeling participants stood behind them, between Rais and a row of cars and trucks, and practically on one level with the fence. Later, they would pray looking in the same direction, but standing on the audience side, behind the fence.

Later in the course of ceremony, when the audience is already gathered, the priests stand in front of the audience and talk about the offerings of money. They were quite close to the audience, closer than they would be for the general prayers. When every team has its porridge ready, the priests who are going to pray take a bowl of porridge and go in front of the participants and pray. At this point in 2018 there was a curious incident: Rais Rafikov, who was clearly not accustomed to the *Elen vös'*, had his bowl full of meat, as is usual in his village ceremonies. Then he saw that the others prayed with porridge, and he quickly added a spoonful of porridge to the meat. This is a good example of the clashing of traditions. The sacrificial priests pray one after another, most of them reading from a piece of paper: first the host, the sacrificial priest from Varyash, then Galikhanov, then Rais Rafikov, then Kirga and at the end Nasipullin, the Kaltasy sacrificial priest.

When the people have received their share of porridge, there is a second prayer, probably about the money offered. But here only four priests prayed: the host, Altaevo, represented by Galikhanov, and two other priests from Tatyshly and Kaltasy. At the end of the prayer, Galikhanov always turns towards the audience to thank them for their presence and to give them some instructions.

Sacred places

What we call sacred places have two names in Udmurt constructed on the same principle and omitting the concept of sacredness: *vös' inty* 'place of sacrifice', *kuris'kon inty* 'place of prayer'. Sacred places are not a motionless concept, outside time. Sacred places are born at some moment and later may be abandoned. Tatyshly district offers good examples of the dynamics of sacred places. However, it is often difficult to reconstruct precisely the history of a sacred place. Memories can be untrustworthy, they usually contain what came before and what happened, but with a twisted, or more precisely vague, chronology.

Sacred places present different configurations, each having its own distinct features. If we look for common features, we will find that water is close by. Some have trees, some do not. To start with the sacred places, we will note in Tatyshly district, the sacred place for the Malaya Bal'zyuga *vös' inty* is at the edge of the village, beyond the last houses. It is a fenced area at the top of a wooded hill, visible from the main road that connects the villages. This is certainly the reason why during the Soviet period, Party officials were once able to disrupt the village ceremony, pushing over the cauldrons so that the porridge was not edible. But the obstinate sacrificial

priest, Nazip Sadriev, immediately relocated the sacred place 50 metres away so that the proceedings were no longer visible from the road and the ceremony went ahead the next year. For that, they had just to displace some ashes from the sacred fire and bring them over to the new place. When the traditional ceremonies became safe, the old place came into use again and is still in use today. The temporary place was even closer to the brook where the assistants draw water.

We know from older villagers that there were not one but three places for the spring village ceremony (FWM 2014¹⁸). According to the rules, the ceremony had to be held in the direction where rye had been sown. As traditionally rye was rotated annually between three fields, there were three prayer places. When the system changed, supposedly in the 1950s, only one remained.

Let us describe other places for village ceremonies in the Vilgurt group. Urazgil'dy village is a significant one with several hundred inhabitants. The sacred place is also very close to the village, fenced and parallel to the main streets, below the village which is on a ridge. The sacred place is also particularly well situated concerning the need for water, for a spring is in the territory. When the ceremonies take place there is a very picturesque view from the ridge above (FWM 2014).

Far less picturesque, but indeed easier to access, is the brand-new sacred place in Verhnie Tatyshly, the district's administrative centre. It is on a lawn close to new dwelling houses at one end of the village, according to Sadikov not far from the previous sacred place (Sadikov 2019: 267). The landscape around is treeless, only lawn and houses, although at one end the village does not continue and there is an air of openness about the place. It is easily reached by car. A cabin has been built for the comfort of the people praying. We have not identified a water source there but with the proximity of dwellings access to water is guaranteed.

Further north-west one road leads to the village of Yuda, which is a small village nestling in a valley. It is one of the last to have had its village ceremony revitalised, but it has a very agreeable sacred place on the shore of the river. The place is fenced and is small and cosy; it is beside a brook and so had direct access to water (FWM 2015).

In the other direction, the road leads to another Udmurt village called Aribash. Actually, two villages are contiguous: one larger, Kardon, with a mixed population, and Aribash, which is mainly Udmurt. The sacrificial priest is an elder man who was born in the village and has good memory

¹⁸ Information by Nazip Sadriev, born 1930 in Malaya Bal'zuga, on 06/06/2014 at the Bal'zuga *gurt vös'*. See also Liivo Niglas' film *Gurt vös'*, 2018.

of how the ceremonies were in his youth. His wife is indeed knowledgeable in traditional religious matters, although she is from a different village. In this village, there are two different sacred places. One, which came into use before the other, when revitalisation happened, is a place formerly used for the Keremet¹⁹ ceremonies. It has several features of Keremet ceremonies, which have been adopted in the ceremonies held today, which are definitely not Keremet ceremonies. This is the place where Aribash's *gurt vös'* takes place, the ceremony that allows the village to participate in the subsequent *mör vös'*. It is in a grove at the top of a hill and has been totally fenced off. The water point is below, in the valley, where a brook ran quite far away from the sacred place and so the efforts of the assistants are required to bring the necessary water. The brook also provided the younger men helping with a comfortable place to swim. During the spring village ceremony, the following features distinguish this village ceremony from others (all are loaned from Keremet ceremonies): the sacrificial animal is not a ewe but a ram; the ceremony is attended by men only; and the organisers bring pan breads (*kuarn'an*) (FWM 2014, 2015²⁰). Must we infer that sacred places have an agency of their own?

The second sacred place in Aribash that we visited in 2014 was well preserved and repaired, and is much closer to the village. It is on the shore of a river and is a fenced smaller area with one or two trees. After 2016 it has been brought into use again and, according to the priest, is used once every two years so that both places alternate (FWM 2017²¹).

Vyazovka is a bit further than the previous villages, a beautiful natural space with forest. Rocks and a river separate it from the other villages, and it is not a surprise that this space has been used for touristic purposes. Vyazovka's sacred place, a fenced space, is situated in a grove below the

¹⁹ Keremet is another deity in the Udmurt pantheon – and in the pantheon of other peoples in the Volga region – who plays a role in Inmar's creation work, taking the opposite position to Inmar. The origin of Keremet goes back to a pre-Muslim central Asian cult adopted by the Udmurt through the Bulgars. He has another Udmurt name, *Lud*. His cult is quite demanding and harsh, for Keremet is not a kind god. The places dedicated to his cult are groves. About Keremet see Vladyskin 1994: 109–110, 202–203; Shutova 2001: 236). For an account of a living Keremet ceremony, see Toulouze & Niglas 2016.

²⁰ In 2014, Eva Toulouze, Laur Vallikivi, Liivo Niglas and Anna Baydullina visited the village and the sacrificial priest's family; his wife showed us the sacred places on 11/06/2014. In 2015, on 05/06, Eva Toulouze and Ranus Sadikov attended the village's *gurt vös'*.

²¹ Conversation with Aleksey Garaev and Lilia Garaeva on 07/06/2017 with Eva Toulouze, Laur Vallikivi, Liivo Niglas, Ranus Sadikov and Irina Samigulova.

village and is properly hidden from unwanted attention. A spring runs almost through the sacred place, just below it. A very short way away from the fence, in the shade of some trees, there is a rest area where the sacrificial priest and the civil authorities rest even during the ceremonies (FWM 2017²²).

We shall finish this overview of the Vilgurt's group sacred places with a description of Vil'gurt village's sacred place. As mentioned before, this is the Udmurt name of the village officially called Novye Tatyshly. It is very close to the district centre, Verhnie Tatyshly, which is less than 10 km away. Vil'gurt is by local standards an important village being the centre of the former Demen kolkhoz. Demen was, in the Soviet era, the main employer in the nearest villages for it covered not only this village, but also employed people from the four villages that today form one municipality: Novye Tatyshly, Maysk, Urazgil'dy and Bal'zyuga. Other institutions were and partially remain in the village: the municipality, the rural police representative, the library, the culture house, a school with all classes from elementary up to high school, and of course the office of the agricultural cooperative that is still called kolkhoz. There was also a canteen and a small hotel, but both have closed in recent years. There is also a Mosque for the Tatar Muslim population. Thus, the village is a kind of administrative centre as well. The village is also the home for the National Cultural Centre, the local headquarters of the Udmurt national movement. The village is also home to the Historical and Cultural Centre of the Bashkortostan Udmurt, a branch of the House of Peoples' Friendship of Bashkortostan, the organisation in charge of the cultural needs of the ethnic groups living in the Republic.

The sacred place in Vil'gurt is in the village itself, close to its border. Close by runs a brook, from which water may be drawn if need be, although usually water is brought by the sacrificial priest in a cart at the beginning of the gathering. This sacred place is a large fenced space with a cabin where the sacrificial priests can count the collected money and, in winter, the helpers can sort the sacrificial meat and everybody eat the porridge. The Vil'gurt sacred place is well used as it serves both for the *gurt vös'* and for both *mör vös'*, the spring ceremony and the winter one.

In this sacred place, a huge change took place between 2013 and 2016. Within the wider fenced area, in 2013, there was no subdivision. The fireplaces, the place where the priests prayed or where the lambs were slaughtered, not to mention the place where they were butchered, were all encompassed in the same area, which was accessible to all, priests, helpers,

²² Observations by Eva Toulouze, Ranus Sadikov, Laur Vallikivi and Nikolai Anisimov at Vyazovka *gurt vös'* on 07/06/2017.

anthropologists and participants alike. As we shall see later, this was not the case in the other *mör vös'* sacred place in the district, in Alga. There, a fence inside the main fence separated the area where the priests and helpers worked from the space accessible to the audience.

In December 2016 we attended the winter *mör vös'* in the same space, by which time the place had been changed. Within the fenced area a second smaller area had been fenced off, encompassing the fireplaces, the far end of the space where the priests prayed, and the slaughtering area. The participants were to remain outside and watch as well as pray. We must acknowledge that at some moment we thought that perhaps the intrusion of anthropologists roaming around had provoked a wish to protect the ritual space. But in 2018 Ranus and Eva attended the village ceremony and, although Eva demonstratively did not enter the fenced area, the sacrificial priest invited her very insistently to enter, so that the explanation had to lie elsewhere. Probably historically the configuration of the sacred places was such and the sacrificial priest, Rais, was attempting to return to the origins of the ceremony.

But is there a difference between the Vil'gurt group and the Alga group concerning sacred places? Let us have a look at those places used by the Alga group. We may start from the Village of Alga, where the sacred place is used only for *mör vös'* ceremonies, both in Spring and Winter. Alga is a very small village with less than 100 inhabitants who have their village ceremony with the neighbouring bigger village of Nizhnebaltachevo, at the latter village. Alga was not the original place for *mör vös'*. Before moving to Alga in the 1970s the sacred place for the biggest ceremony was in Starokal'miyarovo. According to older people who remember the earlier location of the *mör vös'*, it was on a hill in a very visible place. When the visibility became too dangerous, the villagers transferred the ceremony to another place down in the valley, a most spectacular location according to our informants. Unhappily, the authorities decided that it had to be flooded as they had ordered the building of a dam to produce electricity for the area. The sacred place was then transferred to Alga.

Today, the sacred place where the ceremonies of Starokal'miyarovo and Petropavlovka take place is on the top of a hill with a nice view of the surroundings (village houses and bare hills). It is a relatively small location divided into two fenced areas: one for the participants, with benches, and one for the priests and their helpers. As we noticed on other occasions, the population has no feeling of taboo concerning this area dedicated to religious

specialists (FWM 2018).²³ Both men and women transgress these taboos freely and must be called to order (FWM 2013, 2015).²⁴

The position of the sacred space is quite similar to the sacred place in Verkhnebaltachevo, which is used for the joint ceremony of this village and Dubovka. This is also close to the village, but without a view of it as the hills around are pastures for sheep. The fenced area is a very small enclosure, with a shed for the ceremony's paraphernalia of approximately 4x4 metres. There is actually no need for more. There is only one priest praying, two sacrificial animals and two cauldrons, and the participants sit on the grass in front of the fenced area. They receive the porridge from the priest, who stands in the area. Three helpers circulate between the two areas.

The sacred place in Nizhnebaltachevo had changed several times. When we attended the ceremony for the first time, in 2016, it was a small fenced area, perhaps 6x6 metres on the bank of a river not far from a spring, which was situated at some 50 metres. This area, with a small shed, represents, as in Verkhnebaltachevo, the inner circle. Here too the participants who come to eat the porridge sit outside this area. We were told that this sacred place had functioned for ten years. Actually, it had not long to live. In 2019 the priest and the organiser decided to change the location of the sacred place again in order to bring it closer to the spring. A ceremony was performed in 2019 to achieve this change.

Of the sacred places of the Alga group villages three have not yet been described. Similar to these last two places is one where the population of Kyzyl-Yar and Ivanovka gather, a very small enclosure outside the village also dedicated to those who perform the tasks of the common ceremony of the two villages. The sacred place in Bigineevo is different in that it is encompassed in a grove at some 400 metres from the road. And the *Bagysh vös'* place is original in that it is directly on the road, fully visible and not connected to one or other village. It is easy to identify it as it is a fenced area with a huge fir tree growing inside.

²³ Observations by Eva Toulouze at the Starokalmiyarovo and Petropavlovka *gurt vös'* on 15/06/2018. While she was sitting in the space reserved to the audience, an acquaintance, a woman from the village living in Bal'zuga, saw her and in order to join her crossed the area where the sacrificial priests were operating.

²⁴ Observations by Eva Toulouze at different ceremonies: 14/06/2013 Alga *mör vös'*, 12/06/2015 Alga *Bagysh vös'*. In the first case, a woman just entered the fenced space to give her offerings, instead of giving them over the fence to a sacrificial priest; in the second case, an elder couple arrived from the road and crossed the fenced area to go through it, instead of walking around it.

Thus, we see that there is no compulsory configuration for the choice of sacred place. Another interesting feature is that a sacred place is easily replaced by another whenever users feel the need to do so. The reason may just be the comfort of those who perform the ceremony. It is enough to transport the ashes of the former fireplace to the new place and consecrate it with a small ritual.

Sacrificial priests

The sacrificial priest is a key character in the revitalisation of ceremonies. Without him, no ceremony may take place. We have a good example of this, but a sad one. There used to be a particular priest for the Keremet ceremonies, distinct from the ordinary priest for the winter and spring ceremonies, called by the name ‘the warden of Lud’ (Udm: Луд утись). Most of them have died without transmitting the text of their prayers or finding themselves successors. Thus, this ceremony is alive in only a very small number of locations, for example Votskaya Osh’ya in the Yanaul district of Bashkortostan, and Kipchak in the Kueda district of Perm kray. The condition for revitalising the collective ceremonies is the existence of priests who know their ‘trade’.

Indeed, in Tatyshly district, probably one of the reasons for the very successful revitalisation effort is the existence of such sacrificial priests, who had long experience and were willing to share it and to train new sacrificial priests.

Priests who were active before the revitalisation wave and ensured continuity existed in both village groups, although, of course, none of those who performed in the first half of the 20th century are still alive. In the Vil’gurt group the charismatic personality of Nazip Sadriev dominates (Sadikov & Danilko 2005; Toulouze & Niglas & Vallikivi & Anisimov 2017). Nazip Sadriev was born in 1930. In childhood he started attending religious ceremonies and was confirmed as a helper after WWII. After the war, however, men were scarce, especially adult men who would accept this role in traditional ceremonies. Nazip Sadriev, who was a horse trader and firefighter, was a strong man, very convinced of his righteousness. He started as a sacrificial priest, alongside his elders, when he was 24. He still remembers how his hands trembled the first time (FWM 2013, 2016²⁵).

²⁵ Conversations with Nazip Sadriev, Liivo Niglas and Ranus Sadikov at the former’s home, Malaya Bal’zuga 11/06/2013; conversation with Nazip Sadriev and Ranus Sadikov, 04/06/2016.

From 1954 to 2012, so for almost 60 years, he stubbornly safeguarded his village ceremony and guided the villagers with an iron fist. He was a resolute opponent to the Communist Party's antireligious policy and had the strength to insist on his standpoint. However, this does not mean that he was hostile to compromise and he initiated some changes in rituals. As he told us, he initiated the practice of mixing meat with the porridge. He had noticed that when offering porridge and boiled meat separately, some people took too much meat and left little for others, and in order to avoid this way of cheating he started to mix the meat with the porridge, which guaranteed a fair amount of meat for everybody. He also decided to move the first prayer, the promise of a sacrifice, called *siz'is'kon*, to a different time slot in the ceremony. It was customary to do a *siz'is'kon* the evening before, and to have the fire slowly burning all night, so that for the ceremony there would not be a new fire, but this required somebody to check the fire all night. Nazip decided that performing *siz'is'kon* on the morning of the main ceremony would have to suffice, probably because of the difficulty of having somebody sacrificing his night to check the fire.

Even more significantly, he chose to give up the three-village ceremony in the Vil'gurt group as it required too much effort both in personal involvement and in money for the tradition to be maintained. He initiated the custom of buying meat in addition to sacrificial animals for the *mör vös'* porridge, and of paying differently for the ewes to be sacrificed depending on their weight. He also allowed women to participate in cleaning cauldrons and the sacrificial animal's innards.

His authority extended not only to his area, but far more widely. He was even invited to Izhevsk to help support the endeavours of activists in Udmurtia who were attempting to revitalise their traditional religious practice. He supported the quest for sacrificial priests in his district and helped train them. Thus, he trained Salim Shakirov in Novye Tatyshly, who had no sacrificial priests among his ancestors but was a respected villager and who became the 'official' sacrificial priest of this important village.

He also trained other priests, for example Anatoliy Galikhanov from Buraevo district, and Rais Rafikov from Novye Tatyshly. But the level and meaning of this training was different. To Salim Shakirov, who had no inheritance to boast of, he had to teach everything. Both Galikhanov and Rafikov however had their own traditions. Rafikov was a priest's son and had inherited his father's prayer in the traditional way, i.e. by listening to it repeatedly. Galikhanov also had his village traditions. Thus, they were equal, and Nazip just deepened their knowledge of Udmurt traditions. Often Nazip Sadriev complained that Rafikov did not express enough gratitude and did not follow his teachings all the way.

As a traditional priest, Sadriev prayed as the elders taught him. He considered this the only right way to practice. He could not accept that other ways, rooted in different local traditions, could be right. For him, as probably for all people deeply connected with their tradition, they were the only ones who were correct, which is certainly not acceptable from the scholarly point of view. Udmurt religious practice is not a dogmatic, fixed tradition. It is very variable, and within the same order of rituals there is an almost infinite number of possibilities. Nazip Sadriev is from this point of view, paradoxally close to those who wish for a standardisation of Udmurt religious practice based only on their understandings (FWM 2017²⁶).

After his 80th birthday, Sadriev understood that he had to give up his position as a sacrificial priest. Certainly, his wife's illness was part of his decision, for he had to stay at home as much as possible. He chose a replacement and trained him. His choice was, regarding tradition, strange: he selected that a young man, Fridman Kabip'anov, merely thirty years old, take over. While Fridman was a married man and a respected member of the village community, both necessary conditions to be a priest, he was supposedly too young for the task because according to ancient rules a sacrificial priest should be a least 40-year-old. But, certainly, Nazip Sadriev remembered his own experience of starting his priesthood at 24 because of the lack of suitable men. He probably felt that this time was not a good one to be dogmatic and that a young man, fully integrated in modern life, would help the village community remain faithful to its traditions, notwithstanding social changes. Thus, Fridman conducted prayers alone for the first time in 2012, a year before we started our fieldwork in Tatyshly district.

Surely, the existence of such an authority was of material importance for the revival of Udmurt religious practice in Tatyshly district. On the one hand, there was nothing to revitalise in Nazip's village as the old man had ensured full continuity. On the other hand, he was able to share his prayer with priests who had none of their own, and to help them take over the task. Therefore, in 2016 Nazip Sadriev received the Estonian Life Tree award, given to an ordinary person who had significantly contributed to the welfare of the Finno-Ugric peoples.

Nazip Sadriev is an impressive personality, and not only at the village level. Probably his strength of character allowed others who had also acted for continuity in the Tatyshly district to be overshadowed, not spectacularly but consistently nevertheless. Bal'zuga was not the only village where ceremonies had continued during the Soviet period.

²⁶ Conversation with Nazip Sadriev and Laur Vallikivi, Ranus Sadikov, Nikolai Anisimov on the threshold of Sadriev's home, Malaya Bal'zyuga, 08/06/2017.

Other sacrificial priests were active in Tatyshly district in the Soviet period. Thus, when Hungarian scholars Gábor Bereczki and László Vikár visited the region in 1974, they were able to record a sacrificial priest in Nizhnebaltachevo called Islam Armanshin.²⁷ He was already an old man at the time, although he recited a prayer that was recorded. Armanshin had younger male kin whom he trained.

In several villages in the Alga group, village ceremonies went on, and so also *mör vös'* and *Bagysh vös'* were maintained. The traditions in the Alga group are strong and have not depended upon Nazip Sadriev to keep them alive. Sadriev, of course, considers that the traditions in the Alga group are wrong. We will examine later what the peculiarities of the Alga group are in their religious practice.

Today Islam Armanshin is dead, but both his grandsons are active sacrificial priests in the Alga group. The first to become active, Vladimir Huzimardanov ('Vladik', b. 1964), is the sacrificial priest of Verhnebaltachevo, while the elder, who started much later, Boris, became the sacrificial priest in Kyzyl'Yar in 2016. Vladik remembered how his grandfather 'sang' prayers, and indeed, in Armanshin's way of uttering the prayer, one could recognise something like singing²⁸. Another man learnt from Armanshin to pray, and gave us a sample of it, but he is not an acting sacrificial priest. This man, Zakyr Adullin, a former teacher now retired, is actually the cousin of the most important sacrificial priest in the area, Evgeni Adullin. Evgeni has the title 'great sacrificial priest', in Udmurt *badzh'ym vös'as'*. He presides over all the important prayer gatherings in the Alga group having learned the prayer from an older sacrificial priest (Sadikov 2020). Evgeni is himself the main bookkeeper for the Rassvet cooperative.

There is another man in this group who is a real keeper of traditions and knows them well. He is not a sacrificial priest, but has huge authority. He is the one who takes care of the practical proceedings, organising the sacrificial animal, the transport, the paraphernalia, the helpers. His function is called *vös' kuz'o*, the master of the ceremony, a new function – at least

²⁷ Curiously, we couldn't find any mention of this meeting in Bereczki's correspondence (Bereczki 1994: 213–219). However, a photo of Armanshin gives us the evidence that, indeed, they met (Vikár & Bereczki 1990, photo section). It is interesting to note that he was selected for the meeting with the Hungarian scholars. Fieldwork then was very different from today. Today we just live in the area and organise our own programme, while our predecessors were fully taken in hand by the Communist Party, which organised their work: they had meetings organised in the culture house or the kolkhoz centre with whoever was considered suitable. Within this framework, they met Armanshin.

²⁸ We have a sample of Armanshin's prayer at <https://vk.com/club80621061>.

we have not identified any analogous role in literature (Sadikov 2020). In the Alga group, this man has enormous authority, not only because of his function, but also because of his personality. He was a former administration leader, so he knows everybody in the district. He is also straightforward and resolute, with the character of a leader of men. His name is Garifulla Garifanov, but everybody calls him Farhulla. While Evgeni Adullin only deals with prayers and the spiritual aspects, Farhulla, by controlling who is called to pray at *mör vös'*, is able to implement a real priest training policy.

The Alga group has a regular group of helpers who are both elder and younger men from different villages. They meet four times a year as a team, both at the *Bagysh vös'* and *mör vös'*, in winter and spring. They now have good experience working together. Farhulla, as we mentioned, is also responsible for deciding who will pray at these ceremonies alongside Evgeni and Vladik, who always lead the prayers; the choice is always made from among other sacrificial priests of the different villages. Once, in December 2013, several of them were ill and so Farhulla made the bold choice of asking two younger helpers, Evgeni Gayniyarov from Alga and Yakov Fazlyev (Yashka) from Verkhnebaltachevo, to step forth and pray with the other, more experienced, sacrificial priests. Clearly, Farhulla was preparing the future. Both younger men were experienced as helpers. But Evgeni, not yet thirty years old, was still not married, and Yashka, a bit older, was a very social and active young man in his village. When we attended in 2018 the ceremony in Yashka's village, he had organised everything – the mowing of the place beforehand, the sacrificial animal, etc – and we learned he had become the head of the village administration.

For some years, there has been a discussion about the need to set up an association of sacrificial priests. The initiator of this idea was Anatoliy Galikhanov, Altaevo village's sacrificial priest, and the idea was supported by the powerful association of the Eastern Udmurt in Izhevsk. It was not approved in the region however, and met with the displeasure of the main local authority, Rinat Gal'amshin. The idea was revived in 2018. Gal'amshin had resigned as head of the national movement for health reasons. His successor, Salim"yan Garifullin, decided the time was ripe and organised a meeting of the area's sacrificial priests in Varyash on June 20th 2018 in which the idea was discussed. It led to a general assembly on January 25th 2019 to which Ranus Sadikov and Eva were invited. Eva was hoping to get to know other priests than those she had met when attending different ceremonies, and she was surprised to notice that the priests attending the meeting were almost all acquaintances. They decided to form an association and to meet in order to coordinate their deeds. They elected Anatoliy

Galikhanov as their leader. A self-invited delegation of sacrificial priests from Izhevsk attended, among them Al'bert Razin²⁹.

The dress codes of the ceremonies

There was historically a dress code for participants as well as for priests at the collective ceremonies. At least the photographs we have from the end of the 19th century (Sadikov, Mäkelä 2009) show that at a collective ceremony all the attendants were dressed in white. True enough, the photos are from another location, but it is not too far from Tatyshly district. They are from the Kaltasy district, and their author is the Finnish ethnographer Yrjö Wichmann. Yet they confirm what earlier literature asserts. Unfortunately, there was no extensive investigation into Tatyshly district before the end of the 20th century.

As the prayers were addressed to the “White God”, the people were all supposed to dress in white and indeed, in everybody’s wardrobe there was an item of holy day dress that answered this aim, a piece of homespun called *short-derem*. There were *short-derems* for males as well as for females. Of course, and regretfully, we have no such visual evidence for the period in between. We know that on the one hand home spinning progressively disappeared from being the sole or even one of the ways of providing clothing. Thus, the existing *short-derems* from the beginning of the 1960s are the last. Moreover, they also disappeared with the demise of their owners, for people used them as mortuary clothes. Thus, at the beginning of the 21st century, there were only a few samples still used by their owners. Indeed, the old women who owned one used when attending ceremonies (FWM 2016³⁰). So did the very rare priests who had one. The *short-derem* was an ankle-length overcoat in whitish homespun material, with thin vertical stripes and girt with a kind of belt. This belt could also be homespun, as in Udmurtia, but usually in the region under study the sacrificial priests girt themselves with a long, embroidered towel patterned in red or, more rarely, blue³¹. This belt was and still is a central emblematic element of the sacrificial priest’s costume.

²⁹ Who would become unhappily famous some months later, in September 2019, for committing self-immolation in the centre of Izhevsk as an act of protest against the language policy of the Russian federal government.

³⁰ At Nizhnebaltachevo *gurt vös'* we saw ourselves how the elder Anfissa Bamieva wore one, 03/06/2016.

³¹ Vladik Khuzimardanov uses a belt with blue patterns, Alga 14/06/2013, etc.

But what were *short-derems* replaced with? For sacrificial priests, the most important aspect of this costume was its colour. Thus, the sacrificial priests used ordinary white medical smocks to replace the older costume. Undoubtedly these lacked solemnity, but were symbolically right.

The 21st century brought a renewal and a diversification of the sacrificial priest's costume. In Tatyshly district some individuals still use the traditional *short-derem*: old Nazip Sadriev owns one and dresses in it when attending a ceremony, and the Vyazovka priest Filarit Shaymardanov has one he uses with pride. He even proposed that he would give it to our group, but we preferred to have him use it for its original purpose. Until 2013 all the other priests in the district used medical smocks, and for many this is still the case as we write this text, in 2021. However, already at the 2013 winter ceremonies, the Alga group priests wore a similar smock made of commercial fabric, slightly resembling the *short-derem* material, with much wider vertical stripes. It appeared that the Demen cooperative had bought the fabric and financed the making of the smocks, and a good quantity of them so that all the sacrificial priests of the Alga group would have a particular costume for the collective ceremonies.

Meanwhile, the priests praying in the Vilgurt group go on using their medical smocks, although Fridman has received as a gift from friends a *short-derem* made of commercial material but quite similar to the original one, and in other districts priests have started to add to the smocks decorative elements in red or green that reference Udmurt patterns. The idea behind them is to give a more joyful appearance to the sacrificial priest's character than that transmitted by the traditional austere costume.

As far as the lay participants are concerned, we may only acknowledge the facts, as information was particularly scarce during the 20th century. It is clear that the obligation to be garbed in white ceased to be taken into account in this intermediate period. Only elder women remember it, and the last survivors are not here for long; neither will their *short-derem* survive their demise. The ordinary ceremonial garb for women was for a long time Udmurt traditional dress, with bright colours, if possible light ones. This was certainly so in 2013. However, in the following years we have witnessed this choice dwindle: in 2021 most women wear ordinary Western-style ceremonious costume or a suit, only some rare individuals, older women as a rule, still wear Udmurt traditional dress.

Another compulsory element in the dress code is the obligation to have heads covered, both for men and women. This is interesting, for Wichmann's photos show us that in 1895 the men had no headgear, or just did not wear it, while the women wore scarves. Atamanov confirms that this was the rule for a long time (Atamanov 2020: 139, 153). For women, the rule still

applies and they usually wear a headscarf, even if the rest of their clothes have nothing to do with Udmurt dress. For men the rule is just the reverse compared with the past, i.e. they must cover their heads. Men wear whatever they have, usually light caps, white, beige or grey. Black headgear is not recommended, although it can be seen sometimes. Today the sacrificial priest wears the same kind of headgear. But there is still the memory of older times, when the sacrificial priest wore a hat wrapped in a white towel. The elder attendants, as the abovementioned Vyazovka priest, still wear it (FWM 2017), and Nazip Sadriev showed us how to wrap the towel around a hat (FWM 2017).

Among other rules connected with dressing there are some taboos and the participants in locations where the sacrificial priests are active do not ignore them. Beyond the needs of having the head covered, it is important that arms and legs should also be covered. If some young boy comes in shorts, he is immediately sent home to dress correctly, and neither are short sleeves admitted. When Ranus, having forgotten this rule, arrived to attend the ceremony in short sleeves, the Aribash priest's wife commented that it is important to have your arms covered at the beginning of the ceremony, and provided a jacket for him. This reminded us of an observation from the spring commemoration of the dead in Petropavlovka (FWM 2019³²): when the commemoration started and everybody sat at the table, all the women put on jackets and cardigans; we were told that the dead would not see us if our skin was totally uncovered. It also reminds us of the rule followed by the *bölyak* patrilineal kinship group in Varkled Bod'a during the *vös'nerge* ritual (for more details see Toulouze & Anisimov 2020b).

Finally, we must add that respect for these rules is of the utmost importance to the Eastern Udmurt and especially for the sacrificial priests, who often complain that today people do not know how to behave. They endeavour to instruct the population in different ways. At *Elen vös'*, Anatoliy Galikhanov always addresses the audience at the end of the prayer, explaining the rules. He also has a page on the social network vkontakte³³ and he often posts instructions explaining what should be done in certain circumstances and how ritual behaviours have to be followed. The information about how to behave in ritual contexts is also published regularly in the regional Udmurt newspaper *Oshmes* (Toulouze & Anisimov 2020), one

³² Spring commemoration (Udm: тулыс кисьтон), attended by Eva Toulouze and Nikolai Anisimov, 07/05/2019.

³³ See: <https://vk.com/id82757120>. Vkontakte is a kind of Russian equivalent of Facebook.

of the most active writers on the subject being Liliya Garaeva, the Aribash sacrificial priest's wife (Garaeva 2020: 2).

The proceedings of the collective ceremonies

In Tatyshly district, the proceedings of the ceremonies are on the one hand quite similar on a general level, and on the other hand can also be considerably different in detail from one village to another.

We shall firstly comment on the most elaborated ceremonies in the places where continuity has been ensured, and then show in which manner they have been simplified in places where revitalisation later took place, for example where there was an interruption in the performance of these ceremonies. Indeed, this approach relies on the idea that the more complex rituals are the older ones and that in subsequent evolutions and changes some features have been lost, a hypothesis that is confirmed by the data. We know that in some villages there has been full continuity of the ceremonies, at least since the 1940s. In Bal'zuga, Nazip Sadriev had perpetuated and transmitted the rules of the ceremonies of his youth.

Although there are some differences in the process of a ceremony depending on at what level it takes place, the overall structure and the nature of the activities remain the same within a specific tradition. While at the village level there is usually one priest praying and one animal slaughtered, then at the village group and at the regional levels the number of priests depends on how many villages participate and how many animals have been brought for sacrifice. The general rule is that the number of priests must correspond to the number of ewes. Usually fewer helpers and common people participate at the village ceremony than at the ceremony involving a number of villages.

What follows is a description of different phases of the typical process of collective ceremonies. We try to highlight the common features of ritual activities across Tatyshly district as well as the main differences in various traditions of conducting the ceremonies, both within the district and outside of it.

The preparation

The preparation requires many different simultaneous tasks that are quite similar everywhere.

Firstly, the organiser of the ceremony, the *vös'kuz'o*, or the sacrificial priest himself, must ensure that they have the necessary products for the ceremony, which include a ewe, grain, butter; a proper space for the ceremony, wood for the fire, water for cooking.

The ingredients of the porridge are to be gathered from the village. In Tatyshly district this is a general rule. If the wish is that the whole village would profit from the prayer and the sacrifice, then the offerings must come from the whole village. So the grain, the butter and the money to buy the ewe must come from the whole population. If the sacrificial animal is offered by one family, the benefit of the ceremony will go to that family and not to all villagers. This differs from the practice in other places or in other ceremonies, for example in Kizganbashevo, in Baltach district, according to the sacrificial priest they sacrifice as many ewes as the population offers. In 2015 for example, they sacrifice thus 12 ewes (FWM 2016³⁴).

How the collecting of the ingredients is accomplished may vary depending on the village. In Bal'zuga, two teams of teenage boys attend all households in the village collecting grain, butter and money. In other villages those collecting may be older men, as in Novye Tatyshly and Urazgil'dy, or women as in Petropavlovka. According to our informants, everybody participates and nobody ever deliberately refuses.

In Tatyshly district, as in Buraevo district, the rule is to sacrifice an ewe. The sacrificial animal must be a healthy female who has already given birth. This is not so, however, everywhere. In Aribash, in the same district, the sacrificial animal is a ram, for the ceremony follows the rules of the sacred place, which formerly hosted a Keremet ceremony at which only male animals were sacrificed. In Yanaul district, for example at the last of the spring ceremonies (held at the beginning of July) the *Yshtiyak vös'* in Kaymashabash, only rams are sacrificed. The local priest explained to Eva that the sacrifice had to be a male animal whose blood had never been shed (FWM 2019). So there are different rules, responding to different logics, which exist in parallel. Therefore, a clash is inevitable in the common ceremonies such as the *Elen vös'*, where each group acts as they deem fit (see above, FWM 2018). In some cases, other animals may be sacrificed, as happened in December 2016 at the Novye Tatyshly *mör vös'* where there was the possibility to sacrifice a goose for the welfare of all birds. However, if there is no goose this ritual is not compulsory. Nazip Sadriev said he also used to sacrifice a goose, but there is not enough meat in it to make it worthwhile.

³⁴ Information by Timerkhan Apsalikov (born 1952), sacrificial priest, to Eva Toulouze and Ranus Sadikov, 07/06/2016.

The ewe is sold by a different villager each year. It is not seemly to bargain, they accept whatever price the sacrificial priest offers for it. Therefore, the people also offer money, both to those who gather the food from the village households and during the ceremony. In villages of other districts, the rules are different, as is the logic behind them: we already mentioned how many ewes were offered in Kizganbashevo, and we may add oral information about Kaymashabash, which is that in 2019 40 cauldrons were used³⁵. Usually, the price given for a ewe has been around 3,000 roubles, and when Nazip Sadriev led the rituals he paid from 2,500 to 3,000 depending on the weight of the animal. Now the amount is fixed.

The preparation of the sacred place may encompass different activities. If the fence has been damaged, it must be put right. Most commonly, just hay must be cut, as nobody keeps the sacred place in working order between the ceremonies. Usually these operations start during the first prayer, *siz'is'kon*, and are completed in the morning of the ceremony before people start to arrive. The same organisation is implemented in winter in order to guarantee the accessibility of the sacred place. When in December 2013 we attended the Alga *mör vös' siz'is'kon*, we had to cross 300 m of snow reaching to Eva's hips. But next morning tractors had cleared the way for the villagers.

Usually wood has been stocked beforehand at the sacred place, trunks that have to be cut into logs. One or two helpers take care of this during the ceremony. Likewise, lots of water is required: cauldrons have to be cleaned, meat and entrails must be washed, water must boil with the meat and form the broth, and water must be constantly added to compensate for evaporation. So often sacred places are chosen depending on the proximity of a water source. Water is usually brought just before the ceremony starts, and throughout the ceremony.

In the ritual area there is a place where participants may leave offerings, with different traditions applying in different villages. In Balzyuga and Novye Tatyshly the place is clearly marked, but very few people leave towels and other offerings. So there are very few items to distribute among the helpers. It is very different in the Alga group, as we shall see later.

The first prayer, *siz'is'kon*

This is one of the features that in some other districts and in some villages of Tatyshly district have disappeared from the structure of the ceremonies.

³⁵ Oral information from Nikolai Anisimov's fieldwork.

It is a prayer said before the sacrificial activities start. We know that it was formerly performed a day before the proceedings, and this is still the case in the Alga group for the *mör vös'* and *Bagysh vös'* ceremonies both in spring and winter. A small team attends the sacred place the evening before the ceremony, makes a fire and cooks a porridge without meat. When the porridge is ready, the sacrificial priest utters a prayer, which is very similar to the prayers said in the sacrificial ceremony except that it promises a sacrifice. While he prays, the priest holds a bowl with the porridge on a towel and on a birch or a fir branch. The helpers kneel behind the priest during the prayer and afterwards everybody partakes of the porridge. In order not to lose time, this porridge is often made of semolina, as in the Alga group. Then the team puts big chunks of wood that are not perfectly dry onto the fire so that it will last until the next morning's gathering. In the village ceremonies and most of the Vil'gurt group ceremonies the *siz'is'kon* takes place in the morning, before the start of the sacrificial ceremony proper. The grain used for this porridge is then the same and will be used later for the 'main' porridge.

We have witnessed *siz'is'kon* in all the ceremonies of the Alga group that we have attended, and in most of the Vil'gurt group. We were surprised at Urazgil'dy's ceremony to notice that not only was there no such prayer, but neither the people nor the sacrificial priest knew to expect it. The same thing happened in Vyazovka and in Yuda. There was a *siz'is'kon* in Asavka (Baltach district), but the porridge, there, was a flour porridge similar to *béchamelle*. In Kaymashabash (Yanaul district) there was no such prayer either. On the contrary, in Bol'shekachakovo (Kaltasy district) this prayer was performed in an ad hoc ceremony some days before the main ceremony.

In both cases, whether the *siz'is'kon* takes place a day before or on the same day as the main ceremony, the helpers lit fires; in some places, the sacrificial priest himself lights them, as part of his task. Where there is a *siz'is'kon*, a smaller cauldron is but one of them. However, it is important to start fires under the big cauldrons as well because they would be needed very soon. The rule for these ceremonies is that the first ingredient to be poured into the cauldron is salt and only afterwards comes water. We were not able to ascertain the origin of this rule as the main reason given for it is always "so did the elder". This is a rule only sacrificial priests are aware of: in ordinary homes, even when porridge is meant for ritual purposes, the homemakers have not heard of such a rule.

The sacrifice

The sacrifice is actually the first deed of the ceremony proper everywhere, although here too there are differences: while in most places in Tatyshly district the sacrifice is accompanied by a prayer, in some others places, as well as in other districts, it is performed without a prayer. This practice actually scandalises priests accustomed to more elaborated scenarios because for them the idea of taking a life without dedicating it to the Gods is unacceptable. So in places where continuity has been ensured, two helpers hold the ewe down and purify it by sprinkling it with water while the priest prays. Then while one holds the sacrifice, the other cuts its throat with a knife, but through a blade of grass. This is a general way of slaughtering an animal³⁶, even outside the ritual context. The one who cuts the throat recovers in a spoon the first blood to gush out of the wound and throws it into the fire three times.

Depending on the year and the animals provided, there may be a particular sacrifice to the God of the earth (Udm: *Му Кылчин*). The animals dedicated to Mu-Kylchin must be black. They are slaughtered in a slightly different way, for a hole has to be prepared in the earth into which the blood has to be poured, so the ewe is usually slaughtered at the hole. Thereafter everything is similar, except that this meat has to be cooked in a cauldron ad hoc. But once the meat is cooked it may be mixed with the rest of the meat.

Meanwhile the priest, at his praying post, utters the prayer and the other ‘unemployed’ helpers kneel. The priest holds in his hands the bread baked by the owner of the ewe, in which a coin is stuck symbolising, according to the locals, wealth. Later, three pieces of the bread will be thrown into the fire.

In other places such as Urazgil’dy, nothing special happens during the slaughter, which is carried out in the same way as ordinary slaughtering.

In both cases, the ewe is carried to the place where it will be butchered. The priests usually do not participate in the butchering. The helpers work swiftly, they are accustomed to this not so religious activity. They cut chunks of meat, wash them and throw them into a cauldron of boiling water. Traditionally, those butchering the animal took care to cut at the joints with a knife, so that the bones would not be broken (Sadikov 2019: 62). Today the helpers have no scruples in using even an axe to separate the chunks of meat (FWM 2018³⁷). Later, the bones are burned in the fire under the cauldrons.

³⁶ Oral information by Nikolai Anisimov.

³⁷ Conversation with Rais Rafikov at the Vil’gurt *gurt vös’*, 08/06/2018, Eva Toulouze and Ranus Sadikov.

Washing the entrails is usually a woman's task. It is the one thing women are allowed to do. Nazip Sadriev said that women had asked him whether they could participate, and he thought they could be allowed to contribute with this task. In the Vil'gurt *mör vös'*, two elder women arrive at the very beginning and wash the cauldrons. Then some of them will take the entrails and bring them home to clean them, and bring them back ready to be put into the broth. In Bal'zyuga there was no such woman, but in 2014 the ewe owner's son and a priest's helper, Sidor Kamidullin, took care of the entrails. Otherwise they would have been burned. In Urazgil'dy, one younger woman attended right at the beginning and washed the entrails at the spring at the sacred place. In Aribash, the priests's and the helpers' wives took care of this task, washing them in the brook down in the valley. In the Alga group the women's presence is more discreet. At some moment, one woman comes and takes the entrails home and later comes back with the work done. In Asavka, in the Baltach district, the women who take care of the entrails go further downstream and wash them only in a place where the "sacred place could not see it". We'll find the same notion in connection with another requirement. The preparation of the ceremonies is a long task. There may be, or not, a place to go to the toilet. For example, at Novye Tatyshly, at the entrance of the sacred place, there is a small outhouse, although this is the only place where we have seen one. In the other places, everyone finds his or her way to solve the problem. The general condition is that one must go further, so that "the sacred place will not see" this activity. In Aribash Liliya Garaeva led Eva to a place far enough and low enough so that the sacred place, at the top of the hill, was not visible.

Other prayers

After the sacrifice the proceedings diverge, depending upon village tradition.

After the butchering a long moment of inactivity starts while the broth is boiling. It is possible to dedicate the time to counting money, or simply to socialising. In the most elaborated scenarios there have already been two prayers. In the other cases none, and there is still some time before it happens. For the anthropologists this is a good moment to ask the sacrificial priests questions. Some interesting conversations have taken place in this time, as for example in 2015 at the *Bagysh vös'* ceremony a conversation Eva had with the main priests Evgeni and Farhulla about the need to update the prayer and include the new concerns of modernity (FWM 2015). Of course, the helpers always have to ensure that there is enough wood in the fire and enough water for the broth in the cauldron.

This phase can be quite long, depending on the size and the age of the ewe. When the meat is well cooked, the helpers take all the meat out of the broth. Then the team of helpers splits, some of them dealing with the meat, sorting it from the bones, while the others pour grain into the broth.

In the most elaborate scenario, the sacrificial priest has a task once the meat is extracted from the broth: he has to find some parts of the animal's body for the next prayer, which will be said with the meat. The meat chosen is part of the head, the heart, the liver, one right rib and part of one right leg. Of course, it is impossible to recognise in a cauldron a right leg or a right rib from a left one. Therefore, one task of the helpers who put the raw meat into the cauldron is to mark the rib and the leg so that the priest will know for sure that he is putting the right pieces of meat on his plate. Before going to the prayer spot the priest(s) make a circle over the cauldron three times with the dish of meat. Only afterwards do they pray. For that, the helpers who sort the meat and those who stir the porridge interrupt their activities and kneel for the prayer with the meat. Moreover, the helpers who slaughtered the sacrifice stand behind the sacrificial priest touching the tray with the extracted meat. After the prayer, the helpers and the priest eat some of the meat, saying individual prayers, before resuming their tasks. Usually we, the anthropologists, are also given some meat, but only after the helpers have received and eaten their part. In the Alga group, Farhulla had always taken care that our group was well fed, but also that we respected the internal rules of the ceremony.

The sorting of the meat is finished before the porridge is cooked. The sorted meat will be shared between the cauldrons and the bones will be given to the children (for example in Bal'zuga) or to the elder women (for example in Vil'gurt) to gnaw on them. By this time the lay people have started to arrive, initially in small groups, the more in greater numbers when the porridge is close to ready. They bring threads that they leave at the place where the priest prays, and also leave towels, socks, T-shirts as gifts on a pole prepared for this aim. In the Alga group, however, the ritual is more complicated. The participants themselves do not enter the sacred enclosure but remain outside, passing their offerings over the fence to one of the sacrificial priests who says a prayer and puts them on a pole. Indeed, in the Alga group these offerings are much more frequent, so that at the end of the ceremony there are many rewards for the helpers. Meanwhile their main activity is to stir the porridge and regulate its thickness, adding water if needed. It is not a light task physically: the porridge becomes quite thick and to stir it requires more and more strength and so the helpers alternate behind the huge cauldrons.

When the porridge is ready, there is time for the next prayer. Before praying, the priest holds a bowl with the porridge in his hands and makes three circles over the cauldron full of porridge. Of course, all the circles are always clockwise – the reverse movement is for the Udmurt connected with death. By this time all the participants have arrived and are ready to taste the porridge. So, the priest turns to the people, and orders them to kneel. After the prayer, the helpers lift the cauldrons and bring them closer to the participants, who queue in order to get their share.

The distributed portions are not usually individual portions: as a rule, the participants have brought a bowl and as many spoons as there are members of the family. When they have received their share, they eat it in small kin groups. We, the anthropologists, are also considered a kin group and are served together. Actually, many people take some of the consecrated porridge home, so the helpers often have to serve them another portion. But there is still a prayer to go. When everyone has eaten, the priest takes in his hands the box in which people have deposited their pecuniary contribution. He kneels, this time bareheaded, and recites the last prayer, *dzh'uges'*, the prayer for the money, asking the deities to give the people back their offerings “by hundreds and thousands”.

After this the public part of the ceremony is over, and people go home.

The closing

After the lay participants have left, it remains to close the ceremony and restore order. First, some of the helpers clean the cauldrons and put in the rest of the porridge in buckets in order to take it to their villages. The others endeavour to douse the sacrificial fire. In the Vil'gurt group they walk around the fireplace and the embers, and swipe with a birch branch in summer or a fir branch in winter towards the centre of the fireplace. They take three turns around the fireplace and the ceremony is finished. In the Alga group, the closing is slightly different: all the helpers walk in Indian file around the fireplace area three times, making the same swiping movement towards its centre. The sacrificial priest takes advantage of this quieter moment to distribute among the helpers some fabric offerings the participants have brought and some symbolic coins as gratitude for their help.

Usually this is the end. However, in Balzyuga we witnessed a final prayer that we have not seen anywhere else (FWM 2014). Only the helpers and, on this occasion, the anthropologists were present. Everybody stood,

and Fridman prayed for the last time, while the helpers marked his saying “Omin” and bowing. When the prayer was over everyone went to their cars with the paraphernalia.

When the ceremony is over the buckets with the remaining porridge are taken to the village(s) and distributed to a group of helpers who have divided the village among themselves, in order to take the porridge to the villagers who did not attend the ceremony. This process is even more spectacular in the case of the *mör vös'*, where nine or ten villages attend. Clearly the participants are mainly from the village where the ceremony takes place and the closest villages, although most of the villages are represented only by their priests and helpers. So they take home the porridge they prepared – and here it is quite ordinary to see whole cauldrons being lifted into minivans or horse-drawn carts.

The prayers

The prayers are addressed to the main Udmurt God Inmar. Actually, the address is “Inmar-Kylchin”. This address remains slightly mysterious. The second element, Kylchin, is the problematic one. In the Udmurt traditional mythology, another important deity, closer to the people than Inmar, who is a character of *deus otiosus*, is called *Kyldys'in*. This God, who provided humans with a golden age, used to walk on earth and be close to the people, until he got angry and retired to the upper spheres. Linguistically speaking, he is the ‘creator’ (in Udmurt *kyldytyny* means ‘to create’). The word *kylchin* may be a contraction of *kyldys'in*. At the same time, it is a word on its own, used to designate the protector, the angel. Vladykin observes that today, in Udmurtia, where Orthodox influence is predominant, “*Inmar-Kylchin* is one of the images of Jesus Christ, in linguistic expression a synonym, often a guardian angel” (Vladykin 1994: 181–183). Thus, the Udmurt prayers, as they are uttered today at Udmurt sacrificial ceremonies, are addressed to this dyad, the elements of which are difficult to separate. Actually, both carry in the prayer the possessive mark: my Inmar, my Kylchin (*Inmare*, *Kylchine*). This address, in spite of its duality, tends to reinforce the perception of a supreme God, and a temptation towards monotheism, which is not surprising as the Udmurt are surrounded by powerful monotheistic religions. This does not mean that plurality has totally disappeared. We have evidence in the fact that in the texts of some of the prayers, alongside the address as *ton* (Udm: ‘thee’, familiar second person singular), at some moments the plural pops in, *ti* (Udm: ‘you’, plural form). It is true that the number of prayers to other deities is today limited. Moreover, as we

use the interjection “Oh, my God”, the Udmurt use “Oste Inmare”, which is a functional equivalent. We cannot ignore however the fact that in the Eastern Udmurt regions it is not rare to hear the interjection “Ufalla”, which reminds us that Muslims are just around the corner. However, what is further untouched in the polytheistic spirit is the multitude of spirits that populate the earth. People may address them, although in our fieldwork at the beginning of the 21st century we have not found any formal prayer in their honour (spirits of the house, of the sauna, of the barn, of the forest, of the water, of the wind, etc.), while among previous recordings there are very different addressees. Some are benevolent and protective, others may be hostile, others again may be tricksters.

When the sacrificial priest, or, during *mör vös'*, the sacrificial priests, say their prayers, they stand together in a row. Each priest has his prayer. They just happen to interrupt it at the same moments to utter “Omin”, bowing. With this word the participants who kneel behind the priest all bow, head touching the earth.

According to tradition, a sacrificial priest receives his prayer from elder priests. They learn it by “stealing it”³⁸ (Udm. dial: нушканы) (Sadikov 2019: 242): this means that they do not learn it deliberately, but it remains in their memory because they have heard it so often. This is true oral transmission and guarantees the magical power of the prayer. Actually, some of the elder sacrificial priests we have met have received their text in this way, for example Rais Rafikov.

However, this mode of transmission is no more. The Soviet conditions did not allow younger people to attend ceremonies regularly enough for prayer texts to become fixed in their memories.

Today, with the few exceptions that we mentioned, the transmission patterns are different. The older priests have published their prayers, as has Nazip Sadriev and the younger priests rely on these texts. Everywhere prayer texts have been put into writing and are circulated in this format. So while formerly the transmission was fully oral, now the main instrument is writing.

While for some scholars there is a fundamental contradiction between these two methods, we do not think so. Indeed, initially the young priests did read their prayers, relying on written texts. But with experience they will come to memorise the prayers and written texts will in practice be used less and less. So, variation will irresistibly be introduced, despite the

³⁸ Ranus Sadikov quotes an informant from Bol'shekachakovo (Kaltasy district), who said to him in 2006: “Вось кылэз дышетсконо өвёл, нушкано гыне”: ‘The words of the prayer are not supposed to be learned, but to be stolen’.

possibility that written transmission would draw the prayer towards fixation. Oral transmission, something of a traditional folklore genre, is bound to remain. We have followed this process by observing Bal'zuga's young priest Fridman throughout the years of our fieldwork, almost since the very beginning of his 'career'. Initially, he dutifully read his printed text, but as the years passed he started feeling more comfortable, and relied less and less on the paper. Now he even allows himself to improvise (FW 2016³⁹). Galikhanov acknowledged that he also learnt from paper, but now he freely improvises (FW 2016⁴⁰).

The question of the adaptation of prayer texts to modernity is an important one. Can the inherited texts be changed? Who has the right to do that? This question has concerned the sacrificial priests for some time. Actually, adaptations already took place during the Soviet period with the introduction of notions of kolkhoz welfare and the disappearance of sentences about the tsar's health and welfare, the era itself obliging the adaptations.

Today, the concerns of the villagers have changed. Of course, the main demands remain – health for humans and livestock, fertility, a good harvest, mild rain. But other concerns have appeared: concern for the next generation, tempted by migration, and for the temptations that await them in the wider world, for example drugs, criminality. Some bold sacrificial priests, such as Anatoliy Galikhanov, have added these concerns to the traditional patterns. Others, more conservative, discussed these issues among themselves, as was the case with the Alga group priests, who changed their text in 2019 in order to make it more suitable to the people's concerns. Actually, they borrowed some sentences from Galikhanov's new prayers. Vladimir Galiev, sacrificial priest from the younger generation in Asavka, was disturbed by the absence of explicit gratitude to the Gods in the text of the prayer, so with the consent of the elders he added some sentences at the beginning of the prayer.

Let us have a look to some of these texts, recited in Tatyshly district at various ceremonies. We shall present some earlier texts and some collected by our team from 2013 to 2019.

What does not change is the general content of the requests and the frame in which they are uttered. There is, framing the prayer, a sentence defining the situation: "we have gathered". Actually, this is a well-known opening also used in Christian ceremonies. The prayer is usually concluded by formulas asking for God's indulgence: "we may not say things correctly,

³⁹ Observation by Nikolai Anisimov at *Tol mör vös'* 9/12/2016, Novye Tatyshly.

⁴⁰ Conversation with Anatoliy Galikhanov on 06/06/2016, by Eva Toulouze, Ranus Sadikov, Nikolai Anisimov.

perhaps we have spoken the prayer in the wrong order, we have no book". Several times, during the prayer as well as at the end, the priest asks God to receive the prayer with favour. He also asks God to receive with favour what the people have not asked for, but what they desire: God reads in the mind of each what their wishes are. All comes from God, what he gives is "his" warm rain, "his" happiness, as very clearly expressed by the frequent use of personal suffixes. Within this framework, there are two kinds of demands. On the one hand, the keyword is "give", which is expressed in a very varied number of expressions both grammatically and lexically. The other keyword is "protect", from natural catastrophes (rain, wind), fire, disease, bad people and bad things. The natural catastrophes too come from God: "his" fires, "his" winds. The bad people are generally those who are able to curse in Udmurt: those who threaten to "eat you, to drink you, to take you". This is an obvious reference to the art of witchcraft, which feeds on the energy of its victims.

We present these texts in three languages, Udmurt, Russian and English. For the time being, we present the Udmurt texts in the empiric transcription the sacrificial priests rely upon, and not a scientific dialectological transcription, which we shall attempt to produce later. This transcription is a mix of Udmurt literary language and dialectal features, but does not attempt to be completely precise in the presentation of all peculiarities. The priests themselves know exactly how to pronounce each word, for they preach in their own dialect. The English translation attempts to give a precise account of the Udmurt text.

The films

Filmmaking has been an important component of the fieldwork from the very beginning of our research on the Eastern Udmurt. Most of the filmmaking has concentrated on public prayer ceremonies. Liivo has been the main filmmaker in the research team, but others – Ranus, Nikolai, Laur and Eva – have also greatly contributed to the audio-visual documentation of ritual life. Even Denis Kornilov, a film director from Udmurtia, joined the team twice to help with filming. In addition to the prayer ceremonies, the team also recorded rituals in more intimate contexts in Tatyshly district and elsewhere. We believe that recording public ceremonies and other rituals is justified for several reasons.

First, these ceremonies have a high cultural value that should be shown to the world. Usually, worldviews not associated with world religions are marginalised, even ignored, especially in Orthodox Russia. Even most of the

Udmurt living in Udmurtia who were converted to Orthodox Christianity a long time ago have little knowledge of the animistic tradition that has survived in the diaspora. By filming ritual practices in Tatyshly district, we wanted to contribute to the wider acknowledgement of the existence of animistic ceremonies among the Eastern Udmurt. We believe that film as a popular medium is better suited for this task than scholarly text.

The second reason we wanted to use a video camera in the fieldwork was to facilitate the sharing of the research results with our informants and research partners. Our aim was to record collective ceremonies for the local communities themselves, so that they could use these recordings for their own benefit – as cultural documents, as testimonies to the history of each village, as guides for the training of their priests, etc. This is why, after each ceremony recorded in summer 2013, Liivo and Ranus edited a rough cut of the film from the recorded video material and distributed it on DVD or as a film file to the priests. On the one hand, we felt obliged to give something back to the communities while on the other hand we wanted to show the draft versions of the films to the priests to document their reaction, both to elicit new information on the ceremony as well as to ensure that everything was represented correctly and satisfactorily.

The third reason to use filmmaking as a research tool in our ethnographic fieldwork was our interest in the experiential aspects of the ceremonial activities. For us, the transmission of the sensorial dimension of ritual activity is important as it helps the viewer to reflect on the corporeal and emotional experience of the people conducting and attending the ceremony. The sensorial aspect of filmmaking helps the spectator to catch the atmosphere of the ceremony and what it means to be physically engaged in ritual practices, be it porridge making, sheep skinning or kneeling and praying. The audiovisual image has the potential not only to convey visual information of the recorded activity, but also to bring forward its aural and even tacit qualities (see Pink 2006; MacDougall 1998, 2006).

Our aim was to record the ritual events as accurately as possible, as they occurred with all the intensity, spontaneity and unpredictability that characterises an event involving many people and a number of parallel activities. To achieve this, we opted for the observational approach to filmmaking. This means that certain choices had to be made, both in the way of filming and in the process of editing.

We decided from the very beginning to document the Udmurt religious ceremonies without doing formal interviews and without directing participants' behaviour, for example by asking them to re-enact their actions for the camera. It was also crucial to keep the film crew to a minimum. Usually there was only one person involved in the filmmaking during the

ceremonies. From the professional point of view, it would have been better to use another person to record the sound, but we decided to prefer the spontaneity of action, both the participants' and filmmaker's, over quality of sound. Recording sound for film requires specific skills and equipment, and this would have meant inviting to our research team a film professional who has a little or no experience of ethnographic fieldwork. Fortunately, modern audio technology – our on camera microphone with windshield in combination with a wireless clip-on microphone – allowed us to capture decent quality sound even with Liivo filming alone.

As matter of fact, Liivo Niglas, who has so far shot most of the team's films on prayer ceremonies, always prefers to film alone, even when working on properly funded documentary projects. He is usually the director, the cameraman and the sound recordist, as well as one of the editors of the film. Working alone gives him the necessary freedom to make the right decisions while observing ongoing, often unpredictable events with a video camera. His objective is to observe the spontaneous action of the film's characters, including their reactions to the presence of the camera. The other researchers–filmmakers in our team work in the same way.

Our way of filmmaking is based on observation but does not exclude participation. Although interviewing people on camera during the ceremony is usually avoided, spontaneous, verbal as well as non-verbal, engagement with film subjects has been an important feature of the filming process: it not only helps the filmmaker to stay physically close to the subjects, but also invites them to be active participants in the creation of the filmic representation. This filmmaking approach has much in common with our main fieldwork method, that of participant observation.

Our aim was not to achieve objective and/or cinematographically perfect descriptions of reality but to facilitate an emotionally and sensorially engaged meeting between filmmaker (and thus audience) and film subjects. Instead of filming from a distance, trying to capture every single detail in an impersonal and detached way, we stayed close to the subject and relied on our subjective interpretation of the filmed reality. The closeness to the people and subjective dimension of the filming is also manifested in the style of the camera's use. In order to follow the film subjects closely we prefer to film with light hand-held cameras because the use of heavy cameras and tripods makes implementation of spontaneous decisions clumsy.

The principles of observational cinema were also followed in the editing. To respect the temporal and spatial aspects of the filmed events, long takes and few cuts were preferred in the editing process. In addition, interviews, voice-over commentary and music scores were avoided to encourage the audience to form their own ideas and interpretations and provide them

with the impression of witnessing first-hand the experiences of the subjects. The observational approach offers the viewer an opportunity to look at the lived experience of others. It tries to capture the sense of the rhythms of everyday life in a specific physical and social environment and film subjects' relationships with other people and material objects; it enables the viewers to hear native spoken language with all its intonation, inflection, and accents. This kind of filmmaking does not pretend that the camera is not there, it does not hide the presence and the influence of the filmmakers; on the contrary, the catalytic role of the camera on human behaviour can be considered as one of the cornerstones of observational cinema (see MacDougall 1998, 2006; Young 1975; Henley 2004).

The choice of the observational approach gave rise to certain challenges. As the camera was almost always next to the sacrificial priest, it was impossible to cover all the ritual activities with the same accuracy. Observing the main action, the cinematographer risks missing parallel activities that take place elsewhere at the same time. For example, the throwing of the blood into the fire by the men who slaughtered the sheep was often not properly documented as the camera was filming the praying priest(s) at that moment. This could have been avoided if we had filmed the ritual from a distance, but then we would have missed the facial expressions and other signs of the experiential state of the priest reading the prayer.

Our biggest challenge in filming was the lack of language skills. In order to achieve our goal to document the ceremony as a lived experience, we tried to follow ordinary conversations and small talk (greetings, enquiries about health, jokes, etc.) because this spontaneous verbal communication often reveals important issues and peoples' values and attitudes. As Liivo does not understand Udmurt, he filmed participants' verbal exchanges for long enough that we could include some of it in the final film after Ranus had made a translation. The aim was not so much to provide more information about the process and meanings of the ceremony, it was more important to help viewers see the ceremony as a social event where new relationships are formed and old ones reinforced, where the social capital of individuals is acquired and where the social unity of the village is maintained. It also shows that the ceremony is a place to pass ritual knowledge to the next generations and to negotiate concepts of proper sacral behaviour. By including the longer conversations as well as small talk in the film, we aim to provide viewers with the social context of the ceremony and demonstrate that the sacrificial ritual is as much about the living people and the mundane as it is about the gods and the sacred.

This book is linked to DVD links, leading to four films. The four films represent the annual cycle of collective ceremonies of the Vil'gurt group. The

ceremonies were recorded between 2013 and 2017 and were released as a DVD set in 2019 (Niglas 2019). All the films are connected by the character of Fridman Kabip'anov, the young priest from the village of Malaya Bal'zuga,

In the first film, we see Fridman conducting a village ceremony (*gurt vös*) in Malaya Bal'zuga in 2014. He is still a young inexperienced priest: he reads his prayers from a paper and relies heavily on the advice of his helpers and his predecessor Nazip Sadriev. The second film documents the joint prayer ceremony (*mör vös*) in Vil'gurt in 2013. Fridman organises the collection of grain from the villagers in Bal'zuga and buys a ewe in order to take it to Vilgurt as the contribution from his village. In the ceremony, Fridman serves as a helper, the main priest being Rais Rafikov, who leads the ceremony with authority gained through experience and his charismatic personality. The third film, on *Elen vös*, was also recorded in 2013. It shows Rais, Fridman, Salim Shakirov and others buying a ewe, getting cauldrons in Vil'gurt and driving to Kirga, where the joint ceremony of the Eastern Udmurt is taking place. Again, Rais is giving orders to Fridman and others on cooking the porridge. Nevertheless, Salim is the one who joins other priests to say prayers in front of a large crowd. The leader of the ceremony is Anatoliy Galikhanov, from Altaevo, who controls the pace of the ceremony, gives his blessing to people who have come from different corners of the Udmurt diaspora, gives an interview to a television crew from Moscow, etc. The final film of the series, shot two years later, is about the winter joint ceremony (*tol mör vös*) in Vil'gurt. We see Rais and Salim in charge of the ceremony, but this time Fridman acts as an experienced priest, participating in ritual activities with confidence and saying his prayers from memory.

We have filmed many more prayer ceremonies and other rituals since 2013, but at the first stage of editing we decided to limit ourselves to these four films. Editing is hard work, especially when the editor, as in Liivo's case, does not understand the language. Luckily, our Udmurt collaborators are becoming more and more experienced in filmmaking and our hope is that very soon they will take over the making of the team's films, including those that have already been shot but are waiting editing.

Conclusion

Tatyshly district is certainly today the centre of the Bashkortostan Udmurt, for more than one reason. Certainly, the strength of the Demen kolkhoz and its charismatic leader Rinat Galyamshin have led to the building in Novye Tatyshly of facilities that have helped to turn the village into a kind of small Udmurt capital in Bashkortostan. It is the place where the National Cultural

Centre, in other words the National movement, has been created and has its base, especially considering the fact that the Historic and Cultural Centre, who is permanently open with a staff, is also based here and gives the National movement logistical support. This is one institutional reason. But another, very significant, reason is that from the religious point of view there is a very solid network here, a functional system in which everyone finds support. We have attempted to explain this system as explicitly as possible in this text.

Photos / Фотографии

We have chosen photos for this book that illustrate places and events that are not shown in the films, for those are suppose to speak for themselves.

Для этой книги мы выбрали фотографии, иллюстрирующие места и события, которые не показаны в фильмах, они должны говорить сами за себя.

Gurt vös'
Гурт вöсь

Photo 1. Aribash 05.06.2015. Going to the ceremony. Eva Toulouze
Фото 1. Д. Арибаиш 05.06.2015. По пути к деревенскому молению. Ева Тулуз

Photo 2. Aribash 05.06.2015. Arriving at the sacred place. Ranus Sadikov
Фото 2. Д. Арибаш 05.06.2015. На подходе к сакральному месту.
Раңус Садиков

Photo 3. Aribash 05.06.2015. Preparation in the sacred place. Eva Toulouze
Фото 3. Д. Арибаш 05.06.2015. Подготовка к церемонии на сакральном месте. Ева Тулуз

Photo 4. Aribash 05.06.2015. The priests' wives and food. Eva Toulouze
Фото 4. Д. Арибаш 05.06.2015. Жены жрецов и продукты. Ева Тулуз

Photo 5. Aribash 05.06.2015. The sacrificial priest Aleksey Garaev prepares with the help of his wife. Eva Toulouze
Фото 5. Д. Арибаш 05.06.2015. Жрец Алексей Гараев одевается при помощи своей жены. Ева Тулуз

Photo 6. Aribash 05.06.2015. The first prayer. Eva Toulouze
Фото 6. Д. Арибаш 05.06.2015. Первая молитва. Ева Тулуз

Photo 7. Aribash 05.06.2015. The sacrifice. Ranus Sadikov
Фото 7. Д. Арибаш 05.06.2015. Жертвоприношение. Ранус Садиков

Photo 8. Aribash 05.06.2015. After the sacrifice. Eva Toulouze
Фото 8. Д. Арибаш 05.06.2015. После жертвоприношения. Ева Тулуз

Photo 9. Aribash 05.06.2015. Preparation. Eva Toulouze
Фото 9. Д. Арибаш 05.06.2015. Подготовка к церемонии. Ева Тулуз

Photo 10. Aribash 05.06.2015. Fetching water. Eva Toulouze
Фото 10. Д. Арибаш 05.06.2015. За водой. Ева Тулуз

Photo 11. Aribash 05.06.2015. Washing the entrails. Eva Toulouze
Фото 11. Д. Арибаш 05.06.2015. Промывание внутренностей. Ева Тулуз

Photo 12. Aribash 05.06.2015. The meat boiling. Eva Toulouze
Фото 12. Д. Арибаш 05.06.2015. Мясо варится. Ева Тулуз

Photo 13. Aribash 05.06.2015. Removing the meat. Eva Toulouze
Фото 13. Д. Арибаш 05.06.2015. Извлечение мяса из бульона. Ева Тулуз

Photo 14. Aribash 05.06.2015. Adding the grain. Eva Toulouze
Фото 14. Д. Арибаиш 05.06.2015. Добавление крупы. Ева Тулуз

Photo 15. Aribash 05.06.2015. Aleksey Garaev with the meat. Eva Toulouze
Фото 15. Д. Арибаиш 05.06.2015. Алексей Гараев с мясом. Ева Тулуз

Photo 16. Aribash 05.06.2015. The sorting of the meat. Eva Toulouze
Фото 16. Д. Арибаш 05.06.2015. Перемешивание каши. Ева Тулуз

Photo 17. Aribash 05.06.2015. Mixing the porridge. Eva Toulouze
Фото 17. Д. Арибаш 05.06.2015. Мешая кашу. Ева Тулуз

Photo 18. Aribash 05.06.2015. The participants arrive and wait.

Eva Toulouze

Фото 18. Д. Арибаш 05.06.2015. Участники прибывают и ожидают.
Ева Тулуз

Photo 19. Aribash 05.06.2015. Participants enter the sacred space.

Eva Toulouze

Фото 19. Д. Арибаш 05.06.2015. Участники входят в сакральное место.
Ева Тулуз

Photo 20. Aribash 05.06.2015. Participants sitting in the sacred space.

Eva Toulouse

Фото 20. Д. Арибаш 05.06.2015. Участники сидят в священном месте.

Ева Тулуз

Photo 21. Aribash 05.06.2015. Baked offerings. The biggest pile is kuarn'an' flatbread.

Eva Toulouse

Фото 21. Д. Арибаш 05.06.2015. Выпекание подношений. Самая высокая стопка – лепёшки.

Ева Тулуз

Photo 22. Aribash 05.06.2015. The banquet. Eva Toulouze
Фото 22. Д. Арибаш 05.06.2015. Трапеза. Ева Тулуз

Photo 23. Aribash 05.06.2015. The cleaning of the sacred place.
Eva Toulouze
Фото 23. Д. Арибаш 05.06.2015. Уборка священного места. Ева Тулуз

Photo 24. Aribash 05.06.2015. The sacrificial priest's wife distributes the porridge to the neighbours. Eva Toulouze

Фото 24. Д. Арибаш 05.06.2015. Жена жреца раздает кашу соседям. Ева Тулуз

Alga Bagysh vös'
Алгинский Багыш вӧсь

Photo 25. Road to Kyzyl'yar 11.06.2015. The cauldron for the promise of a sacrifice. Eva Toulouze
Фото 25. Кызылъярская дорога 11.06.2015. Котел для обычая "обещание жертвы". Ева Тулуз

Photo 26. Road to Kyzyl'yar 11.06.2015. Vladik Khuzimarzanov pours salt into the cauldron. Eva Toulouze

Фото 26. Кызылъярская дорога 11.06.2015. Владик Хузимарзанов кладет соль в котел. Ева Тулуз

Photo 27. Road to Kyzyl'yar 11.06.2015. Vladik Agay prays. Eva Toulouze

Фото 27. Кызылъярская дорога 11.06.2015. Владик агай молится. Ева Тулуз

Photo 28. Road to Kyzyl'yar 11.06.2015. Vladik Agay prepares the fire for the next day. Eva Toulouze
Фото 28. Кызылъярская дорога 11.06.2015. Владик агай готовит костер на завтра. Ева Тулуз

Photo 29. Road to Kyzyl'yar 11.06.2015. Smoke in the sacred place. Eva Toulouze
Фото 29. Кызылъярская дорога 11.06.2015. Дым в священном месте. Ева Тулуз

Photo 30. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. Vladik Agay mows. Eva Toulouze
Фото 30. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Владик агай косит. Ева Тулуз

Photo 31. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. The sacrificial animals.
Eva Toulouze
Фото 31. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Жертвенные животные.
Ева Тулуз

Photo 32. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. After the sacrifice. Eva Toulouze
Фото 32. Кызылъярская дорога 12.06.2015. После жертвоприношения. Ева Тулуз

Photo 33. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. The men do the accounts. Eva Toulouze
Фото 33. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Мужчины делают подсчет денежных пожертвований. Ева Тулуз

Photo 34. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. Broth being cooked. Eva Toulouze
Фото 34. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Варится бульон. Ева Тулуз

Photo 35. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. Sacrificial priests praying.
Eva Toulouze
Фото 35. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Жрецы молятся. Ева Тулуз

Photo 36. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. Mixing the porridge. Eva Toulouze
Фото 36. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Перемешивание каши. Ева Тулуз

Photo 37. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. Everybody prays. Eva Toulouze
Фото 37. Кызылъярская дорога 12.06.2015. Все молятся. Ева Тулуз

Photo 38. Road to Kyzyl'yar 12.06.2015. Distribution of the porridge.

Eva Toulouze

Фото 38. Кызыльярская дорога 12.06.2015. Раздача каши. Ева Тулуз

Alga mör vös'
Алгинский мör вöсь

Photo 39. Alga 13.06.2013. The fire for the promise of a sacrifice.
Eva Toulouse
Фото 39. Д. Алга 13.06.2013. Костер для обещания жертвы.
Ева Тулуз

Photo 40. Alga 13.06.2013. Farkhulla add the butter. Eva Toulouse
Фото 40. Д. Алга 13.06.2013. Фархулла кладет сливочное масло.
Ева Тулуз

Photo 41. Alga 13.06.2013. The prayer for the promise of a sacrifice.
Eva Toulouse
Фото 41. Д. Алга 13.06.2013. Молитва обещания жертвы. Ева Тулуз

Photo 42. Alga 13.06.2013. Tasting the porridge. Eva Toulouse
Фото 42. Д. Алга 13.06.2013. Проба каши на вкус. Ева Тулуз

Photo 43. Alga 13.06.2013. Fire made for the ceremony the following day.
Eva Toulouse
Фото 43. Д. Алга 13.06.2013. Костер для завтрашнего моления.
Ева Тулуз

Photo 44. Alga 14.06.2013. The sacrificial animals. Eva Toulouze
Фото 44. Д. Алга 14.06.2013. Жертвенные животные. Ева Тулуз

Photo 45. Alga 14.06.2013. Prayer. Eva Toulouze
Фото 45. Д. Алга 14.06.2013. Молитва. Ева Тулуз

Photo 46. Alga 14.06.2013. The sacrifice. Eva Toulouse
Фото 46. Д. Алга 14.06.2013. Жертвоприношение. Ева Тулуз

Photo 47. Alga 14.06.2013. The sacrificial priest receives the offerings. Eva Toulouse
Фото 47. Д. Алга 14.06.2013. Жрец принимает дары. Ева Тулуз

*Photo 48. Alga 14.06.2013. The sacrificial priest receives the offerings.
Eva Toulouze*
Фото 48. Д. Алга 14.06.2013. Жрец принимает дары. Ева Тулуз

Photo 49. Alga 14.06.2013. A prayer. Eva Toulouze
Фото 49. Д. Алга 14.06.2013. Молитва. Ева Тулуз

Photo 50. Alga 14.06.2013. A prayer. Ranus Sadikov
Фото 50. Д. Алга 14.06.2013. Молитва. Ранус Садиков

Photo 51. Alga 14.06.2013. Sacrificial priest Evgeni Adullin distributes the offerings among the helpers. Eva Toulouze
Фото 51. Д. Алга 14.06.2013. Жрец Евгений Адуллин раздает дары помощникам. Ева Тулуз

Photo 52. Alga 14.06.2013. The closing of the fireplace. Eva Toulouze
Фото 52. Д. Алга 14.06.2013. Завершение церемонии. Eva Toulouze

Elen vös', Staryy Varyash (2018)
Элэн вöсь, с. Старый Варяш (2018)

Photo 53. Staryy Varyash. The Tatyshly team arrives. Eva Toulouze
Фото 53. С. Старый Варяш. Прибывают участники из Татышли.
Ева Тулуз

Photo 54. Staruy Varyash. Opening of the ceremony. Eva Toulouze
Фото 54. С. Старый Варяш. Начало церемонии. Ева Тулуз

Photo 55. Staruy Varyash. The helpers bring the sacrificial animal.
Eva Toulouze
Фото 55. С. Старый Варяш. Помощники несут жертвенное животное.
Ева Тулуз

*Photo 56. Staryy Varyash. Preparing the porridge, the Tatyshly team.
Eva Toulouze*

*Фото 56. С. Старый Варяш. Представители Татышлинского района
готовят кашу. Ева Тулуз*

Photo 57. Staryy Varyash. Anatoliy Galikhanov prays alone. Eva Toulouze

Фото 57. С. Старый Варяш. Анатолий Галиханов молится. Ева Тулуз

Photo 58. Staryy Varyash. Rais Rafikov prays alone. Behind him, Farkhulla, Galikhanov and other priests. Eva Toulouze

Фото 58. С. Старый Варяш. Раис Рафиков молится. За ним, Фархулла, Галиханов и другие жрецы. Ева Тулуз

Photo 59. Staryy Varyash. Eva with the sacrificial priests: Rais Rafikov, Anatoliy Galikhanov and, standing, Anatoliy Nasipullin. Evgeniy Badretdinov

Фото 59. С. Старый Варяш. Ева вместе с жрецами: Раис Рафиков, Анатолий Галиханов и, стоя, Анатолий Насипуллин. Евгений Бадретдинов

Photo 60. Staryy Varyash. A helper from Kaltasy district. Eva Toulouze
Фото 60. С. Старый Варяш. Помощница из Калтасинского района. Ева Тулуз

Photo 61. Staryy Varyash. Rais Rafikov mixing the porridge. Eva Toulouze
Фото 61. С. Старый Варяш. Раис Рафиков мешает кашу. Ева Тулуз

Photo 62. Staryy Varyash. Sacrificial priests and helpers. Eva Toulouze
Фото 62. С. Старый Варяш. Жрецы и помощники. Ева Тулуз

Photo 63. Staryy Varyash. Preparing the meat with an axe. Eva Toulouze
Фото 63. С. Старый Варяш. Рубка мяса. Ева Тулуз

Photo 64. Staryy Varyash. The cauldrons. Eva Toulouze
Фото 64. С. Старый Варяш. Котлы. Ева Тулуз

Photo 65. Staryy Varyash. The sacrificial priests address the people.
Eva Toulouze
Фото 65. С. Старый Варяш. Жрецы обращаются к народу.
Ева Тулуз

Photo 66. Staryy Varyash. The first general prayer. Eva Toulouze
Фото 66. С. Старый Варяш. Первая общая молитва. Ева Тулуз

Photo 67. Staryy Varyash. The gathered people. Eva Toulouze
Фото 67. С. Старый Варяш. Участники церемонии. Ева Тулуз

Photo 68. Staryy Varyash. The attendants receive the porridge. Eva Toulouze
Фото 68. С. Старый Варяш. Участники получают кашу. Ева Тулуз

Photo 69. Staryy Varyash. The Tatyshly cauldron. Evgeniy Adullin gives porridge to Salim Garifullov. Eva Toulouze
Фото 69. С. Старый Варяш. У татышлинского котла: Евгений Адуллин накладывает кашу Салиму Гарифуллину. Ева Тулуз

Photo 70. Staryy Varyash. The second general prayer. Eva Toulouze
Фото 70. С. Старый Варяш. Вторая общая молитва. Ева Тулуз

Photo 71. Staryy Varyash. The sacrificial priests address the people. Eva Toulouze
Фото 71. С. Старый Варяш. Жрецы обращаются к народу. Ева Тулуз

Photo 72. Staryy Varyash. The people leave. Eva Toulouze
Фото 72. С. Старый Варяш. Народ уезжает. Ева Тулуз

The Alga group *tol mör vös'*

Алгинский *тол мөр вöсь*

Photo 73. Alga. The sacred place, with horse carts. Eva Toulouze

Фото 73. Д. Алга. Алгинские священное место с санями. Ева Тулуз

Photo 74. Alga. The sacrificial animal in a cart. Eva Toulouze
Фото 74. Д. Алга. Жертвенное животное на санях. Ева Тулуз

Photo 75. Alga. Sacrificial priests and cauldrons. Eva Toulouze
Фото 75. Д. Алга. Жрецы и котлы. Ева Тулуз

Photo 76. Alga. Near the sacrificial animals. Eva Toulouze
Фото 76. Д. Алга. Около жертвенных животных. Ева Тулуз

Photo 77. Alga. The butchering. Eva Toulouze
Фото 77. Д. Алга. Разделка. Ева Тулуз

Photo 78. Alga. The cauldrons. Eva Toulouze
Фото 78. Д. Алга. Котлы. Ева Тулуз

Photo 79. Alga. Eating in the cabin. Eva Toulouze
Фото 79. Д. Алга. Трапеза в избушке. Ева Тулуз

Photo 80. Alga. Liivo films. Eva Toulouze
Фото 80. Д. Алга. Лийво снимает. Ева Тулуз

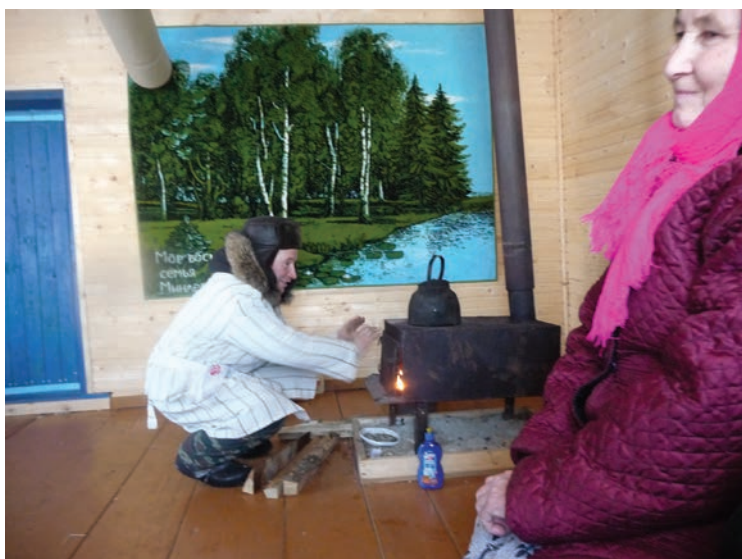

Photo 81. Alga. Sacrificial priest Yashka warming himself while people gather. Eva Toulouze
Фото 81. Д. Алга. Жрец Яшка греется, пока народ собирается. Ева Тулуз

Photo 82. Alga. Helpers and priests praying. Eva Toulouze.
Фото 82. Д. Алга. Помощники и жрецы молятся. Ева Тулуз

Photo 83. Alga. The sorting of the meat. Eva Toulouze
Фото 83. Д. Алга. Сортировка мяса. Ева Тулуз

Photo 84. Alga. Mixing the porridge. Eva Toulouze
Фото 84. Д. Алга. Перемешивание каши. Ева Тулуз

Sacred places

Священные места

Photo 85. Sacred place on the Kyzyl'yar road 12.06.2014. Eva Toulouse
Фото 85. Священное место у Кызылъярской дороги 12.06.2014. Ева Тулуз

Photo 86. Sacred place in Vyazovka 07.06.2017. Laur Vallikivi
Фото 86. Священное место в д. Вязовка 07.06.2017. Лаур Валликиви

Photo 87. Sacred place in Yuda 09.06.2015. Ranus Sadikov
Фото 87. Священное место в д. Юда 09.06.2015. Ранус Садиков

Photo 88. Sacred place in Urazgil'dy 08.06.2014. Eva Toulouze
Фото 88. Священное место в с. Уразгильды 08.06.2014. Ева Тулуз

Photo 89. New sacred place in Nizhnebal'tachevo 02.06.2016. Eva Toulouze
Фото 89. Священное место в с. Нижнебалтачево 02.06.2016. Ева Тулуз

Photo 90. Sacred place in Verkhnie Tatyshly 09.06.2017. Ranus Sadikov
Фото 90. Священное место в с. Верхние Татышлы 09.06.2017.
Ранус Садиков

Photo 91. Sacred place in Bigineevo 07.06.2015. Ranus Sadikov
Фото 91. Священное место в д. Бигинеево 07.06.2015. Ранус Садиков

*Photo 92. Sacred place in Aribash, before being taken back into use
11.06.2014. Eva Toulouze*

*Фото 92. Священное место в д. Арибаш, до того как стали им
пользоваться 11.06.2014. Ева Тулуз*

Photo 93. Sacred place in Kyzyl'yar 05.06.2017. Eva Toulouze

Фото 93. Священное место в д. Кызылъяр 05.06.2015. Ева Тулуз

Photo 94. Sacred place in Starokalmiyarovo 15.06.2018. Eva Toulouze
Фото 94. Священное место в с. Старокалмиярово 15.06.2018. Ева Тулуз

Photo 95. Sacred place in Starokalmiyarovo during the gurt vös' 15.06.2018.
Eva Toulouze
Фото 95. Священное место в с. Старокалмиярово во время гурт вöсь 15.06.2018.
Ева Тулуз

Photo 96. Sacred place in Verkhnebaltachevo 07.06.2019. Eva Toulouse
Фото 96. Священное место в с. Верхнебалтачево 07.06.2019. Ева Тулуз

Photo 97. Sacred place in Asavka, Baltachevo district 09.06.2016.
Eva Toulouse
Фото 97. Священное место в д. Асавка Балтачского района 09.06.2016.
Ева Тулуз

Sacrificial priests

Жрецы

Photo 98. Malaya Bal'zuga 08.06.2017. Nazip Sadriev. Eva Toulouze
Фото 98. Д. Малая Бальзуга 08.06.2017. Назип Садриев. Ева Тулуз

Photo 99. Kyzyl'yarsk road 08.06.2017. Eugeni Adullin. Eva Toulouze
Фото 99. Д. Кызылъярская дорога 08.06.2017. Назип Садриев. Ева Тулуз

Photo 100. Alga 14.06.2013.
Vladik Khazimardanov. Eva Toulouze
Фото 100. Д. Алга 14.06.2013.
Владик Хазимарданов. Ева Тулуз

Photo 101. Alga 05.06.2017. Boris Khazimardanov. Eva Toulouze
Фото 101. Д. Кызылъяр 05.06.2017. Борис Хазимарданов. Ева Тулуз

Photo 102. Vyazovka 05.06.2017. Filarit Shaymardanov. Eva Toulouze
Фото 102. С. Вязовка 05.06.2017. Филарит Шаймарданов. Ева Тулуз

*Photo 103. Noye Tatyshly 13.06.2014.
Rais Rafikov. Eva Toulouze
Фото 103. С. Новые Татышлы
13.06.2014. Раис Рафиков. Ева Тулуз*

*Photo 104. Aribash 05.06.2015. Aleksey Garaev. Eva Toulouze
Фото 104. Д. Арибаиш 05.06.2015. Алексей Гараев. Ева Тулуз*

*Photo 105. Malaya Bal'zyuga
05.06.2015. Fridman Kabiiryanov.
Eva Toulouze
Фото 105. Д. Малая Бальзуга
05.06.2015. Фридман Кабириянов.
Ева Тулуз*

*Photo 106. Novye Tatyshly 05.06.2015. Zinnat Dautov.
Eva Toulouze
Фото 106. с. Новые Татышлы 05.06.2015.
Зиннат Даутов. Ева Тулуз*

Photo 107. Urazgil'dy 05.06.2015. Ralif Garaev. Eva Toulouze
Фото 107. С. Уразгильды 05.06.2015. Ралиф Гараев, Ева Тулуз

Photo 108. Bol'shekachakovo, Kaltasy district 05.06.2015.
Anatoliy Nasipullin. Eva Toulouze
Фото 108. С. Большекачаково Калтасинского района РБ 05.06.2015.
Анатолий Насипуллин, Ева Тулуз

*Photo 109. Altaevo, Buraevo district 24.06.2018.
Anatoliy Galikhanov. Eva Toulouse*
*Фото 109. Д. Алтаево Буреевского района РБ 24.06.2018.
Анатолий Галиханов. Ева Тулуз*

*Photo 110. Votskaya Osh'ya, Yanaul district 06.06.2015. Arkadiy Urakbaev.
Eva Toulouse*
*Фото 110. Вотская Ошья Янаульского района РБ 06.06.2015.
Аркадий Уракбаев. Ева Тулуз*

*Photo 111. Kizganbashevo, Baltach district 07.06.2016. Timerkhan Apsalikov.
Eva Toulouze*
*Фото 111. Кизганбашево Балтачского района РБ 07.06.2016.
Тимерхан Апсаликов. Ева Тулуз*

*Photo 112. Asavka, Baltach district 09.06.2016. Vladimir Galiev.
Eva Toulouze*
*Фото 112. Д. Асавка Балтачского района РБ 09.06.2016.
Владимир Галиев, Ева Тулуз*

Благодарности

Эта книга появилась, благодаря участию многих людей.

Мы очень благодарны жителям удмуртских деревень Башкортостана, которые проявили дружелюбие и гостеприимство и помогали всеми возможными способами. Мы особенно благодарны некоторым конкретным людям, чья помощь оказалась неоценимой для успеха нашей работы.

Мы выражаем признательность:

Татьяне Николаевне Шайбаковой, познакомившей нас с Татышлинскими удмуртами,

Ринату Биктимировичу Галямшину, пригласившего нас в общество, которым он руководил, и поддержавшего наши инициативы,

Фридману Кабипьянову и его семье, ставших нашими первыми близкими контактами и помогших нам войти в мир жрецов,

Назипу Садриеву, ответственному за сохранение удмуртских коллективных ритуалов в Башкортостане и всегда принимавшему нас очень дружелюбно,

Флюре Нуриевой, приглашавшей нас в свой дом в первые годы,

Анне Байдуллиной, всегда приглашавшей членов нашей команды,

Ирине Самигуловой и Марсу Самигулову, принимавшим нас в последние годы, разделяющим наши цели и помогавшим их достигать.

Мы благодарны нашим водителям на местах Радiku Ивановичу Суфиярову и Владимиру Суюндукову, которые тоже поддерживали нас в работе.

И последнее, но не менее важное: мы благодарны нашим коллегам и членам нашей команды Ранусу Садикову, Николаю Анисимову, Лауру Валликиви, Евгению Бадретинову, Марии Вятчиной, Денису Корнилову.

Особая благодарность Ранусу Садикову, который больше всего присутствует на этих страницах: он ввел нас в мир удмуртских церемоний и поделился с нами своими знаниями. Кроме того, в этой книге есть много его фотографий, и он является автором русских переводов удмуртских молитв.

Особая благодарность Николаю Анисимову за его постоянную поддержку: он тщательно проверил наш текст и обогатил его своими опытом полевых исследований и предложениями.

Особая благодарность Лауру Валликиви, прочитавшего и прокомментировавшего наш текст.

Особая благодарность Дэниелу Аллену, отредактировавшего английскую версию.

Предисловие

Эта книга родилась как продолжение четырех документальных фильмов о закамских коллективных молитвенных церемониях, снятых Лийво Нигласом в 2019 году. С одной стороны, мы почувствовали необходимость добавить обширный комментарий к фильмам, задача которых совсем не предоставлении исчерпывающей информации по проблеме, не обеспечении интеллектуального понимания ритуала, не в объяснении исторического контекста, даже не в подробном описании церемонии. Для этого гораздо лучше подходят слова. Вклад фильма в понимание ритуала основан на его способности передавать эмпирическое измерение церемонии, передавать чувства и эмоции участников внимательному зрителю. В этой книге мы пытаемся сосредоточиться как на интеллектуальном, так и на эмпирическом измерении восточно-удмуртских публичных молитвенных церемоний: текст книги передает научный и аналитический аспект, фильмы – эмоциональный и чувственный аспект, фотографии – визуальную информацию.

В то же время мы осознаем недостаток, с которым часто сталкиваются наши публикации: довольно часто они недоступны для людей, о которых мы говорим. Обычно мы публикуемся в академических журналах, никогда не доходящих до деревень. Часто они написаны на языках, которые наши информанты не понимают. Сельские жители жалуются, что к ним неоднократно приезжали антропологи, но они никогда не видели результатов. Мы попытались решить эту проблему и различными способами выразить нашу благодарность за оказанную помощь. Люди имеют право знать, что рассказывается о них миру. Поэтому книга не только посвящена нашим информантам, но они практически являются адресатами этого издания. Текст, написанный на английском языке, полностью переведен на русский, которым владеет большинство удмуртов; все фильмы имеют субтитры на русском (а также на английском, французском и эстонском языках), так что даже те удмурты, у которых есть проблемы с местным, закамским диалектом, могут наслаждаться фильмами.

Создавая эту книгу, мы были воодушевлены положительной реакцией на подобное издание со стороны информантов. Когда в совместной публикации Евы Тулуз, одного из авторов этой книги, и Николая Анисимова наши информанты нашли упоминание о себе, они были благодарны и счастливы. Мы хотим добиться того же результата с помощью книги и, в свою очередь, выразить нашу благодарность прекрасной удмуртской общине в Башкортостане.

Фильмы

Четыре фильма: Гурт вӧсь, Мӧр вӧсь, Тол Вӧсь и Элен Вӧсь с русскими субтитрами находятся на сайте проекта ИУФ по следующей ссылке:
<https://www.folklore.ee/udmurt/kamaudm/filmy/>

Введение

В любой культуре, традиционной или современной, ритуалы представляют собой значительную часть того, что носители культуры считают самоочевидным. В обычной речи мы бы даже не стали использовать слово “ритуал” для таких мероприятий, как дни рождения, начало нового учебного года или начало футбольного матча. Игнорируя универсальность этого явления, мы склонны использовать слово “ритуал” в отношении традиционных культур, подобных тем, которые будут описаны ниже. Хотя, правильно ли называть удмуртскую культуру традиционной культурой?

Не будем здесь останавливаться на сложном определении традиции, а просто будем полагаться на интуитивно воспринимаемое понятие “традиционного”. Удмурты – это этническая группа, проживающая в центральной России и имеющая аграрные традиции. В жизни удмуртов деревенские традиции находят очень глубокие корни, а современная городская жизнь начала доминировать в их жизни всего лишь столетие назад, в начале XX века, с приходом советской эпохи. Хотя советский период имел и имеет глубоко неоднозначные последствия, как обогащающие, так и трагические, он, несомненно, позволил удмуртам вступить в новый период своей истории. Сегодняшние удмурты, те самые удмурты, о которых мы собираемся рассказать, – это современные люди. У многих из них дома есть компьютеры, и они общаются с друзьями через социальные сети. Они слушают те же песни и смотрят те же фильмы, что и их сверстники в других частях света. Итак, с одной стороны, они глобализированные люди. Но в то же время, у них есть наследие, которое они сохраняют, у них есть свой собственный способ обращаться к Богу и укреплять связи внутри своего сообщества.

Когда речь заходит о традиционной религии, некоторые исследователи, конечно, ищут старожилых. Действительно, многое было утрачено из-за советского табу на изучение религии, и разумно попытаться заполнить пробелы, собрав как можно больше воспоминаний. Но важно не повторять ошибок пятидесятилетнего прошлого, а фиксировать и изучать в том числе и современную ситуацию в культуре особенно потому, что настоящее – это увлекательный период. После долгого периода забвения закамские удмурты получают свои традиции и обновляют их в соответствии со своими потребностями. Вполне понятна боль пожилых людей, которым приходится наблюдать, как гибнет мир их детства и юности. Это вполне понятно! Но также здорово следовать за теми, кто вовлечен в построение связей между корнями и плодами. Именно об этих людях и идет речь в данном исследовании.

Мы провели полевые исследования среди так называемых закамских удмуртов, диаспоры, проживающей в тюркской среде к востоку от реки Кама, большая часть их находится в Республике Башкортостан, хотя ядро удмуртского населения остается на территории Удмуртии (Удмуртская Республика) между реками Вяткой и Камой. Весь закамский регион является особенным с религиозной точки зрения: их никогда не заставляли принимать христианство⁴¹, и их особая форма аграрного культа все еще жива, с большей или меньшей преемственностью. Мы анализируем это явление на материале одного из районов Башкортостана, где девятнадцать удмуртских деревень образуют кластер.

Знакомство с коллективными ритуалами закамских удмуртов

После краткого введения расскажем, как мы познакомились с ритуалами, которые изучаем уже десять лет. Мы, авторы, работаем среди закамских удмуртов с 2013 года, сначала по собственной инициативе при поддержке Тартуского университета, позже в рамках нескольких эстонских и французских проектов. Мы опираемся на данные, собранные в ходе полевых работ в разных деревнях Татышлинского района Башкортостана. Деревни из других районов, где проводятся коллективные ритуалы, тоже не остались без внимания, но здесь мы используем эту информацию как дополнительную, для сравнения, а сосредоточимся как раз на комплексе ритуалов, годовом цикле, сохраняющемся в интересующем нас кластере из девятнадцати деревень.

Ева познакомилась с Татышлинским районом в 2011 году, когда воспользовалась свободным временем после участия в российско-французской летней школе молодых ученых в Уфе, столице Башкортостана. Она посетила Удмуртский культурный центр в селе Новые Татышлы, известной удмуртам как Вильгурт (“новая деревня”). Удмуртские активисты, сопровождавшие Еву, показали ей священные места и рассказали о жертвенных церемониях, что побудило ее интерес, ставший особенно острым из-за недавно полученного в Удмуртии опыта. Там поддерживающие традиционную религиозную практику отнеслись к Еве с подозрением, что можно объяснить враждебностью, которую Православная церковь выстроила в отношении носителей анимистической традиции. Открытость и естественность, с какой люди в с. Новые Татышлы рассказывали о своих ритуалах, вызвало у исследовательницы интерес, и два

⁴¹ Хотя некоторые люди, по разным причинам, обратились в христианство.

года спустя, с согласия местных властей, она вернулась. Ева приехала с двумя коллегами, удмуртским этнографом и специалистом по удмуртской религии Ранусом Садиковым, с которым большинство людей в регионе уже были знакомы, благодаря его долгой работе в регионе; и соавтором этой книги, эстонским визуальным антропологом и режиссером Лийво Нигласом. Присутствие режиссера казалось необходимым, поскольку было очевидно, что решающую роль для документирования практики сыграет именно визуальный аспект, тем более, эта практика еще не была задокументирована и о ней за пределами региона знали лишь несколько человек.

Первый год позволил нам раскрыть это направление исследования. Наша небольшая команда нашла жилье в небольшой деревне Малая Бальзюга, и мы начали нашу работу со знакомства с местными жрецами, совершающими жертвоприношения. На самом деле, выбор деревни был очевиден: там жил не только исполняющий обязанности жреца исключительно молодой человек, 30-летний Фридман Кабибянов, но и его предшественник, старый жрец Назип Садриев, авторитет по религиозным вопросам на всей территории Удмуртии.

Пробыв в деревне месяц и влившись в общественную жизнь, мы познакомились с географией района, деревнями, местными властями и многими сельскими жителями, некоторые из них регулярно навещали нашу хозяйку, приносили информацию прямо нам. В то же время они хотели понять, кто мы такие, ведь иностранцев редко видели в деревне. Из-за перенесения церемоний на более раннее время мы не смогли присутствовать на деревенском молении (в начале июня, когда мы приехали, оно уже было проведено), но мы успели к двум большим событиям, в которых участвовали несколько деревень. Мы присутствовали и снимали, что дало нам возможность познакомиться с несколькими активными жрецами и их помощниками, но мы никогда не посещали церемонию без предварительного согласия с их стороны, и нужно признать, что никогда, ни в Татышлинском районе, ни где-либо еще, мы не получали отказа. Напротив, нас всегда принимали с предельным дружелюбием. Если и были сомнения или возражения у кого-то из наших партнеров, они никогда не высказывались нам напрямую. Таким образом, у нас была возможность отметить некоторые различия между ритуальными практиками разных местностей. Более того, в конце месяца мы посетили церемонию, в которой участвовал весь регион Закамья.

Шесть месяцев спустя мы вернулись для участия в зимних церемониях и посетили две из них. Мы были предоставлены сами себе, потому что у Рануса были проблемы со здоровьем, которые не позволили ему участвовать в полевых исследованиях в течение полутора лет. У нас уже

были кое-какие контакты, жилье, в котором нам были рады, и доверие людей, ответственных за церемонии. Мы обнаружили переводчицу, докторантку Тартуского университета Анну Байдуллину, которая должна была закончить докторскую диссертацию дома, в удмуртской деревне.

В следующем году наша команда пополнилась эстонским антропологом религии Лауром Валликиви, который позже трижды присоединялся к нашей полевой работе. Наконец-то мы смогли присутствовать на церемониях на уровне деревни, даже на двух из них. Это было действительно познавательно. Когда в том же году местные удмуртские чиновники заговорили о стандартизации удмуртских ритуалов (ПМА 2014⁴²), мы стали свидетелями их необычайного разнообразия даже в очень близких деревнях. Мы понимали, что документирование должно было решить этот вопрос. Учитывая мощное влияние кино, мы поняли, что должны заснять все деревенские церемонии, поскольку каждая деревня имела право иметь задокументированными свои традиции, свой способ ведения дел, ведь если этого не делать, стандартизация вполне могла ориентироваться только на задокументированные церемонии, игнорируя незадокументированные. По этическим соображениям наша программа была рассчитана на несколько лет.

В следующем, 2015 году, Ранус Садилов вернулся, но Лийво Ниглас, который снимал документальный фильм в США, не смог присоединиться к нам. Таким образом, только Ева и Ранус проводили исследование, посетив несколько новых деревень, частично в других районах. Тогда у нас был новый опыт сотрудничества с Удмуртским телевидением, которое по нашей просьбе и при финансовой поддержке Тартуского университета прислало оператора для съемки деревенского моления, подтвердившей локальную уникальность церемоний.

2016 год стал поворотным моментом в нашей полевой работе, поскольку в том году к нам присоединился Николай Анисимов, молодой удмуртский фольклорист, свободно владеющий удмуртским (своим родным языком), готовящий докторскую степень в Тартуском университете, чье присутствие значительно расширило область наших исследований. Присутствие Анисимова было существенным с двух точек зрения. Во-первых, он открыл для нас отдельное направление – песню, центральный способ выражения в удмуртском общении. В первые годы у нас вообще не было контакта с песней, вероятно, потому, что Ранус не интересовался певческой культурой и сам не пел. Но Николай не только известный исполнитель удмуртских народных и эстрадных песен, хорошо известных во всей Удмуртии, у него также огромный

⁴² Записано Евой Тулуз в 2014 году от Салима Гарифуллина, 1950 г.р., с. Нижнебалтачево.

репертуар народных песен из разных местных культур. Одно его появление в усадьбах побуждало к пению. Восполнение этого огромного пробела в понимании современной закамской культуры было наиболее плодотворным. Во-вторых, методы работы Николая на местах и его статус позволили общению протекать гораздо легче и глубже: для всех было честью принять его в гостях. Нас приняли действительно как гостей, со всеми традиционными ритуалами гостеприимства.

С 2017 года исследование финансируется за счет французского государственного гранта⁴³ в дополнение к эстонским грантам, и каждый год, иногда два раза в год или чаще, группы ученых проводили полевые работы в Закамье. Люди ожидают нас. Ограничения, связанные с COVID-19, не позволяли нам проводить полевые работы весь 2020-й и часть 2021-го года, и жители деревни выразили свое удивление тем, что нас не было, поскольку привыкли к нашим визитам.

Наконец, с 2016 года нас пригласили на несколько более закрытых ритуалов. Сейчас у нас много друзей и знакомых в этом регионе, и люди заинтересованы в том, чтобы документировать свои семейные ритуалы, что мы с радостью делаем как ради науки, так и для их семейных архивов. Однако эти ритуалы не являются целью данной книги: мы сосредоточимся на церемониях коллективной молитвы, наиболее оригинальной религиозной практике закамских удмуртов.

Традиционные коллективные моления удмуртов в целом и закамских удмуртов в частности

До христианизации удмурты регулярно проводили моления, в которых участвовало население целых деревень и групп деревень. Даже после того, как евангелизация была достигнута, у нас есть свидетельства — как из архивных материалов, так и от ранних исследователей, которые оставили даже фотографии таких грандиозных церемоний, — что первоначально практика не была полностью прекращена (Wichmann I 1987; Sadikov, Mäkelä 2009; Harva 1914). Конечно, евангелизация на основной территории Удмуртии началась рано: она началась в 16 веке, с разгрома

⁴³ IUF 2017–2022 “Étude interdisciplinaire d’une minorité animiste en Russie d’Europe, les Oudmourtes orientaux: rituels, coutumes, engagement communautaire aujourd’hui” (2018–2022) Interdisciplinary study of an animist minority in Russia, the Eastern Udmurt: rituals, customs, and community involvement today”.

Казанского ханства московскими войсками в 1552 году и поглощения территории ханства тем, что становилось Российской империей. Это продолжалось в последующие столетия, достигнув пика в XVIII веке – за тридцать лет до введения относительной свободы религии в Российской империи, то есть до запрета насильственного обращения, когда была создана *Новокрещенная контора* (Kappeler 1982: 277; Brennan 1987: 128–129; Luppov 1999 [1899]: 148). Но то, что было сделано, не могло быть отменено. До 1905 года⁴⁴ отступничество от православия считалось преступлением⁴⁵, поэтому, несмотря на многочисленные попытки (в основном марийцев, финно-угорской группы, проживающей к западу от Удмуртии, которые хотели вернуть свою старую духовность), не было никакого выхода из христианства, к которому их принудили, и они привыкли к нему. Поэтому в конце XIX века, когда этнографы начали использовать фотографию в полевых работах, на основной территории Удмуртии больше не проводились большие моления, поскольку она была полностью охвачена христианством. Однако они продолжались в других местах, и фотографии, которые у нас есть, сделаны в этих других районах. Действительно, на других территориях традиционные удмуртские обычаи не умерли.

Те удмуртские общины, которые не хотели принимать новые правила, бежали и нашли убежище в близлежащих мусульманских районах (Toulouze & Anisimov 2020; Каппелер 1994: 41; Луппов 1999 [1899]: 141–142). Эти районы были малонаселенными, а местное население, татары и башкиры, вели частично кочевой образ жизни. Мусульмане приняли пришельцев, удмуртам разрешили поселиться и соблюдать свои обычаи, но попросили платить налог и арендную плату за землю. Позже они приобрели эту землю в собственность. Хотя ислам также является религией, с сильным миссионерским элементом, и были попытки привлечь новое население к принятию ислама, ситуация полностью отличалась от насильственной христианизации со стороны русских. Попытки обращения в ислам не одобрялись светскими властями, опиравшимися на убеждения и доверие местного населения, поэтому были успешными лишь частично, – несколько деревень в течение XIX века и особенно в его конце решили коллективно обратиться к “татарской вере” (Садиков 2019). Однако большинство удмуртских общин держались в стороне и сохраняли традиции, ради поддержания которых они мигрировали.

⁴⁴ В 1905 был принят новый закон, позволяющий выход из христианства (McCarthy 1973: 308).

⁴⁵ См. Nilüfer Kefeli 2014: 23–24.

Это объясняет, почему имеющиеся у нас фотографии массовых церемоний конца XIX века сделаны из региона за рекой Кама, где удмурты сохранили свои традиционные ритуалы. Некоторые ученые, особенно финны, оставили чрезвычайно ценные свидетельства об этих ритуалах, как в письменном виде, так и на фотографиях (Садиков & Мякеля 2009), позволяющие визуализировать конфигурацию священных мест, поведение населения, одежду, которую они носили. Кроме того, что сами по себе эти свидетельства очень ценны, они также чрезвычайно полезны для сравнительного анализа.

В XX веке удмуртская религия продемонстрировала свою устойчивость. В советский период религия в целом находилась в опале. Государство отвергло ее и запретило влиять на общественную жизнь. Религиозная практика прямо не запрещалась, но не одобрялась, а жертвоприношения крупных животных (коров, лошадей) рассматривались как посягательство на государственную собственность. Давление со стороны государства и его институтов было подавляющим повсюду, хотя с закамскими удмуртами почему-то обращались менее сурово. Вероятно, это связано с аграрной средой, в которой они жили, поэтому партия была менее заинтересована и менее вовлечена в подавление идеологически “неправильного” поведения.

С одной стороны, религиозная практика нашла выражение в рамках официальных правил, как, например, в случае с обрядами плодородия, проводимыми в колхозе. С другой стороны, сильные и упрямые жрецы-жертвователи бросили вызов Коммунистической партии и продолжали проводить свои моления в секретных местах. Конечно, как и везде, молодежь подвергалась воздействию государственной идеологии через школу и армию и не могла присоединиться к старейшинам на проводившихся в рабочее время церемониях, на которых присутствовали только жители деревни, вышедшие на пенсию. Однако, надо заметить, что репрессии никогда не становились настолько жестокими, чтобы полностью препятствовать религиозным практикам.

Таким образом, в районах (см. карту ниже), населенных закамскими удмуртами, в некоторых местах коллективные моления сохранялись на протяжении всего враждебного XX века. В других местах они в определенные исторические моменты исчезли. Причины сохранения и исчезновения разнообразны, но главной из них, в конечном счете, является степень вовлеченности заинтересованных людей (Toulouze & Vallikivi 2021).

Главным действующим лицом в таких церемониях является жрец, лицо, ответственное за проведение моления. В местах, где жрец был сильной и сознательной личностью, традиция сохранялась и передавалась, поскольку требовалось мощное личное участие и мужество из-за постоянного давления со стороны коммунистических властей. В местах,

где эти церемонии никогда не прекращались, мы находим таких жрецов. Но это не единственное условие для сохранения обрядов. Наверное, не случайно главным местом, где моления не прерывались, является Татышлинский район Башкортостана. Этот район обладает тремя характеристиками, которые могли бы способствовать сохранению традиций. Во-первых, существует 19 удмуртских деревень, образующих кластер, так что существует этнически однородная зона, в которой удмуртский является основным языком общения и не был заменен каким-либо другим. Во-вторых, основное население вокруг удмуртского кластера – тюркское. Если полагаться на русскоязычные источники, то основное население – татары. Если прислушаться к удмуртской речи, то оно состоит из “Башкырт” (это общее слово для обозначения тюркского населения (Atamanov 2020: 132). Если посмотреть на данные переписи, то население в основном башкирское. Мы используем нейтральное выражение “тюркский”, чтобы не участвовать в полемике, для которой нужна специальная подготовка, отличная от описываемой в этой книге полевой работы. Подводя итог, мы должны принять во внимание, что население Башкортостана, согласно переписи 2010 года, составляет 36% русских, 29,5% башкир и 25,4% татар. Исторически сложилось так, что в XX веке процент русских оставался более или менее стабильным – от 42,44% в 1959 году до 36,05% в 2010 году. Баланс между татарами и башкирами, напротив, колебался: если в 1920 году большую часть тюркского населения составляли башкиры (40,13%), с очень небольшим количеством татар (5,17%), то в 1926 году соотношение изменилось (23,48% против 17,55% татар)⁴⁶

Изменение было еще более резким в 1939 году, когда татарское население было даже больше, чем башкирское: 24,60% против 21,25%. Соответствующие позиции татар и башкир оставались в пользу первых до 1989 года, когда татары составляли 28,42%, а башкиры – 21,91%. В ходе последних переписей населения, 2002 и 2010 годов, башкиры вновь стали первым тюркским народом в Башкортостане. Но нужно помнить, что в российских переписях принцип заключается в принятии субъективного представления каждого человека о его/ее “национальности”, то есть этнической принадлежности (см. Toulouze & Vallikivi 2015). Башкиры – одноименный народ республики. С начала 1990-х годов политическая власть в Уфе, особенно при президенте Муртазе Рахимове (1993–2010), проводила агрессивную политику башкиризации, поощряя население объявлять себя башкирами. Поскольку очень маловероятно, что люди с русским этническим самосознанием когда-либо объявили бы себя башкирами, эта политика была в первую очередь направлена

⁴⁶ Это официальные данные Всероссийской переписи населения.

на татар. Действительно, тюркская идентичность разделена между татарским и башкирским сознанием, особенно в Татышлинском районе. Собственно, то же самое можно сказать и обо всей территории, населенной удмуртами. По мнению лингвистов, тюркский язык, на котором говорят в этой области, является промежуточным диалектом между татарским и башкирским, который, в зависимости от убеждений, является либо восточно-татарским, либо западно-башкирским (см. Gabdräfikov 2003, 2007, 2011). Но сам факт того, что соседи удмуртов – турки, защищал их от вмешательства в их религиозную жизнь, благодаря слабости миссионерской деятельности православной церкви на мусульманских территориях. Более того, тюркское население меньше стремилось к коммунизму, чем русское. Тюркская идентичность была и остается в некотором роде очень тесно связанной с религиозной идентичностью мусульман. Это привело к тому, что татары и/или башкиры стали более терпимы по отношению к религиозным удмуртам. Некоторые тюркские руководители местных колхозов даже поддерживали удмуртские жертвоприношения, утверждая, что “когда удмурты просят дождя, идет дождь”⁴⁷.

Третьей характеристикой Татышлинского района является его сугубо аграрный характер. Даже районный центр – это село, в котором проживает 6650 человек. Отсутствие вмешательств промышленности в аграрный уклад и исключенность из всего, что Коммунистическая партия считала приоритетным, помогли сохранить традиции.

В других районах, где проживают закамские удмурты, условия были менее благоприятными. Самое большое удмуртское население в Башкортостане проживает в Янаульском районе, административный центр которого, Янаул, официально является городом с 1991 года, и в 2020 году в нем проживало 25 109 человек⁴⁸. Более того, удмуртские деревни в этом районе представляют собой несколько кластеров, они и не образуют какой-либо компактной удмуртской зоны. То же самое и с другими районами – Калтасы, Бураево, Балтачево. В остальных есть только изолированные деревни в чужеродном контексте.

Действительно, в большинстве деревень в какой-то момент коллективные моления были прекращены. Период, когда это произошло, везде был разным. Где-то это случилось в 1950-х годах, но в большинстве случаев – позже, в 1970–1980-х годах. Обычно это происходило, когда исполняющий обязанности жреца умирал и некому было взять на себя его функции. Иногда он сам организовывал преемственность: в дерев-

⁴⁷ Такое часто можно услышать в этом регионе (ПМА 2013, 2017, 2018)

⁴⁸ См. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BB> (25/06/2021).

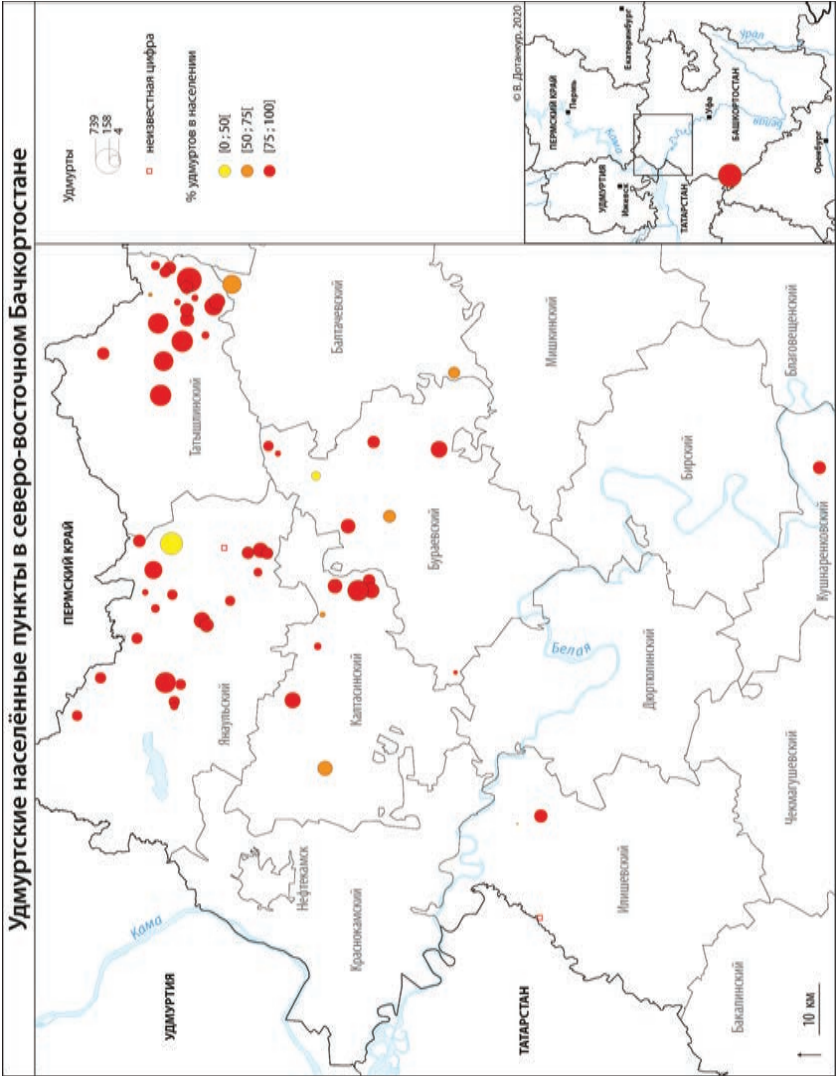
не Касиярово Бураевского района в 1990-х годах умирающий жрец, попросил двух своих помощников вмешаться (Sadikov 2019: 265). Но, несмотря на его подготовку, они не стали жрецами, пока в 2015 году давление со стороны населения и трудности в жизни одного из этих потенциальных жрецов, которые он истолковал как наказание за свой отказ, не вынудили его возобновить церемонии.

Это был всего лишь один эпизод в процессе, который начался гораздо раньше, еще в конце 1980-х годов. Еще до распада Советского Союза в удмуртских деревнях произошло религиозное пробуждение. Местные начальники, председатели колхозов или главы администраций, первыми проявили инициативу в реставрации священных мест и строительстве там помещений для удобства жрецов и их помощников, начали думать о возможности возобновления моления в деревнях, где они были прекращены. Они же попросили активных членов деревенских общин и бывших лидеров поискать потомков жрецов, чтобы те согласились бы взять на себя молитвы на церемониях (ПМА 2014, 2015, 2018⁴⁹).

В то же время эта инициатива явно отвечала пожеланиям населения. Этому процессу потребовались годы, чтобы захватить практически все удмуртские деревни, и повсеместно возродились коллективные обряды. В случае обрядов, охватывающих все Закамье, этот процесс привел к очень успешному возрождению. Так обстоит дело с церемонией *Элен вöсь* (Sadikov 2010). Это церемония, известная с конца XIX века, во время которой закамские удмурты собирались из разных деревень и молились вместе. Эта церемония проводилась поочередно между тремя деревнями: д. Кирга в Куединском районе Пермского края, д. Алтаево в Бураевском районе Башкортостана и с. Старый Варяш в Янаульском районе Башкортостана. Моления были прекращены сразу же в 1920-х годах. Хотя было задействовано все Закамье, память об этой церемонии не сохранилась, за исключением трех соответствующих деревень. Именно в д. Алтаево зародился импульс к возрождению этого моления. Алтаево – родина одного из самых уважаемых жрецов-жертвователей XXI века Анатолия Галиханова и его брата Касима. Касим Галиханов – известный архитектор и художник в Ижевске, столице Удмуртской Республики, где он также активно занимается вопросами возрождения удмуртских традиций. Будучи членом Ижевской ассоциации закамских удмуртов, он и глава этой организации Флора Чибышева организовали возрождение моления *Элен вöсь* в 2008 году (ПМА 2018⁵⁰).

⁴⁹ Беседы в районной администрации, 2014/06; с новым жрецом районного центра, 2015/06; с Юрием Мензариповичем Садыровым, 2018/06.

⁵⁰ Беседы с Касимом Галихановым 2018/07 и Флорой Чебышевой 2018/07.

Эта важная церемония, в которой действительно принимают участие удмурты из большинства районов Башкортостана и других регионов, населенных закамскими удмуртами⁵¹, была очень показательной в выявлении различий в существующих сегодня традициях (ПМА 2019⁵²), доказывая, что никакой стандартизации церемоний не происходит (мы прокомментируем это позже).

Хотя это не главный сюжет данной книги, важно отметить, что коллективные моления – не единственная ритуальная практика, существующая в этом регионе. Действительно, на всех удмуртских территориях индивидуальные ритуалы сохранились гораздо лучше, чем коллективные. Они были частными и могли выполняться без государственного контроля (см. Toulouze & Vallikivi 2021). Часто даже в тех районах Удмуртии, где сильна Русская Православная церковь, поминовение усопших, сезонные молитвы⁵³, свадьбы, ритуалы, связанные с рождением ребенка, и т.д. проводятся в соответствии с традиционными правилами в синкретизме с христианскими практиками. Но мы на этом не будем останавливаться.

Коллективные моления в Татышлинском районе

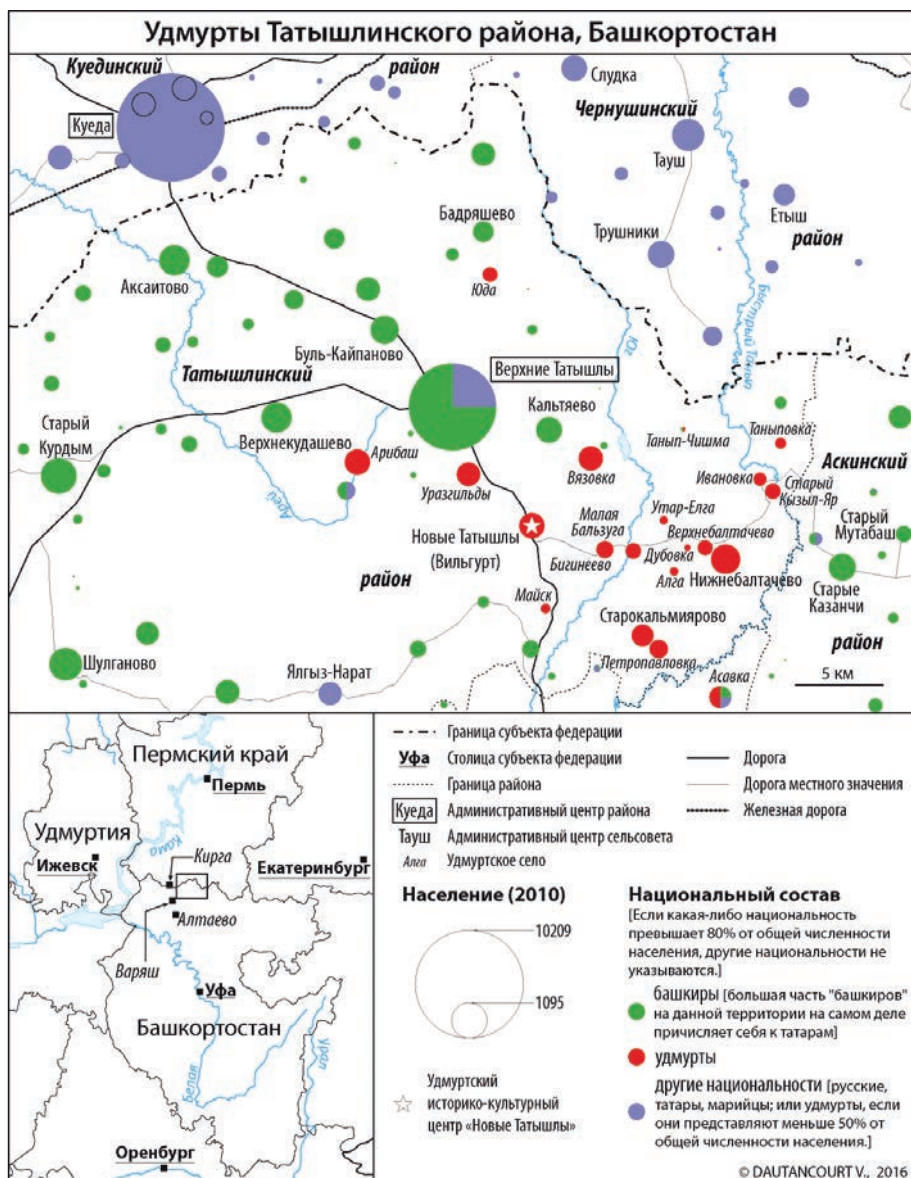
Как мы уже упоминали, Татышлинский район в подавляющем большинстве является аграрным, с преобладающим тюркско-мусульманским населением и скоплением удмуртских деревень. Здесь широко сохранилась удмуртская религиозная практика. Это, конечно, не единственное место: в Янаульском районе есть несколько деревень, таких как Каймашабаш, где религиозная практика не прерывалась (ПМА 2019⁵⁴). В Татышлинском районе активная практика охватывает более одной деревни или даже более чем один деревенский уровень. Здесь 19 деревень соединены в церемониальную систему на трех или даже четырех уровнях. Эта система наиболее полно функционирует во время весенних церемоний, цикл которых, как предполагается, завершается примерно в день летнего солнцестояния.

⁵¹ Закамские удмурты населяют не только Башкортостан, но и Куединский район Пермского края. В Удмуртии также проживает много закамских удмуртов.

⁵² *Элен вöсь* 2019, с. Старый Варяш, Янаульский район, Башкортостан.

⁵³ См. Toulouze 2018.

⁵⁴ *Каймашабаш, Ыштйяк вöсь*, 2019/07.

Весенний обрядовый цикл

ВИЛЬГУРТСКАЯ ГРУППА

Новые
Татышлы гильды
+ Манск

Ураз-
Татышлы

БальзюгаВязовка

Арибаш

Юда Верхние
Татышлы

АЛТИНСКАЯ ГРУППА

Старо-
кальми-
ярово+

Верхне-
балтачево + Утар-
+ Дубовка + Алга

Нижне-
балтачево + Утар-
+ Илановка

Бигинеево Кызыл-Яр
+ Илановка

Елга +
Таныповка

Три деревенских ритуала: Новые
Татышлы, Бальзюга, Майск. Не
проводилось с 1960-х гг.

Через одну неделю после деревенской
церемонии *Багыш ёсь*: все деревни группы,
кроме Старокальмиярово

Одну неделю спустя после деревенского
обряда *мёр ёсь* Новые Татышлы

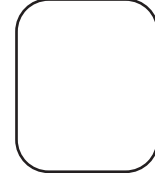

Две недели спустя после деревенского
обряда *мёр ёсь* Алга

Элен ёсь

С 2008

Ротация в трех разных деревнях:
Кирга, Куединский район, Пермский край
Алтаено, Бураевский район, Республика Башкортостан
Старый Варяш, Янаульский район, Республика Башкортостан
Для всех восточно-удмуртских деревень

Весенний цикл, как мы видим с помощью приведенной выше диаграммы, следует общей схеме, которая более или менее симметрична. Сейчас мы дадим краткий обзор ежегодного обрядового цикла, а затем более подробно прокомментируем каждый уровень.

Первое наблюдение заключается в том, что деревни в Татышлинском районе разделены на две религиозные группы, которые координируют свои церемонии, хотя их традиции немного отличаются. Весенне-летние моления начинаются на уровне деревни, причем предположительно они проводятся в один и тот же день. На самом деле может быть трехдневная смена (с пятницы по воскресенье), но все обряды проводятся в течение этих дней. На следующей неделе в одной группе моления в трех деревнях прекратилась в начале 1960-х годов. Но в другой группе это не только продолжалось, но и собирало все больше и больше участников, так что в 2020 году все деревни этой группы, кроме одной, присутствовали на обряде *Багыш вӧсь*. Симметрия восстанавливается для моления *мӧр вӧсь*, на которой собирается вся группа и которые проводятся с интервалом в одну неделю. С 2008 года цикл завершается участием всех желающих в большом собрании закамских удмуртов *Элен вӧсь*, в котором обычно участвуют представители обеих групп, наиболее вовлеченные жрецы.

Уровень деревни: *гурт вӧсь*

В принципе, во всех деревнях округа проводится свой собственный обряд. Это, безусловно, первый уровень. Все деревенские обряды проходят, в принципе, в один и тот же день. Мы дважды повторили формулу “в принципе”. Это действительно правило, но возможны исключения и корректировки.

Некоторые удмуртские деревни в районе очень маленькие. Более того, некоторые из них исторически являются продолжением других, более крупных деревень. В некоторых случаях эти маленькие деревни присоединяются для проведения деревенской церемонии к более крупной деревне. Таким образом, в действительности в районе не 20 деревенских обрядов, а меньше: д. Майск и с. Новые Татышлы, д. Алга и с. Нижнебалтачево, д. Утар-Елга и д. Бигинеево, д. Таныповка, д. Кызыл-Яр и д. Ивановка, с. Старокальмиево и д. Петропавловка проводят свои обряды вместе. Но в каждой деревне точно есть свое деревенское моление, в одиночку или с одной из соседних общин.

Действительно деревенские обряды проводятся в один и тот же день, но это не железное правило. В некоторых случаях одна деревня может организовать свою деревенскую церемонию в другой день. У нас есть

несколько примеров этого из нашей полевой работы. В 2014 году мы присутствовали на весенней церемонии в д. Малая Бальзюга, которая проходила 6 июня. Поскольку наша помощница Анна Байдуллина из села Уразгильды была заинтересована в том, чтобы мы записали обряд ее деревни, она договорилась с организатором о проведении моления двумя днями позже, 8 июня. Они решили, что, хотя пятница⁵⁵ — лучший день, но воскресенье также подойдет (в то время как суббота исключена). Похожим образом, не в пятницу, а в воскресенье проводится последний из возрожденных в округе обрядов, который проходит в районном центре, селе Верхние Татышлы. В течение многих лет там проводился обряд для девяти деревень, но позже было выбрано более скромное место — с. Новые Татышлы (Вильгурт). Возрождение деревенской церемонии было непростой задачей. Удмурты составляют там лишь незначительное меньшинство населения города, и священного места больше не было. Хотя память может приблизительно определить местоположение священного места, сейчас оно находится в жилой зоне города, правда, точного местоположения уже никто не помнит, поэтому нужно было найти новое. Его организовали на частной земле, принадлежащей сыну Рината Гальямшина (1948–2020), харизматичного регионального лидера местных удмуртов. Его сын Рустам предложил часть своей земли, построил заборы и хижину, и в 2015 году состоялась первое моление. На самом деле организаторы не верили, что кто-нибудь будет присутствовать, и не предоставили жертвенное животное, поэтому церемония проходила с использованием каши без мяса. Они были удивлены успехом мероприятия, и в последующие годы порядок был восстановлен должным образом с помощью жертвенной овцы. Есть еще одно исключение из пятничного правила, связанное с обрядом в с. Старокальмиярово — д. Петропавловка, но мы вернемся к этому позже.

Это был первый уровень. Чтобы объяснить другие уровни, мы должны вернуться к структуре 19 удмуртских деревень в Татышлинском районе. Район пересекает река, официально называемая Юг (Юк по-удмуртски), которая делит удмуртский кластер на две части. Он также представляет собой границу между землями, принадлежащими двум кооперативам, которые в народе до сих пор называются колхозами: один — однородный удмуртский кооператив под названием “Демен” (“Вместе” по-удмуртски), а другой — смешанный удмуртско-татарский кооператив под названием Рассвет. На одном берегу реки было девять

⁵⁵ На некоторых диалектах удмуртского языка пятница называется *удмуртарня*, что означает “удмуртское воскресенье” и показывает, насколько это важный день для удмуртов.

удмуртских деревень, сейчас их восемь (с. Новые Татышлы/Вильгурт, д. Нижние Татышлы⁵⁶, с. Верхние Татышлы, д. Майск, с. Уразгильды, д. Малая Бальзюга, д. Юда, д. Арибаш, с. Вязовка), на другом одиннадцать (д. Утар-Елга, д. Бигинеево, с. Нижнебалтачево, д. Алга, д. Верхнебалтачево, д. Дубовка, с. Старокальмиярово, д. Петропавловка, д. Кызыл-Яр, д. Ивановка, д. Таныповка). Они образуют две религиозные группы, которые мы называем вильгуртской и алгинской группами, в зависимости от места, где они собираются для молений третьего уровня.

После того, как все деревни провели свои деревенские обряды, исторически сложилось так, что до 1950-х годов у двух групп была промежуточная церемония, охватывающая три деревни. В вильгуртской группе деревень Новые Татышлы, Майск и Уразгильде существовала общая церемония под названием *куинь гурт вось*, “моление трех деревень”. Эта церемония второго уровня была закрыта Назипом Садриевым, главным религиозным авторитетом в этой группе в конце 1950-х годов, чтобы сосредоточить их внимание на обрядах первого и третьего уровней. Обряд в трех деревнях увеличил расходы жителей деревни, добавив одно жертвоприношение к остальным, и потребовал от жреца и его помощников дополнительных усилий, получилось, что у них были заняты три пятницы в июне.

Уровень нескольких деревень: *мөр вось*

Через неделю после локального обряда одной деревни, в с. Новые Татышлы проходит ритуал для целой группы деревень. Раньше он организовывался в районном центре селе Верхние Татышлы, но в 1970-х годах главный жрец выбрал более уединенные места, подальше от контроля партийных чиновников. Этот обряд называется *мөр вось* (слово “*мөр*” отсылает к крестьянскому “миру”, названию деревенской общины в дореволюционной России). Обряд проводит жрец(ы) из села Новые Татышлы.

В другой, алгинской группе, ритуал трех деревень не был отменен. Напротив, то, что первоначально было обрядом трех деревень Нижнебалтачево, Верхнебалтачево и Кызыл-Яр (Sadikov 2019: 260), увеличилось до 8 деревень: теперь участвуют все, кроме с. Старокальмиярово и д. Петропавловка (Sadikov 2019: 267). Последней присоединилась д. Бигинеево в 2015 году, когда мы уже документировали

⁵⁶ Когда система была создана, это была отдельная деревня. Однако сегодня она является частью районного центра и больше не считается деревней.

ритуалы. Этот обряд проводится через неделю после обряда одной деревни, то есть, когда вильгурская группа проводит свой *мёр вёсь*. Ритуал проводится не в деревне, а в священном месте, расположенном в поле рядом с дорогой на д. Кызыл-Яр. Священное место включает в себя огромную ель, окруженную забором, и небольшой навес. Ритуал называется *Багыш вёсь* по имени бывшего владельца поля *Багыша*.

Мы упоминали, что с. Старокальмиярово и д. Петропавловка проводили свою деревенскую церемонию не в тот день, что и другие. Поскольку они не связаны с *Багыш вёсь*, они проводят свой деревенский ритуал, когда все остальные деревни празднуют *Багыш вёсь*. Мы также должны добавить, что долгое время до 1970-х годов с. Старокальмиярово проводило свой деревенский обряд вместе с другой деревней не из этого района. Исторически сложилось так, что часть сельского населения уехала и основала новую деревню в паре десятков километров отсюда, на территории нынешнего Куединского района Пермского края. До 1960-х годов жители новой деревни, называемой Калмияр, проводили свои деревенские церемонии вместе со своей родной деревней (ПМА 2018). Это объясняет, отличия этой деревни от остальных в округе.

На следующей неделе, когда вильгурская группа выполнит свои задачи в цикле, проходит последний в округе обряд – *мёр вёсь* алгинской группы. Первое объяснение, которое нам дали относительно сдвига во времени, состояло в том, что большие ритуалы проводились не одновременно, чтобы родственники могли их посетить. Тем не менее, объяснение, по-видимому, является апостериорным надуманным и, безусловно, недавним. Действительно, по традиции люди не должны посещать церемонии в другой деревне, кроме своей собственной. Присутствие чужаков в этом отношении ограничено. Это соответствует нашим наблюдениям: мы никогда не видели, чтобы кто-либо, кроме членов сообщества, за исключением антропологов, присутствовал на такого рода обрядах. Более того, кажется, никто не знает, как соседи совершают свои обряды. Благодаря нашим фильмам, вероятно, впервые, появилась возможность увидеть, как другие деревни проводят свои ритуалы.

Зимние обряды

Весенний *мёр вёсь* имеет свой эквивалент примерно в день зимнего солнцестояния. Названия те же, но с добавлением слова, обозначающего зиму, *тол*: *тол гурт вёсь*, *тол Багыш вёсь*, *тол мёр вёсь*. Однако не все из них проводятся. Среди 19 деревень на данный момент осуществляется только одна *тол гурт вёсь*, или зимний деревенский ритуал,

в с. Старокальмиярово. В других деревнях эту церемонию не проводят. *Тол Багыш вӧсь*, или зимняя церемония трех деревень, проводимая алгинской группой, проводится в том же месте, что и летняя, с участием 8 деревень. Обе группы проводят ритуалы *тол мӧр вӧсь*, но в обряде алгинской группы участвуют все деревни, а в церемонии вильгуртской группы – только три или четыре: с. Новые Татышлы, д. Майск, д. Малая Бальзюга и иногда с. Уразгильды (ПМА 2016⁵⁷).

ВИЛЬГУРТСКАЯ ГРУППА

АЛГИНСКАЯ ГРУППА

Старокальмиярово
+
Петропавловка
Тол гурт вӧсь

Через одну неделю
после *тол Багыш
вӧсь*: все деревни
группы, кроме
Старокальмиярово

Через одну неделю после
тол Багыш вӧсь
в алгинской группе
Тол мӧр вӧсь
Новые Татышлы, с участием
только четырех деревень

Через две недели
после деревенского обряда
тол Багыш вӧсь
Мӧр вӧсь
Алга

⁵⁷ Об участии с. Уразгильды нам дали противоречивую информацию Салим Шакиров и Раис Рафиков. Несмотря на это, в тот год с. Уразгильды не было. Новые Татышлы, *тол гурт вӧсь*, 2016.

Конечно, условия проведения зимних обрядов совершенно иные. Обычно выпадает много снега, и температура в этом континентальном регионе довольно низкая, по нашему опыту, от -10°C на зимнем обряде *Багыш вöсь* в 2013 году (со снежной бурей) до -28°C на *тол мör вöсь* в с. Новые Татышлы в 2016 году. Это означает работу в суровых условиях для всех, кто забивает жертвенных животных и сортирует мясо, – им приходится работать голыми руками. Однако на местах существует инфраструктура, которая поддерживает исполнителей ритуала: в обоих местах, где проводится *мör вöсь*, есть предназначенные для защиты от суровых климатических условий домики для помощников и жрецов. Это не относится к месту проведения *Тол Багыш вöсь*, поскольку там есть только небольшой сарай. Однако Ева лично почувствовала комфорт, который дает сарай, когда в декабре 2013 года она была готова наблюдать за ритуалом из-за ограды, но организатор Фархулл Гарифанов пожалел ее и пригласил внутрь строения. В д. Алга в хижине есть очень удобная печь, создающая настоящий контраст с морозом на улице. В с. Новые Татышлы нет печи, но есть небольшие электрические обогреватели, дающие немного тепла. Тем не менее, помощники стараются как можно чаще заходить внутрь, чтобы выпить горячего чая и завершить все, что необходимо сделать голыми руками. В других случаях действия проводятся на открытом воздухе и для этого требуются перчатки. В 2016 году на *тол мör вöсь* в с. Вильгурт жрец Раис Рафиков в самом начале ритуала также принес в жертву гуся. Он пошел в соседний дом, где был гусь, и помолился во дворе за всех птиц мира. Позже он сказал нам, что это не было обязательным, но, когда есть возможность, он с удовольствием совершает и это жертвоприношение. Этот эпизод можно увидеть в фильме о зимнем обряде.

В первый год нашего исследования мы присутствовали на обеих зимних церемониях алгинской группы и были под впечатлением красоты снега, сверкающего под зимним солнцем. Эту красоту мы постараемся передать с помощью фотографий. На собственном опыте мы убедились, как быстро действуют жрецы и помощники, и насколько они являются настоящей и эффективной командой. В ходе проведения весенних и зимних обрядов не было заметной разницы, за исключением ветвей, используемых в ритуальных действиях, зимой они были еловыми, а весной – березовыми.

Другие местные обряды

Эти коллективные обряды регулярно проводятся в Татышлинском районе. Однако могут быть и другие экстраординарные случаи, когда проводится аналогичный обряд. У нас был хороший пример в июне 2013 года, когда в небольшой деревне Утар-Елга был организован день деревни. Жители деревни принесли в жертву овцу и пригласили жрецов для жертвоприношения. Церемония прошла по тому же сценарию, что и обычно, только с уменьшенным числом участников. Главная цель состояла в том, чтобы угостить жертвенной кашей всех, кто пришел отпраздновать день деревни, например, фольклорные ансамбли близлежащих деревень. Однако это единственный ритуал подобного рода с молитвами и жертвоприношением, на котором мы присутствовали (ПМА 2013⁵⁸). Когда пять лет спустя аналогичный случай произошел в деревне Малая Бальзюга, никаких ритуалов или жертвоприношений не было.

Региональный уровень: *Элен вось*

Мы должны завершить этот обзор удмуртских обрядов в Татышлинском районе упоминанием самой последней церемонии, которая на самом деле не локальный ритуал с участием представителей обеих групп района, а наоборот, *Элен вось*, обряд страны, должен был объединить всех закамских удмуртов. И здесь обряд немного отличается, потому что встречаются разные местные традиции, если между ними нет противоречия.

Ева и Лийво были на этой церемонии в 2013 году в д. Кирга (Пермский край, Куединский район). В 2018 году в с. Старый Варяш (Янаульский район Башкортостана) присутствовала Ева, но не одна: Евгений Бадретдинов, студент Удмуртского университета, присоединился к ней для проведения полевых работ. Сложно провести сравнение между этими обрядами и нашими впечатлениями, поскольку в 2013 году мы только начали открывать для себя эту сторону культуры, в то время как в 2018 году у нас уже был хороший опыт, благодаря чему мы лучше понимали происходящее. В обоих ритуалах были представлены несколько деревень, обычно наиболее активных, и наиболее активных жрецов из них. В 2013 году из Татышлинского района прибыл микроавтобус с тремя жрецами, двое из с. Новые Татышлы, Салим Шакиров и Раис Рафиков, и один из д. Малая Бальзюга, Фридман Кабишьянов,

⁵⁸ День деревни Утар-Елга, данные собраны Лийво Нигласом и Евой Тулуз 15/06/2013.

с несколькими помощниками из д. Малая Бальзюга. Один из жрецов, Салим Шакиров, молился вместе с другими жрецами других районов. Позже главный организатор алгинской группы Фархулла Гарифанов и главный жрец этой группы Евгений Адуллин также присутствовали, но в качестве помощников жрецов из вильгурской группы. Из других районов был известный жрец Анатолий Галиханов, представляющий д. Алтаево Бураевского района, одну из исторических деревень *Элен вöсь*, и кто-то из двух других деревень, из с. Старый Варяш и д. Кирга, которые по очереди проводят этот ритуал. В первый раз мы приехали с командой Татышлинского района и провели большую часть времени с людьми, с которыми к тому времени были хорошо знакомы. Ева была осторожна и попросила своего коллегу Рануса Садикова спросить главного жреца Галиханова, разрешено ли ей находиться на огороженном пространстве. Ответ был положительным при условии, что она не снимет платки вымоет руки перед входом.

В 2018 году Галиханов тоже был там, и Раис Рафиков молился вместе с остальными. Евгений Адуллин и Фархулла Гарифанов из алгинской группы тоже с самого начала были там как единая команда. В 2013 году мы обратили внимание на представителей Калтасинского района. Их было легко узнать, потому что это единственная местная группа, в которой женщины играют важную роль в качестве помощниц жреца, в то время как в других районах традиция требует, чтобы ритуальные действия были исключительной прерогативой мужчин. В 2018 году они тоже присутствовали, но на этот раз мы не почувствовали никакого напряжения вокруг них. Мы были лично знакомы и с помощницами, и со жрецом, и наша команда провела с ними какое-то время.

Места отличались друг от друга и создавали разную атмосферу: д. Кирга – это широкое огороженное место на поле у леса; с. Старый Варяш – менее комфортное пространство, в котором промышленные объекты стоят хотя и не в самом священном пространстве, но достаточно близко, чтобы нарушить визуальную гармонию.

Люди из очень разных и отдаленных сообществ приезжают отметить *Элен вöсь*, что может создавать проблемы. Первая из них заключается в том, что все прибывают по отдельности и в разное время. Вторая – это огромное разнообразие ритуальных традиций и непостоянство участвующих сторон. Мы были свидетелями, что всегда участвовали три деревни, которые по очереди принимали эстафету проведения обряда: д. Кирга в Куединском районе Пермского края; д. Алтаево в Бураевском районе Башкортостана; и с. Старый Варяш в Янаульском районе Башкортостана. Обычно Татышлинский район был представлен жрецом и командой помощников, приводивших овцу; жрец из села Калтасы тоже

приводил овцу, но были и районы, которые не привозили животных, а это означает, что их жрец не мог участвовать в молитве. На самом деле участники приезжали из многих регионов, даже из Ижевска, откуда обычно организуется автобус для закамских удмуртов, живущих в Удмуртии, а также для журналистов и туристов. Большую часть времени каждая сторона действует независимо.

Напряженность между различными традициями проявилась очень отчетливо в 2018 году. В 2013 году мы ее не заметили, но это могло быть связано с тем, что приобретенный за пять лет опыт помог нам выявить проблемные моменты, а наше более близкое знакомство со жрецами позволило им более свободно делиться с нами своим мнением. Напряженность возникла из-за различий в местных традициях, которые беспокоили некоторых жрецов, совершавших жертвоприношения.

Давайте подведем итог различиям, которые мы обнаружили между двумя церемониями. Поскольку *Элен вöсь* 2013 года посвящен один из фильмов, мы сосредоточимся на церемонии 2018 года.

Первый важный момент – это когда Галиханов и ведущий жрец из с. Старый Варяш, начинают моление. Любопытно, что в 2018 году это была почти частная церемония: никто не стоял и не преклонял колени позади них, и никто, кроме нашей команды, не обращал на них никакого внимания. В 2013 году мы не заметили этот аспект. Тем временем другие помощники зарезали свою жертву в роще. Галиханов произнес молитву, в конце которой оба жреца трижды поклонились и трижды повернулись по часовой стрелке. Затем Галиханов бросил в огонь кусок хлеба, который держал в руках, съел еще один кусок и отдал третий своему собрату-жрецу.

Другой вызывающей беспокойство практикой было то, что янаульским жертвенным животным был баран, в то время как у других были овцы. Галиханов разозлился: “Сколько раз я им говорил, что они должны приносить в жертву овец!” Тогда, слушая Галиханова, мы подумали, что тут какая-то беспечность, и пол животного в Янаульском районе не имеет значения, но во время моления в Янаульском районе Ева узнала, что по их традиции жертвенным животным должен быть баран, причем тот, чья кровь никогда не проливалась, то есть некастрированный. Так что наше первое впечатление о беспечности было неверным: в Бураевском и Татышлинском районах жертвуется овца, а в д. Арибаш – баран. Итак, Галиханов произнес еще одну молитву, чтобы не допустить забоя жертв без сопутствующей молитвы, и повторил те же ритуальные жесты. Раис Рафиков также был обеспокоен убийством без молитвы, и Галиханов посоветовал ему прочитать свою собственную молитву. Итак, Раис тоже встал, а позади него Галиханов, а другие жрецы и Фархулла преклонили

колени, пока он молился. Когда он поклонился и произнес “Оминь”, все остальные склонили головы к земле.

Эти действия были предприняты в своего рода промежуточном пространстве. Существует что-то вроде ограждения, символически разделяющего зрительскую зону и зону, где религиозные специалисты готовят кашу и стоят котлы. В тот момент жрецы, и Галиханов, и Раис Рафиков, находились там и смотрели в направлении котлов, тогда как коленопреклоненные участники находились сзади между Раисом и рядом легковых и грузовых автомобилей, практически на одном уровне с оградой. Позже они молились, глядя туда же, но уже стоя за оградой со стороны зрителей.

Позже, в ходе обряда, когда зрители уже собрались, жрецы встают перед аудиторией и рассказывают о денежных пожертвованиях. Они были довольно близко к зрителям, ближе, чем могли бы быть во время общих молитв. Когда у каждой команды готова каша, жрецы, собирающиеся молиться, берут миску с кашей, выходят перед участниками и молятся. В этот момент в 2018 году произошел любопытный инцидент: у Раиса Рафикова, который явно не привык к обычаям *Элен вёсь*, была полная миска мяса, как это обычно бывает на его деревенских церемониях. Потом он увидел, что остальные молятся с кашей, и быстро добавил ложку каши к мясу. Это хороший пример столкновения традиций. Жрецы молятся один за другим, большинство из них читают по листку бумаги: сначала местный жрец из с. Варяш, затем Галиханов, затем Раис Рафиков, затем д. Кирга и в конце Насипуллин, жрец из с. Калтасы.

Когда люди получают свою порцию каши, произносится вторая молитва, вероятно, о предложенных деньгах. Но здесь молились только четыре жреца: хозяин, д. Алтаево в лице Галиханова, и два других жреца из с. Новые Татышлы и из с. Калтасы. В конце молитвы Галиханов всегда поворачивался к собравшимся, чтобы поблагодарить их за присутствие и дать им какие-то наставления.

Священные места

То, что мы называем священными местами, у удмуртов имеет два названия, построенные по одному принципу и не использующие слово “священный”: *вёсь инты* “место жертвоприношения” и *куриськон инты* “место молитвы”. “Священные места” не являются застывшим вневременным концептом. Они в какой-то момент появляются, но позже могут быть заброшены. Татышлинский район предлагает хорошие примеры динамики сакральных мест. Однако часто бывает трудно

точно восстановить историю какого-нибудь из них. Воспоминания бывают неубедительными, обычно содержат информацию о том, что было раньше и что произошло, но с искаженной или, точнее, расплывчатой хронологией.

Священные места представляют собой различные конфигурации со своими особенностями. Если искать общие черты, то очевидно, что во всех случаях рядом находится вода. В некоторых есть деревья, в некоторых нет. Начнем со священных мест, которые мы обнаружили в Татышлинском районе. Священное место в д. Малая Бальзюга *вось инты* находится на краю деревни, за последними домами. Это огороженная территория на вершине лесистого холма, которую видно с главной дороги, соединяющей деревни. Наверняка именно поэтому в советское время партийные чиновники смогли сорвать деревенский обряд, опрокинув котлы, чтобы каша была несъедобной. Но упрямый жрец Назип Садриев тут же перенес священное место на 50 метров в сторону, чтобы с дороги не было видно происходящего, и на следующий год церемония состоялась. Для этого нужно было только вымести немного пепла из священного костра и перенести его на новое место. Когда традиционные моления стали безопасными, старое место снова стало использоваться и используется до сих пор. Временное место было еще ближе к ручью, где помощники берут воду.

От старожиллов мы знаем, что для проведения весеннего деревенского обряда использовалось не одно, а три места (ПМА 2014⁵⁹). Согласно правилам, церемония должна была проводиться в том направлении, где сеяли рожь, но так как поля для засева ржи каждый год менялись – сеяли на трех полях по очереди, то и мест для молитвы было три. Когда, предположительно в 1950-е годы, система изменилась, осталось только одно священное место.

Давайте опишем другие места для деревенских ритуалов в вильгуртской группе. Уразгильды – большое село с несколькими сотнями жителей. Священное место находится очень близко к деревне, огорожено и параллельно главным улицам, ниже деревни, расположенной на хребте. Священное место также особенно удачно расположено и с точки зрения потребности в воде, поскольку на его территории находится родник. Во время проведения обрядов открывается очень живописный вид с горного хребта (ПМА 2014).

⁵⁹ Информация получена от Назипа Садриева, 1930 года рождения, уроженца д. Малая Бальзюга, 06/06/2014 на *гурт вöсь* в д. Малая Бальзюга. См. также фильм Лийво Нигласа “Gurt vös”, 2018.

Гораздо менее живописным, но более доступным является новое священное место в с. Верхние Татышлы, административном центре района. Оно находится на лужайке рядом с новыми жилыми домами в одном конце деревни, по словам Садикова, недалеко от предыдущего священного места (Sadikov 2019: 267). Вокруг нет деревьев, только лужайка и дома, хотя с одной стороны деревня не продолжается, и здесь царит атмосфера открытости. До него легко добраться на машине. Для удобства молящихся была построена хижина. Мы не обнаружили там источника воды, но из-за близости домов доступ к воде гарантирован.

Далее на северо-запад одна дорога ведет к расположенной в долине небольшой деревне Юда. Это одна из последних деревень, в которой возродили деревенский обряд, но у нее есть очень приятное священное место на берегу реки. Место огорожено, оно маленькое и уютное, находится рядом с ручьем и имеет прямой доступ к воде (ПИМА 2015).

В другом направлении дорога ведет к удмуртской деревне Арибаш. На самом деле, здесь две деревни: одна побольше, Кардон, со смешанным населением, и д. Арибаш, где живут в основном удмурты. Жрец – пожилой человек, который родился в деревне, но хорошо помнит, как проводились ритуалы в молодости. Его жена действительно сведуща в традиционных религиозных вопросах, хотя она из другой деревни. В этой деревне есть два разных священных места. Одно, которое стало использоваться раньше другого, когда произошло возрождение, – это место, которое раньше использовалось для кереметских⁶⁰ обрядов и сейчас сохраняет их некоторые элементы в сегодняшних обрядах, которые определенно не кереметские. Это место, где проводится Арибашский *гурт вöсь*, ритуал, позволяющий деревне участвовать в последующем *мör вöсь*. Место находится в роще на вершине холма и полностью огорожено. Водоем находится внизу, в долине, где ручей протекает довольно далеко от священного места, и поэтому требуются усилия помощников, чтобы принести необходимую воду. В ручье также есть удобное место купания для младших помощников. Весенний деревенский обряд демонстрирует некоторые элементы, отличные от других (все они заимствованы из кереметских ритуалов): жертвенное животное – не овца, а баран; в церемонии

⁶⁰ *Керемет* – еще одно божество в удмуртском пантеоне – и в пантеоне других народов Поволжья, – которое играет роль в творчестве, занимая противоположную Инмару позицию. Происхождение Керемета восходит к домусульманскому центрально-азиатскому культу, принятому удмуртами через болгар. У него есть еще одно удмуртское имя – Луд. Его культ довольно требователен и суров, так как Керемет не является добрым богом. Места, посвященные его культу, – рощи. (О Керемете см. Vladykin 1994: 109–110, 202–203; Shutova 2001: 236). Рассказ о молении живого Керемета см. в Toulouze & Niglas 2016.

участвуют только мужчины; организаторы приносят лепешки (*жуарнянь*) (ПМА 2014, 2015⁶¹). Должны ли мы сделать вывод, что священные места обладают самостоятельностью?

Другое священное место в д. Арибаш, которое мы посетили в 2014 году, хорошо сохранилось и отремонтировано, и находится гораздо ближе к деревне. Оно расположено на берегу реки и представляет собой огороженную небольшую территорию с одним или двумя деревьями. После 2016 года оно было снова введено в эксплуатацию и, по словам жреца, используется раз в два года, так что места чередуются (ПМА 2017⁶²).

Село Вязовка находится немного дальше предыдущих деревень, это красивое природное пространство с лесом. Скалы и река отделяют ее от других деревень, и неудивительно, что это пространство было использовано в туристических целях. Священное место села Вязовка, огороженное пространство, расположено в роще под деревней и хорошо спрятано от нежелательного внимания. Родник протекает почти через святое место, чуть ниже него. Совсем недалеко от ограды, в тени нескольких деревьев, находится зона отдыха, где жрец и представители государственной власти отдыхают даже во время обрядов (ПМА 2017⁶³).

Завершим обзор священных мест вильгуртской группы описанием священного места села Вильгурт. Как уже упоминалось, это удмуртское название деревни, которая официально называется Новые Татышлы. Она находится очень близко к районному центру, с. Верхние Татышлы, до которого менее 10 км. По местным меркам Вильгурт – важное село, являющееся центром бывшего колхоза “Демен”. В советское время “Демен” был основным работодателем в ближайших деревнях, поскольку он охватывал не только эту деревню, но и обеспечивал работой жителей четырех деревень, которые сегодня образуют одно муниципальное образование: Новые Татышлы, Майск, Уразгильды и Малая Бальзюга. В селе были и частично остались другие учреждения: сельсовет, сельский участковый милиционер, библиотека, дом культуры, школа со всеми классами, от начальных до старших, и, конечно, контора сельскохозяйственного кооператива, который до сих пор называется колхозом. Здесь

⁶¹ В 2014 году Ева Тулуз, Лаур Валликиви, Лийво Ниглас и Анна Байдуллина посетили деревню и семью жреца; его жена показала нам священные места 11/06/2014. В 2015 году (05/06) Ева Тулузе и Ранус Садиков посетили деревенский *гурт вӧсь*.

⁶² Беседа с Алексеем Гараевым и Лилией Гараевой 07/06/2017 с Евой Тулуз, Лауром Валликиви, Лийво Нигласом, Ранусом Садиковым и Ириной Самигуловой.

⁶³ Наблюдения Евы Тулуз, Рануса Садикова, Лаура Валликиви и Николая Анисимова во время *гурт вӧсь* в Вязовке 07/06/2017.

также была столовая и небольшая гостиница, но в последние годы они закрылись. Есть также мечеть для татарского мусульманского населения. Таким образом, деревня является своего рода административным центром. В деревне также находится Национально-культурный центр, местный штаб удмуртского национального движения. Еще там есть Историко-культурный центр удмуртов Башкортостана – филиал Дома дружбы народов Башкортостана, организации, отвечающей за культурные потребности этнических групп, проживающих в республике.

Священное место села Вильгурт находится в самом поселении, недалеко от края. Рядом протекает ручей, из которого при необходимости можно набрать воды, хотя обычно к началу мероприятия воду привозит на телеге жрец. Священное место представляет собой большое огороженное пространство с хижинкой, где жрецы пересчитывают собранные деньги, а зимой помощники сортируют жертвенное мясо, и все едят кашу. Священное место с. Вильгурт активно используется, поскольку служит и для *гурт вöсь*, и для обоих *мөр вöсь*, весеннего и зимнего.

В этом священном месте в период с 2013 по 2016 год произошли огромные изменения. В 2013 году в пределах более обширной огороженной территории не было никаких разделений. Место для костров, место, где жрецы молились или где закалывали ягнят, не говоря уже о месте, где их забивали, – все это находилось на одной территории, доступной для всех: жрецов, помощников, антропологов и участников. Как мы увидим позже, этого не было в другом священном месте *мөр вöсь* в округе, в д. Алга. Там забор внутри основной ограды отделял зону, где работали жрецы и помощники, от пространства, доступного для зрителей.

В декабре 2016 года мы посетили зимний *мөр вöсь* там же, к тому времени место было изменено. Внутри огороженной территории была выделена вторая меньшая зона, охватывающая места для огня, дальний конец, где молились жрецы, и место для забоя скота. Участники должны были оставаться снаружи и наблюдать, а также молиться. Мы должны признать, что в какой-то момент мы подумали, что, возможно, вторжение бродячих антропологов вызвало желание защитить ритуальное пространство. Но в 2018 году Ранус и Ева присутствовали на деревенской церемонии, и хотя Ева демонстративно не заходила на огороженную территорию, жрец очень настойчиво приглашал ее войти, так что объяснение должно было быть другим. Возможно, исторически конфигурация священных мест была такой, и жрец Раис пытался вернуться к истокам ритуала.

Но есть ли разница между вильгуртской группой и алгинской группой в отношении священных мест? Давайте посмотрим на те места, которые использует алгинская группа. Начнем с деревни Алга, где священное

место используется только для проведения обрядов *мёр вёсь*, как весной, так и зимой. Алга – это очень маленькая деревня с населением менее 100 человек, которая проводит свои деревенские моления в соседней, более крупном селе Нижнебалтачево. Алга не была первоначальным местом проведения *мёр вёсь*. До переезда в Алгу в 1970-х годах священное место для самой большой церемонии было в с. Старокальмиярово. По словам пожилых людей, которые помнят прежнее место проведения *мёр вёсь*, оно находилось на холме на очень видном месте. Когда видимость стала слишком опасной, жители деревни перенесли моление в другое место внизу в долине, наиболее живописное, по словам наших информантов. К несчастью, власти решили, что это место должно быть затоплено, так как по их распоряжению была построена плотина для производства электроэнергии в этом районе. Тогда священное место было перенесено в д. Алга.

Сегодня священное место, где проходят обряды с. Старокальмиярово и д. Петропавловка, находится на вершине холма, откуда открывается прекрасный вид на окрестности (деревенские дома и чистые холмы). Это относительно небольшое место с двумя огороженными площадками: одна со скамейками для участников, другая для жрецов и их помощников. Как мы заметили в других случаях, у людей нет ощущения табу в отношении этой зоны, предназначенной для религиозных специалистов (ПМА 2018)⁶⁴. И мужчины, и женщины свободно нарушают эти табу, и их приходится призывать к порядку (ПМА 2013, 2015)⁶⁵.

Это расположение весьма похоже на священное место в д. Верхнебалтачево, используемое для совместных ритуалов с д. Дубовка. Оно тоже недалеко от деревни, но с него нет такого же впечатляющего вида, так как холмы вокруг используются для выпаса овец. Огороженная территория представляет собой очень маленький загон с навесом для атрибутики обряда имеет размер примерно 4х4 метра, хотя в большем размере нет необходимости. Там только один молящийся жрец, два жертвенных животных и два котла, а участники сидят на траве перед огороженной площадкой. Они получают

⁶⁴ Наблюдения Евы Тулуз во время *гурт вёсь* в с. Старокальмиярово и д. Петропавловка 15/06/2018. Когда она сидела в отведенном для зрителей месте, ее увидела знакомая женщина из д. Малая Бальзюга, которая, чтобы присоединиться к Еве, пересекла зону, где действовали жрецы.

⁶⁵ Наблюдения Евы Тулуз за различными обрядами: 14/06/2013 в д. Алга – *мёр вёсь*, 12/06/2015 в д. Алга – *Багыш вёсь*. В первом случае женщина просто вошла в огороженное пространство, чтобы отдать свои подношения, вместо того чтобы передать их через ограду жрецу; во втором случае только что пожилая пара пересекла огороженную территорию насквозь, вместо того чтобы обойти.

кашу от жреца, который стоит на площадке. Три помощника ходят между двумя зонами.

Священное место села Нижнебалтачево менялось несколько раз. В 2016 году, когда мы впервые присутствовали на этом обряде, там была небольшая огороженная территория, возможно, 6х6 метров на берегу реки недалеко от родника, который находился примерно в 50 метрах. Эта территория с небольшим навесом представляет собой, как и в д. Верхнебалтачево, внутренний круг. Здесь тоже участники, пришедшие поесть каши, сидят снаружи. Нам сказали, что это священное место функционировало в течение десяти лет. На самом деле существовать ему оставалось недолго. В 2019 году жрец и организатор решил снова изменить местоположение священного места, чтобы приблизить его к роднику. В 2019 году был проведен обряд по смене места.

Из священных мест сел алгинской группы три еще не описаны. Подобно двум последним, место, где собираются жители д. Кызыл-Яр и д. Ивановка, имеет очень маленькое пространство, находится за пределами деревни и предназначено для тех, кто выполняет обряд, общий для двух деревень. Священное место деревни Бигинеево отличается тем, что оно находится в роще на расстоянии около 400 метров от дороги. А место *Багыш вöсь* отличается тем, что находится прямо на дороге, хорошо просматривается и не связано с какой-либо деревней. Обнаружить его легко: это огороженная территория, внутри которой растет огромная ель.

Таким образом, мы видим, что не существует обязательной конфигурации для выбора священного места. Еще одной интересной особенностью является то, что священное место легко заменяется другим, когда пользователи чувствуют в этом необходимость. Причиной может быть просто комфорт тех, кто проводит обряд. Достаточно перенести пепел прежнего костровища на новое место и освятить его небольшим ритуалом.

Жрецы

Жрец является ключевым действующим лицом в восстановлении обрядов. Без него ни одно обрядовое действие не может состояться. У нас есть хороший, но печальный пример. Раньше для проведения обрядов Керемета существовал особый жрец, отличный от обычного для зимних и весенних обрядов, которого называли “хранитель Луда” (удм: *Луд утись*). Большинство из них умерли, не передав текст молитвы и не найдя себе преемников. Таким образом, этот обряд жив лишь в очень небольшом количестве мест, например, Вотская Ошья в Янаульском

районе Башкортостана, Кипчак в Куединском районе Пермского края. Условием возрождения коллективных обрядов является наличие жрецов, знающих свое “ремесло”.

В действительности, в Татышлинском районе одной из причин очень успешного возрождения, возможно, является наличие таких жрецов с многолетним опытом, готовых делиться им и обучать новых жрецов.

Жрецы, которые были активны до волны возрождения и обеспечивали преемственность, существовали в обеих сельских группах, хотя, конечно, никого из тех, кто выступал в первой половине XX века, уже нет в живых. В вильгуртской группе доминирует харизматическая личность Назипа Садриева (Sadikov & Danilko 2005; Toulouze & Niglas & Vallikivi & Anisimov 2017). Назип Садриев родился в 1930 году, и уже в детстве начал посещать религиозные обряды и после Второй мировой войны был утвержден в качестве помощника. Однако после войны мужчин стало не хватать, особенно взрослых, готовых принять эту роль в традиционных ритуалах. Назип Садриев, который работал с лошадьми и был пожарным, был сильным человеком, очень убежденным в своей правоте. Он начал работать в качестве жреца вместе со старшими, когда ему было 24 года. Он до сих пор помнит, как в первый раз у него дрожали руки (ПМА 2013, 2016)⁶⁶.

С 1954 по 2012 год, то есть почти 60 лет, он упорно охранял свой деревенский обряд и твердой рукой руководил жителями деревни. Он был решительным противником антирелигиозной партийной политики и имел силу настоять на своей точке зрения. Однако это не означает, что он враждебно относился к компромиссам и не мог быть инициатором изменений в ритуалах. По его словам, он начал смешивать мясо с кашей, поскольку заметил, что когда каша и вареное мясо предлагались отдельно, некоторые люди брали слишком много мяса и оставляли мало для других, и чтобы избежать такого обмана, он начал смешивать мясо с кашей, что обеспечивало справедливое распределение для всех. Он также решил перенести первую молитву, обещание жертвоприношения, называемое *сйзиськон*, на другое время церемонии. Обычно *сйзиськон* совершался накануне вечером, и огонь медленно горел всю ночь, так что для церемонии не нужно было разжигать новый костер, но для этого требовался кто-то, кто всю ночь поддерживал бы огонь. Назип решил, что достаточно будет провести *сйзиськон* утром в день главной церемонии,

⁶⁶ Беседы Лийво Нигласа и Рануса Садикова с Назипом Садриевым в его доме, д. Малая Бальзюга, 11/06/2013; беседа Рануса Садикова с Назипом Садриевым, 04/06/2016.

вероятно, из-за того, что трудно было заставить кого-то жертвовать ночь для наблюдения за огнем.

Что еще более важно, он решил отказаться от обряда трех деревень вильгуртской группы, поскольку для поддержания традиции требовалось слишком много усилий как в плане личного участия, так и в плане денег. Он ввел обычай покупать мясо в дополнение к жертвенным животным для каши *мӧр вӧсь* и платить по-разному за овец, приносимых в жертву, в зависимости от их веса. Он также разрешил женщинам участвовать в очистке котлов и разделке жертвенных животных.

Он пользовался авторитетом не только в своем районе, но и гораздо шире. Его даже пригласили в Ижевск, чтобы он помог поддержать начинания активистов из Удмуртии, пытающихся возродить традиционную религиозную практику. Он содействовал поиску жрецов в своем районе и помогал их обучать. Так, он обучил Салима Шакирова в с. Новые Татышлы, у которого среди предков не было жреца, но который был уважаемым жителем деревни и стал “официальным” жрецом этой важной деревни.

Он обучал и других жрецов, например, Анатолия Галиханова из Бураевского района, Раиса Рафикова из с. Новые Татышлы. Но уровень и смысл этого обучения был разным. Салима Шакирова, который не мог похвастаться наследственностью, приходилось учить всему. А у Галиханова и Рафикова были свои наследованные традиции. Рафиков был сыном жреца и унаследовал молитву отца традиционным способом, то есть многократным прослушиванием. У Галиханова тоже были свои деревенские традиции. Таким образом, они были на равных, и Назип только углублял их знания удмуртских традиций. Часто Назип Садриев жаловался, что Рафиков недостаточно выражает благодарность и не до конца следует его учению.

Будучи традиционным жрецом, Садриев молился, как учили его старейшины, и считал это единственно правильным способом. Он не принимал другие способы, не допускал, что уходя корнями в другие локальные традиции, они могут быть тоже правильными. Для него, как, вероятно, и для всех людей, глубоко связанных со своей традицией, свое было единственно верным, что, конечно, неприемлемо с точки зрения ученого. Удмуртская религиозная практика не является догматической, фиксированной традицией. Она очень изменчива, и в рамках одного и того же порядка ритуалов существует почти бесконечное число возможностей. С этой точки зрения Назип Садриев парадоксальным образом

близок к тем, кто желает стандартизировать удмуртскую религиозную практику, основываясь только на своем понимании (ПМА 2017⁶⁷).

После своего 80-летия Садриев понял, что ему придется отказаться от должности жреца. Конечно, болезнь жены отчасти стала причиной его решения: он должен был быть дома как можно больше. Он выбрал и подготовил себе замену. Его выбор был, с точки зрения традиции, странным: молодой человек, Фридман Кабишьянов, которому было всего тридцать лет. Хотя Фридман был женатым человеком и уважаемым членом сельской общины – это необходимое условие, чтобы быть жрецом – он был все-таки слишком молод для этой задачи, так как по обычаю жрец не должен быть моложе 40 лет. Но Назип Садриев помнил свой собственный опыт начала служения в 24 года из-за отсутствия подходящих мужчин. Вероятно, он считал, что это не лучшее время для догматизма и что молодой человек, полностью интегрированный в современную жизнь, поможет сельской общине сохранить верность своим традициям, несмотря на социальные изменения. Таким образом, Фридман впервые провел молитву один в 2012 году, за год до начала нашей полевой работы в Татышлинском районе.

Конечно, существование такого авторитета имело существенное значение для возрождения удмуртской религиозной практики в Татышлинском районе. С одной стороны, в деревне Назипа возрождать было нечего, поскольку он обеспечил полную преемственность. С другой стороны, он мог передать свою молитву жрецам, у которых не было своей, и помочь им принять это служение. Неудивительно, что в 2016 году Назип Садриев получил награду “Эстонское Древо Жизни”, которая вручается обычному человеку, внесшему значительный вклад в развитие финно-угорских народов.

Назип Садриев – личность выдающаяся, и не только на уровне деревни. Возможно, сила его характера позволила не оказаться в тени других, кто также выступал за преемственность в Татышлинском районе, но не так ярко, но все же последовательно. Малая Бальзюга была не единственным селом, где обряды продолжались и в советское время.

В советский период в Татышлинском районе действовали и другие жрецы. Так, когда венгерские ученые Габор Берецки и Ласло Викар посетили этот регион в 1974 году, им удалось зафиксировать молитву

⁶⁷ Беседа Лаура Валликиви, Рануса Садикова и Николая Анисимова с Назипом Садриевым на пороге его дома, д. Малая Бальзюга, 08/06/2017.

жреца в с. Нижнебалтачево по имени Ислам Арманшин⁶⁸, хотя в то время он был уже пожилым человеком. У Арманшина были младшие родственники-мужчины, которых он обучал.

В нескольких деревнях алгинской группы продолжались деревенские обряды, а также сохранялись *мёр вöсь* и *Багыш вöсь*. Традиции в алгинской группе сильны и поддерживались независимо от Назиба Садриева. Садриев, конечно, считает, что традиции алгинской группы неправильные. Позже мы рассмотрим их особенности.

Сегодня Ислама Арманшина нет в живых, но оба его внука являются активными жрецами алгинской группы. Первый из них, Владимир Хузимарданов (“Владик”, 1964 г. р.), является жрецом д. Верхнебалтачево, а старший, начавший гораздо позже, Борис, в 2016 году стал жрецом в Кызыл-Яре. Владик вспоминал, как его дед “пел” молитвы, и действительно манера Арманшина произносить молитву была похожа на пение⁶⁹. Еще один человек учился у Арманшина молитве и передал нам ее образец, но он не является действующим жрецом. Это Закир Адуллин, бывший учитель, сейчас на пенсии, на самом деле является двоюродным братом самого главного жреца в районе, Евгения Адуллина. Евгений носит титул “великого жреца” (по-удмуртски *бадзым вöсьсь*). Он возглавляет все важные молитвенные собрания в алгинской группе, научившись молитве у старшего жреца (Sadikov 2020). Евгений работает главным бухгалтером в кооперативе “Рассвет”.

В этой группе есть еще один человек, который является настоящим хранителем традиций и хорошо их знает. Он не жрец, хотя и обладает огромным авторитетом. Именно он занимается практическими делами, организует жертвенное животное, транспорт, атрибутику, помощников. Его функция называется *вöсь кузё*, хозяин церемонии, новая функция – по крайней мере, мы не нашли аналогов в литературе (Sadikov 2020). В алгинской группе этот человек обладает огромным авторитетом не только благодаря своей функции, но и благодаря своей личности. Он

⁶⁸ Любопытно, что мы не нашли упоминания об этой встрече в переписке Берецкого (Bereczki 1994: 213–219). Однако фотография Арманшина подтверждает факт их встречи (Vikár, Bereczki 1990, раздел фото). Интересно отметить, что он был выбран для встречи с венгерскими учеными. Полевые работы тогда сильно отличались от сегодняшних. Сегодня мы просто живем в районе и организуем собственную программу, в то время как наши предшественники были полностью в руках Коммунистической партии, которая организовывала их работу: они организовывали встречи в доме культуры или колхозном центре с теми, кого считали подходящими. Ограниченные установленными рамками, они встретились с Арманшиным.

⁶⁹ У нас есть пример молитвы Армашина (см. <https://vk.com/club80621061>).

бывший глава администрации, поэтому знает всех в районе. Он также прямой и решительный, обладает лидерскими качествами. Его зовут Гарифулла Гарифанов, но все называют его Фархуллой. Если Евгений Адуллин занимается только молитвами и духовными аспектами, то Фархулла, контролируя, кого зовут молиться в *мӧр вӧсь*, может проводить настоящую политику подготовки жрецов.

В алгинской группе есть постоянная компания помощников – это как старшие, так и молодые мужчины из разных деревень. Они встречаются четыре раза в год всей командой, как в *Багыш вӧсь*, так и в *мӧр вӧсь*, зимой и весной. Теперь у них есть хороший опыт совместной работы. Фархулла, как мы уже упоминали, также отвечает за то, кто будет молиться на этих церемониях наряду с Евгением и Владиком, всегда руководящими молитвой; выбор всегда делается из числа других жрецов разных деревень. Однажды, в декабре 2013 года, несколько из них заболели, и Фархулла сделал смелый выбор, попросив двух молодых помощников, Евгения Гайнирова из д. Алга и Якова Фазлыева (Яшку) из д. Верхнебалтачево, выйти вперед и молиться вместе с другими, более опытными жрецами. Очевидно, Фархулла готовился к будущему. Оба молодых человека были опытными помощниками. Но Евгений, которому еще не исполнилось тридцати лет, еще не был женат, а Яшка, чуть постарше, был очень общительным и активным молодым человеком в своей деревне. Когда в 2018 году мы присутствовали на обряде в деревне Яшки, он все организовал – заранее выкосил место, принес жертвенное животное и т.д. – и мы узнали, что он стал главой сельской администрации.

Уже несколько лет идет дискуссия о необходимости создать ассоциацию жрецов. Инициатором этой идеи был Анатолий Галиханов, жрец деревни Алтаево, и идея была поддержана влиятельной ассоциацией закамских удмуртов в Ижевске. Однако она не была одобрена в регионе и вызвала недовольство главного местного авторитета Рината Галямшина. Идея была реанимирована в 2018 году. Галямшин ушел в отставку по состоянию здоровья с поста руководителя национального движения. Его преемник, Салимъян Гарифуллин, решил, что время пришло, и организовал 20 июня 2018 года в с. Старый Варяш собрание жрецов района, где обсуждалась эта идея. В результате 25 января 2019 года состоялось общее собрание, на которое были приглашены Ранус Садиков и Ева. Ева надеялась познакомиться с другими жрецами, которых она еще не встречала, посещая различные обряды, и с удивлением заметила, что почти присутствующие на собрании ей знакомы. Было решено создать ассоциацию и встречаться, чтобы координировать свои действия. Лидером был избран Анатолий Галиханов. На встрече

присутствовала делегация жрецов из Ижевска, среди которых был и Альберт Разин⁷⁰.

Форма одежды

Исторически существовала форма одежды как для участников, так и для жрецов коллективных обрядов. По крайней мере, на имеющихся у нас фотографиях конца XIX века (Sadikov & Mäkelä 2009) видно, что все присутствующие одеты в белое. Правда, фотографии сделаны в другом месте, но это не слишком далеко от Татышлинского района. Они сделаны в районе с. Калтасы, а их автор – финский этнограф Юрьё Вихман. Тем не менее, изображения подтверждают сказанное прежде в других источниках. К сожалению, до конца XX века не было серьезного исследования Татышлинского района.

Поскольку молитвы были обращены к “Белому Богу”, все люди должны были одеться в белое, и действительно, в гардеробе каждого был предмет одежды святого дня для этой цели, – отрез домотканого полотна, называемый *шортдерем*. Были короткие *шортдеремы* как для мужчин, так и для женщин. К сожалению, у нас нет подобных визуальных свидетельств о предварительном периоде истории этой одежды. Мы знаем, что домашнее прядение постепенно переставало быть единственным или даже одним из способов получения одежды, и существующие *шортдеремы* начала 1960-х годов являются последними. Более того, они исчезают вместе с кончиной владельцев, так как используются в качестве погребальной одежды. Так что в начале XXI века осталось лишь несколько образцов, которые все еще используются владельцами. И старушки, у которых была такая одежда, использовали ее во время обрядов (ПИМА 2016⁷¹). Как и те немногие из жрецов, у кого она была. *Шортдерем* представляет собой накидку до щиколоток из беловатого домотканого материала с тонкими вертикальными полосами, подпоясанную своеобразным поясом. Этот пояс мог быть и домотканым, как в Удмуртии, но обычно в изучаемом регионе жрецы подпоясывались

⁷⁰ Который спустя несколько месяцев, в сентябре 2019 года, стал печально известен самосожжением в центре Ижевска в знак протеста против языковой политики российского правительства.

⁷¹ В Нижнебалтачевском *гурт вöсь* мы видели, как ее носила пожилая Анфиса Бамяева, 03/06/2016.

длинным вышитым полотенцем с красным или, реже, синим узором⁷². Этот пояс был и остается центральным эмблематическим элементом костюма жреца.

Но на что были заменены *шортдеремы*? Для жрецов самым важным аспектом костюма был цвет. Поэтому вместо старого наряда жрецы использовали обычные белые медицинские халаты. Несомненно, им не хватало торжественности, но символически они были правильными.

XXI век принес обновление и многообразие жреческого костюма. В Татышлинском районе некоторые люди до сих пор используют традиционный *шортдерем*: старик Назип Садриев владеет им и одевается в него, когда участвует в ритуале, а у вязовского жреца Филарита Шаймарданова есть такой же, которым он гордится. Он даже предложил подарить его нашей группе, но мы предпочли, чтобы он использовал его по прямому назначению. До 2013 года все остальные жрецы в районе использовали медицинские халаты, и многие продолжают использовать их и в 2021 году, когда мы пишем этот текст. Однако уже на зимних церемониях 2013 года жрецы алгинской группы носили похожий халат из коммерческой ткани, немного напоминающий материал *шортдерема*, с гораздо более широкими вертикальными полосами. Судя по всему, кооператив “Демен” купил ткань и профинансировал изготовление этих халатов, причем в большом количестве, чтобы у всех жрецов алгинской группы был особый костюм для коллективных ритуалов.

Тем временем жрецы, молящиеся в вильгурской группе, продолжают использовать свои медицинские халаты, хотя Фридман и получил в подарок от друзей *шортдерем* из коммерческого материала, но очень похожий на оригинальный, а в других районах жрецы начали добавлять к халатам декоративные элементы красного или зеленого цвета, отсылающие к удмуртским узорам. Идея в том, чтобы придать характеру жреца более радостный вид, чем тот, который передает традиционный строгий костюм.

Что касается простых жителей, то можно лишь констатировать факты, так как информации в XX веке практически не было. Очевидно, что в этот период обязательство быть облаченным в белое перестали принимать во внимание. Об этом помнят только очень пожилые женщины, которым осталось недолго, да и *шортдерем* их тоже вряд ли переживут. Обычной обрядовой одеждой для женщин долгое время был удмуртский традиционный наряд, причем ярких цветов, по возможности светлых. Так было и в 2013 году. Однако в течение семи последующих лет мы

⁷² Владик Хузимарданов использует пояс с синими узорами, д. Алга 14/06/2013 и др.

наблюдали, как количество вариантов сокращалось: в 2021 году большинство женщин носят обычный церемониальный наряд западного образца или костюм, лишь некоторые, как правило, пожилые женщины, по-прежнему носят удмуртскую традиционную одежду.

Еще одним необходимым элементом дресс-кода является головной убор, как для мужчин, так и для женщин. Это интересно, поскольку фотографии Вихмана показывают, что в 1895 году у мужчин не было головных уборов или они просто не надевали их, а женщины носили платки. Атаманов подтверждает, что это было правилом в течение долгого времени (Атаманов 2020: 139, 153). Для женщин это правило действует до сих пор, и они обычно носят платок, даже если остальная их одежда не имеет ничего общего с удмуртской. Для мужчин правило прямо противоположно прошлому, т.е. сейчас они должны покрывать голову. Мужчины носят все, что у них есть, обычно это светлые кепки, белые, бежевые или серые. Черный головной убор не рекомендован, хотя иногда его можно увидеть. Сегодня жрец надевает такой же головной убор, но еще жива память о старых временах, когда жрец носил головной убор, обернутый белой тканью. Старшие жрецы, например, уже упомянутый жрец из с. Вязовка, до сих пор носят такой (ПМА 2017), а Назип Садриев даже показал нам, как оборачивать ткань (ПМА 2017).

Среди прочих правил, связанных с одеждой, есть некоторые табу, которые соблюдаются всеми присутствующими в местах жертвоприношений. Кроме того, что голова должна быть покрыта, важно, чтобы руки и ноги также были закрыты. Если какой-то юноша приходит в шортах, его тут же отправляют домой, чтобы он оделся правильно, не допускаются и короткие рукава. Когда Ранус, забыв об этом правиле, пришел на церемонию в коротких рукавах, жена жреца из д. Арибаш отметила, что в начале церемонии важно, чтобы руки были прикрыты, и дала ему пиджак. Это напомнило нам наблюдение с весеннего поминовения мертвых в д. Петропавловка (ПМА 2019⁷³): когда началось поминовение и все сели за стол, женщины надели куртки и кофты; нам сказали, что мертвые не увидят нас, если наша кожа будет полностью открыта. Это также напоминает правило, которому следует во время ритуала *вось нерге* родственная группа *бöляк* в Варклед-Бодья (подробнее см. Toulouze & Anisimov 2020b).

Наконец, следует добавить, что соблюдение этих правил имеет огромное значение для закамских удмуртов и особенно для жрецов, которые часто жалуются, что сегодня люди не знают, как себя вести. Жрецы

⁷³ Весеннее поминовение (удм. *тулыс кисьтон*) наблюдавшийся Евой Тулуз и Николаем Анисимовым, 07/05/2019.

стремятся наставлять население всеми доступными способами. Во время *Элен вӧсь* Анатолий Галиханов всегда обращается к собравшимся в конце молитвы, объясняя правила. У него также есть страница в социальной сети “ВКонтакте”⁷⁴, и он часто публикует инструкции, объясняющие, что нужно делать в тех или иных случаях и каковы правила ритуального поведения. Информация о том, как вести себя в время обряда, также регулярно публикуется в региональной удмуртской газете “Ошмес” (Toulouze & Anisimov 2020), одним из самых активных авторов которой является Лилия Гараева, жена арибашского жреца (Гараева 2020: 2).

Порядок проведения коллективных ритуалов

В Татышлинском районе ход обрядов, с одной стороны, в целом довольно сходен, но с другой – от деревни к деревне может значительно отличаться в деталях.

Мы сначала прокомментируем наиболее сложные обряды в местах, где была сохранена преемственность, а затем покажем, каким образом они были упрощены в местах, где позднее произошло возрождение, например, после перерыва в исполнении этих обрядов. Собственно мы придерживаемся гипотезы, что наиболее сложные ритуалы являются наиболее древними и что в ходе последующих эволюций и изменений некоторые черты были утрачены, и эта гипотеза подтверждается данными. Мы знаем, что в некоторых деревнях существует полная преемственность обрядов, по крайней мере, с 1940-х годов. В д. Малая Бальзюга Назип Садриев зафиксировал и передал правила ритуалов своей молодости.

Хотя существуют некоторые различия в ходе проведения обряда в зависимости от того, на каком уровне он проводится, общая структура и характер действий остаются одинаковыми в рамках конкретной традиции. Если на уровне деревни обычно молится один жрец и закалывается одно животное, то на уровне группы деревень и на региональном уровне количество жрецов зависит от того, сколько деревень участвует в церемонии и сколько животных приносится в жертву. Общее правило заключается в том, что количество жрецов должно соответствовать количеству овец. Обычно в деревенской церемонии участвует меньше помощников и простых людей, чем в церемонии с участием нескольких деревень.

⁷⁴ См: <https://vk.com/id82757120>.

Далее следует описание различных фаз стандартного процесса проведения коллективных молений. Мы стараемся выделить общие черты обряда по всему Татышлинскому району, а также основные различия в различных традициях проведения обрядов, как в пределах района, так и за его пределами.

Подготовка

Подготовка требует одновременного выполнения множества различных, но везде тех же задач.

Во-первых, организатор церемонии *вось кузё*, или сам жрец, должен убедиться, что у него есть необходимые продукты для проведения обряда, такие как овца, зерно, масло; соответствующее место, дрова для костра, вода для приготовления пищи.

Ингредиенты для каши должны быть собраны в деревне. В Татышлинском районе это общее правило. Если есть желание, чтобы вся деревня получила пользу от молитвы и жертвоприношения, то подношения должны быть от всей деревни. То есть зерно, масло и деньги на покупку овцы должны быть от всего населения. Если жертвенное животное приносит одна семья, то выгода от церемонии достанется этой семье, а не всем жителям деревни. Это отличается от практики в других местах или в других церемониях, например, в Кизганбашево Балтачевского района, по словам жреца, в жертву приносят столько овец, сколько предлагает население. В 2015 году, например, они принесли в жертву 12 овец (ПМА 2016⁷⁵).

Способ сбора ингредиентов может отличаться в зависимости от деревни. В д. Малая Бальзюга две команды мальчиков-подростков посещают все дома в деревне, собирая зерно, масло и деньги. В других деревнях сбором могут заниматься пожилые мужчины, как в с. Новые Татышлы и с. Уразгильды, или женщины, как в д. Петропавловка. По словам наших информантов, участвуют все, и никто никогда не отказывается.

В Татышлинском районе, как и в Бураевском, принято приносить в жертву овцу. Жертвенное животное должно быть здоровой самкой, которая уже родила. Однако это не везде так. В д. Арибаш, в том же районе, жертвенным животным является баран, поскольку моление проходит по правилам святого места, где раньше проводилась церемония Керемет, на которой в жертву приносились только животные мужско-

⁷⁵ Информация получена Евой Тулуз и Ранусом Садиковым от жреца Тимерхана Апсаликова (род. 1952), 07/06/2016.

го пола. В Янаульском районе, например, на последней из весенних церемоний (проводится в начале июля) Ыштйяк вӧсь в Каймашабаше, в жертву приносят только баранов. Местный жрец объяснил Еве, что в жертву должно быть принесено животное мужского пола, кровь которого никогда не проливалась (ПМА 2019). Таким образом, разные параллельные правила, отвечающие разным логикам, существующим параллельно. Поэтому неизбежно столкновение в общих ритуалах, таких как *Элен вӧсь*, где каждая группа действует так, как считает нужным (см. выше, ПМА 2018). В некоторых случаях в жертву могут приноситься другие животные, как это произошло в декабре 2016 года на *мӧр вӧсь* в с. Новые Татышлы, где была возможность принести в жертву гуся для благополучия всех птиц. Однако если гуся нет, то этот ритуал не является обязательным. Назип Садриев сказал, что он тоже приносил в жертву гуся, но в нем недостаточно мяса, чтобы это было целесообразно.

Каждый год овцу продает разный житель деревни. Торговаться не принято, они принимают любую цену, которую предложит за нее жрец. Поэтому люди также предлагают деньги, как во время сбора еды по домам, так и во время ритуала. В селах других районов правила иные, как и логика, стоящая за ними: мы уже упоминали, сколько овец приносили в жертву в Кизганбашево, а о Каймашабаше можно добавить устную информацию, что в 2019 году использовали 40 котлов⁷⁶. Обычно за овцу давали около 3 000 рублей, а когда ритуалы проводил Назип Садриев, он платил от 2 500 до 3 000 в зависимости от веса животного. Сейчас сумма фиксированная.

Подготовка священного места может включать в себя различные мероприятия. Если ограда была повреждена, ее необходимо привести в порядок. Чаще всего просто косят сено, так как никто не поддерживает священное место в рабочем состоянии между обрядами. Обычно эти работы начинаются во время первой молитвы, *сӥзиськон*, и завершаются утром в день обряда перед приходом людей. Подготовка проводится и зимой, чтобы гарантировать доступность священного места. Когда в декабре 2013 года мы присутствовали в Алге на *сӥзиськоне* перед *мӧр вӧсь*, нам пришлось преодолеть 300 метров снега, доходившего Еве почти до пояса. Но на следующее утро тракторы расчистили дорогу для жителей деревни.

Обычно в священном месте заранее припасены дрова, стволы, которые нужно распилить на поленья. Один или два помощника занимаются этим во время обряда. Точно так же требуется много воды: котлы должны быть очищены, мясо и внутренности должны быть промыты,

⁷⁶ Устные сведения из полевых работ Николая Анисимова.

вода должна кипеть вместе с мясом, образуя бульон, и вода должна постоянно добавляться, чтобы компенсировать испарение. Поэтому часто священные места выбираются в непосредственной близости от источника воды. Воду обычно приносят непосредственно перед началом обряда и на протяжении всей его продолжительности.

В ритуальной зоне есть место для подношений, которые участники могут оставить, причем в разных деревнях действуют разные традиции. В д. Малая Бальзюга и с. Новые Татышлы – это место четко обозначено, хотя немногие оставляют ткань и другие подношения. Поэтому очень мало предметов для распределения между помощниками. В алгинской группе все совсем по-другому, как мы увидим позже.

Открывающая моление молитва *сйзиськон*

Одна из особенностей, которая в некоторых других районах и в некоторых селах Татышлинского района исчезла из структуры обрядов, – это молитва, произносимая перед началом жертвоприношения. Мы знаем, что раньше она совершалась за день до начала обряда, и в алгинской группе до сих пор так происходит во время обрядов *мёр вёсь* и *Багыш вёсь* как весной, так и зимой. Вечером накануне обряда к священному месту приходит небольшая группа, разводит костер и готовит кашу без мяса. Когда каша готова, жрец произносит молитву, которая похожа на молитвы, произносимые во время ритуала, за исключением того, что в ней только обещается жертвоприношение. Во время молитвы жрец держит миску с кашей на ткани на березовой или еловой ветке. Во время молитвы помощники стоят на коленях позади жреца, а после все вкушают кашу. Чтобы не терять время, ее часто варят из манки, как в алгинской группе. Затем группа подкладывает в огонь большие куски не совсем сухих дров, чтобы он продержался до следующего утреннего сбора. В деревенских ритуалах и в большинстве обрядов вильгурской группы *сйзиськон* проводится утром до начала самого обряда жертвоприношения. Для каши используется та же крупа, что позже для “основной” каши.

Мы были свидетелями *сйзиськона* во всех обрядах алгинской группы, на которых мы присутствовали, и в большинстве обрядов вильгурской группы. На церемонии в с. Уразгильда мы были удивлены тем, что не только не было молитвы, но участники и жрец не знали, что она должна быть. То же самое произошло в Вязовке и в д. Юда. В Асавке (Балтачевский район) совершалась *сйзиськон*, но каша была мучная, похожая на бешамель. В Каймашабаше (Янаульский район) тоже не

было молитвы. Напротив, в Большекачаково (Калтасинский район) эта молитва совершалась в специальном порядке за несколько дней до основного обряда.

В обоих случаях, независимо от того, проводится ли *сйзиськон* за день до или в тот же день, что и основной обряд, помощники разжигают огонь; в некоторых местах жрец сам это делает в рамках своих обязанностей. Там, где есть *сйзиськон*, меньший котел является лишь одним из котлов. Однако важно разжечь огонь и под большими котлами, потому что они понадобятся очень скоро. Правило для этих молений таково: первым ингредиентом, который насыпают в котел, является соль, а только потом вода. Нам не удалось выяснить происхождение этого правила, основной причиной всегда указывается “так делали старики”. Это правило известно только жрецам: в обычных домах, даже если каша предназначена для ритуальных целей, хозяйки о таком правиле не слышали.

Жертвоприношение

Жертвоприношение фактически везде является первым действием обряда, хотя и здесь есть различия: если в большинстве мест Татышлинского района жертвоприношение сопровождается молитвой, то в некоторых других местах, как и в других районах, оно совершается без молитвы. Такая практика вызывает недовольство у жрецов, привыкших к более продуманным сценариям, поскольку для них неприемлема идея лишения жизни без посвящения ее богам. Поэтому в местах, где обеспечена преемственность, двое помощников держат овцу и очищают ее, окропляя водой. Затем, пока жрец молится, другой перерезает ей горло ножом, но через травинку. Это общий способ заклания животного⁷⁷, даже вне ритуального контекста. Тот, кто перерезает горло, набирает в ложку первую кровь, вытекающую из раны, и трижды бросает ее в огонь.

В зависимости от года и предоставленных животных, может совершаться особое жертвоприношение Богу земли (Удм: *Му-Кылчин*). Животные, посвященные Му-Кылчину, должны быть черными. Их забивают немного по-другому: в земле должно быть подготовлено отверстие, куда выливается кровь, поэтому овцу обычно забивают у этого ямы. После этого все происходит так же, кроме того, что мясо нужно варить в специальном котле. Но как только оно готово, его можно смешивать с остальным мясом.

⁷⁷ Устные сведения от Николая Анисимова.

В это время жрец со своего места произносит молитву, а остальные “незанятые” помощники преклоняют колени. Жрец держит в руках хлеб, испеченный хозяином овцы, в который воткнута монета, символизирующая, по мнению местных жителей, богатство. Позже три ломтика хлеба бросают в огонь.

В других местах, как например, в Уразгильдах, во время забоя ничего особенного не происходит, он осуществляется так же, как и обычный забой.

В обоих случаях овцу несут к месту, где она будет разделана. Жрецы обычно не участвуют в разделке. Помощники работают быстро, они привыкли к этому не очень религиозному занятию. Они отрезают куски мяса, моют их и бросают в котел с кипящей водой. Традиционно те, кто забивает животное, стараются ножом перерезать суставы, чтобы не сломать кости (Sadikov 2019: 62). Сегодня помощники не гнушаются использовать даже топор, чтобы отделить куски мяса (ПМА 2018⁷⁸). Позже кости сжигают в костре под казанами.

Мытье внутренностей обычно является женской задачей. Это единственное, что разрешено делать женщинам. Назип Садриев сказал, что женщины спрашивали его, могут ли они участвовать, и он считает, что им можно разрешить участвовать в этом деле. В с. Новые Татышлы во время *мёр вёсь* две пожилые женщины приходят к самому началу и моют котлы. Затем некоторые из них берут внутренности и несут их домой, чтобы очистить и вернуть обратно готовыми для бульона. В д. Малая Бальзюга такой женщины не было, но в 2014 году сын хозяйки овцы и помощник жреца Сидора Камидуллина позаботился о кишках. Иначе их бы сожгли. В с. Уразгильды одна молодая женщина присутствовала с самого начала и промыла внутренности в источнике на священном месте. В д. Арибаш этим занимались жены жрецов и помощников, которые мыли внутренности в ручье внизу в долине. В алгинской группе присутствие женщин более незаметно. В какой-то момент одна женщина приходит и забирает внутренности домой, а позже возвращается с результатом работы. В Асавке, в Балтачевском районе, женщины, которые заботятся о внутренностях, уходят дальше вниз по течению и моют их только в таком месте, где “святыня не могла этого видеть”. То же представление мы найдем и в связи с другим требованием. Подготовка к молениям – дело долгое. Место для туалета может быть, а может и не быть. Например, в с. Новые Татышлы, у входа в священное место, есть маленькая пристройка, хотя это единственное место, где мы ее видели.

⁷⁸ Беседа Евы Тулуз и Рануса Садикова с Рансом Рафиковым во время *гурт вёсь* в с. Новые Татышлы, 08/06/2018.

В остальных местах каждый находит свой способ решения проблемы. Общее условие – нужно идти дальше, чтобы “священное место не видело” этого занятия. В д. Арибаш Лилия Гараева привела Еву в достаточно далекое и низкое место, чтобы священное место, находящееся на вершине холма, не было видно.

Другие молитвы

После жертвоприношения правила проведения обряда расходятся, в зависимости от деревенской традиции.

После разделки мяса начинается долгий момент бездействия, пока варится бульон. Это время можно посвятить подсчету денег или просто общению. В наиболее проработанных сценариях уже было две молитвы. В других случаях – ни одной, и еще есть время. Для антропологов это хороший момент, чтобы задать вопросы жрецам. В это время происходят интересные беседы, как, например, в 2015 году на церемонии *Багыш вӧсь* у Евы состоялся разговор с главными жрецами Евгением и Фархуллой о необходимости обновить молитву и включить в нее новые проблемы современности (ПМА 2015). Конечно, помощники всегда должны следить за тем, чтобы было достаточно дров в костре и достаточно воды для бульона в котле.

Этот этап может быть довольно долгим, в зависимости от размера и возраста овцы. Когда мясо хорошо проварится, помощники вынимают все мясо из бульона. Затем команда помощников разделяется, одни занимаются мясом, отделяя его от костей, а другие высыпают в бульон зерно.

В самом замысловатом сценарии, после извлечения мяса из бульона, у жреца появляется новая задача: он должен найти некоторые части тела животного для следующей молитвы, которая будет произнесена над мясом. В качестве мяса выбирают часть головы, сердце, печень, одно правое ребро и часть правой ноги. Конечно, невозможно отличить в котле правую ногу или правое ребро от левого. Поэтому одна из задач помощников, которые кладут сырое мясо в котел, – пометить ребро и ногу, чтобы жрец точно знал, что кладет на свою тарелку правильные куски мяса. Перед тем как отправиться на место молитвы, жрец(ы) трижды обходят круг над котлом с мясным блюдом. Только после этого они молятся. Для этого помощники, сортирующие мясо, и те, кто мешают кашу, прерывают свои занятия и встают на колени для молитвы над мясом. Кроме того, помощники, зарезавшие животное, стоят за жрецом, касаясь тарелки с извлеченным мясом. После молитвы помощники и жрец съедают часть мяса, произнося отдельные молитвы, а затем возвращаются к своим

делам. Обычно нам, антропологам, тоже дают немного мяса, но только после того, как помощники получают и съедят свою часть. В алгинской группе Фархулла всегда заботилась о том, чтобы нашу компанию хорошо кормили, но при этом соблюдали внутренние правила обряда.

Сортировка мяса завершается перед приготовлением каши. Отсортированное мясо делят между котлами, а кости отдают детям (например, в д. Малая Бальзюга) или старшим женщинам (например, в с. Новые Татышлы), чтобы они грызли. К этому времени начинают прибывать односельчане, сначала небольшими группами, а когда каша уже близка к готовности, их становится все больше. Они приносят нитки, которые оставляют на месте, где молится жрец, а также оставляют ткань, носки, футболки в качестве подарков на шесте, приготовленном для этой цели. В алгинской группе, однако, ритуал более сложный. Сами участники не заходят в сакральную зону, а остаются снаружи, передавая свои подношения через ограду одному из жрецов, который произносит молитву и кладет их на шест. Действительно, в алгинской группе эти подношения происходят гораздо чаще, так что в конце обряда помощников ждет множество наград. А пока их основное занятие – помешивать кашу и регулировать ее густоту, добавляя при необходимости воду. Физически это нелегкая задача: каша становится довольно густой, и для ее перемешивания требуется все больше и больше сил, поэтому помощники чередуются за огромными котлами.

Когда каша готова, наступает время для следующей молитвы. Перед молитвой жрец держит в руках миску с кашей и делает три круга над котлом, наполненным кашей. Разумеется, все круги всегда по часовой стрелке – обратное движение у удмуртов связано со смертью. К этому времени все участники моления уже прибыли и готовы отведать каши. Тогда жрец обращается к людям и приказывает им встать на колени. После молитвы помощники поднимают котелки и подносят их ближе к участникам, которые выстраиваются в очередь, чтобы получить свою порцию.

Раздаваемые порции обычно не являются индивидуальными: как правило, участники приносят с собой одну миску и ложки по количеству членов семьи. Получив свою порцию, все едят ее небольшими группами родственников. Мы, антропологи, тоже считаемся группой родственников, и нас обслуживают вместе. Многие уносят часть освященной каши домой, поэтому помощникам часто приходится подносить им еще порцию. Но молитва еще впереди. Когда все поели, жрец берет в руки коробку, в которую люди положили свои денежные пожертвования. Он встает на колени, на этот раз с обнаженной головой, и читает последнюю

молитву – *жугесь*, молитву о деньгах, прося божества вернуть людям их подношения “сотнями и тысячами”.

После этого публичная часть моления завершается, и люди расходятся по домам.

Завершение

После ухода простых участников остается завершить действие и навести порядок. Сначала некоторые из помощников чистят котлы и складывают оставшуюся кашу в ведра, чтобы отнести ее в свои деревни. Другие пытаются погасить жертвенный огонь. В вильгуртской группе обходят вокруг очага и углей и проводят березовой веткой летом или еловой веткой зимой по центру очага. Они делают три оборота вокруг огня, и церемония завершается. В алгинской группе завершение обряда происходит несколько иначе: все помощники трижды обходят вокруг очага по индийскому образцу, делая одинаковые маховые движения по направлению к его центру. Жрец пользуется этим спокойным моментом, чтобы распределить среди помощников подношения из ткани, которые принесли участники, и символические монеты в знак благодарности за их помощь.

Обычно на этом все заканчивается. Однако в Малой Бальзюге мы стали свидетелями заключительной молитвы, которую больше нигде не видели (ПМА 2014). Присутствовали только помощники и, по случаю, антропологи. Все стояли, и Фридман молился в последний раз, а помощники отвечали ему “Омин” и кланялись. Когда молитва закончилась, все пошли к своим машинам с атрибутикой.

По окончании обряда ведра с оставшейся кашей относят в деревню (деревни) и раздают группе помощников, которые делят деревню между собой, чтобы отнести кашу жителям, не присутствовавшим на обряде. Этот процесс еще более зрелищен в случае *мёр вöсь*, когда в ритуале участвуют девять или десять деревень. Понятно, что в основном участники из деревни, где проходит обряд, и ближайших селений, а большинство остальных представлены только жрецом и помощниками. Приготовленную кашу они забирают домой – и вполне обычно видеть, как целые котлы грузят в микроавтобусы или телеги, запряженные лошадьми.

МОЛИТВЫ

Молитвы обращены к главному удмуртскому богу Инмару, точнее, “Инмар-Кылчину”. Остается загадкой, почему имя именно такое. Второй элемент, Кылчин, вызывает вопросы. В удмуртской традиционной мифологии есть другое важное божество, гораздо более близкое к людям, чем Инмар, *deus otiosus*: это *Кылдысин*. Он подарил людям золотой век, ходил по земле и был близок к людям, пока не разгневался и не удалился в верхние сферы. С точки зрения лингвистики, он – “творец” (по-удмуртски *кылдытыны* означает “создавать, творить, образовывать”). Слово кылчин может быть уменьшительным от *Кылдысин*. В то же время это самостоятельное слово, используемое для обозначения защитника, ангела. Владимир Емельянович Владыкин отмечает, что сегодня в Удмуртии, где преобладает православное влияние, “Инмар-кылчин – один из образов Иисуса Христа, в языковом выражении синоним, часто ангел-хранитель” (Владыкин 1994: 181–183). Таким образом, удмуртские молитвы, которые возносятся сегодня во время удмуртских жертвенных ритуалов, обращены к этой практически не разделимой диаде. Оба элемента в молитве синтаксически передают притяжательность: мой Инмар, мой Кылчин (*Инмаре Кылчине*). Такое обращение, несмотря на его двойственность, усиливает представление о верховном Боге и склонность к монотеизму, что неудивительно, поскольку удмурты окружены мощными монотеистическими религиями, хотя и не означает, что многобожие полностью исчезло. Свидетельством тому является то, что в текстах некоторых молитв наряду с обращением *тон* (удм: “ты”, привычное второе лицо единственного числа), иногда встречается множественное число – *тй* (удм: “вы”, форма множественного числа). Правда, молитв к другим божествам сегодня мало. Более того, когда мы используем междометие “О, мой Бог”, удмурты используют “*Осте, Инмаре*”, что является функциональным эквивалентом. Однако нельзя не отметить, что в закамских удмуртских районах нередко можно услышать междометие “Уфалла”, которое напоминает нам о том, что мусульмане живут совсем рядом. Однако, что еще остается от политеизма, так это множество духов, населяющих землю. Люди могут обращаться к ним, и хотя в наших полевых исследованиях в начале XXI века мы не нашли ни одной официальной молитвы в их честь (духи дома, бани, сарая, леса, воды, ветра и т.д.), среди предыдущих записей встречаются очень разные адресаты. Некоторые из них благожелательны и защищают, другие могут быть враждебны, третьи могут быть трикстерами.

Когда жрец или – во время *мӧр вӧсь* – жрецы молятся, они встают в ряд. У каждого жреца своя молитва. Иногда они одновременно

прерывают ее, чтобы произнести: “Омин” – поклон. При этом слове все участники, стоящие на коленях позади жреца, кланяются, касаясь головой земли.

Согласно традиции, жрец перенимает молитву от старших жрецов. Они заучивают ее “воруя”⁷⁹ (удм. диал: *нушканы*) (Sadikov 2019: 242): это означает, что они не заучивают ее специально, но запоминают, потому что слышали ее очень часто. Это настоящая устная передача и гарантия магической силы молитвы. Некоторые из старших жрецов, с которыми мы встречались, получили свой текст именно таким образом, например, Раис Рафиков.

Однако этот способ передачи уже не работает. Советские условия не позволяли молодым людям посещать обряды достаточно регулярно, чтобы тексты молитв закрепились в памяти.

Сегодня, за несколькими упоминавшимися исключениями, модели передачи иные. Старшие жрецы публикуют молитвы, как например, Назип Садриев, а молодые жрецы опираются на тексты. Повсюду молитвенные тексты были записаны и распространяются в письменной форме. Так что если раньше передача была полностью устной, то теперь основным инструментом является письменность.

Для некоторых исследователей существует фундаментальное противоречие между этими двумя методами, но мы так не считаем. Действительно, поначалу молодые жрецы читали молитвы, опираясь на письменные тексты. Но с опытом они будут запоминать молитвы, и письменные тексты на практике будут использоваться все реже и реже. Таким образом, вариативность будет неудержимо вноситься, несмотря на то что письменная передача может привести к фиксации молитвы. Устная передача, что-то вроде традиционного фольклорного жанра, неизбежно останется. Мы проследили этот процесс, наблюдая за молодым жрецом Фридманом из д. Малая Бальзюга на протяжении всех лет нашей полевой работы, почти с самого начала его “карьеры”. Сначала он послушно читал напечатанный текст, но с годами он стал чувствовать себя более комфортно и все меньше полагался на бумагу. Теперь он даже позволяет себе импровизировать (ПМА 2016⁸⁰).

⁷⁹ Ранус Садиков приводит слова информатора из Большекачаково (Калтасинский район), который сказал ему в 2006 г.: “*Вось кылэз дышетсконо өвёл, нушкано гыне*”: “Слова молитвы нужно не выучить, а украсть”.

⁸⁰ Наблюдение Николая Анисимова во время *Тол мör вöсь* 9/12/2016, с. Новые Татышлы.

Галиханов признался, что тоже учился на бумаге, но теперь свободно импровизирует (ПМА 2016⁸¹).

Вопрос адаптации молитвенных текстов к современности является важным. Можно ли изменять унаследованные тексты? Кто имеет право это делать? Этот вопрос давно волнует жрецов. Собственно, адаптация произошла уже в советское время с введением понятий о колхозном благополучии и исчезновением приговоров о здоровье и благополучии царя, – сама эпоха обязывала подстраиваться.

Сегодня заботы жителей деревни изменились. Конечно, основные требования остались – здоровье людей и скота, плодородие, хороший урожай, мягкие дожди. Но появились и другие заботы: беспокойство за будущее поколение, искушаемое миграцией, и за те соблазны, которые подстерегают их в широком мире, например, наркотики, преступность. Некоторые смелые жрецы, такие как Анатолий Галиханов, добавили эти беспокойства к традиционным формам. Другие, более консервативные, обсуждали это между собой, как например, жрецы алгинской группы, изменившие свой текст в 2019 году, чтобы сделать его более близким к заботам народа. Фактически они позаимствовали некоторые фразы из новых молитв Галиханова. Владимир Галиев, жрец молодого поколения в Асавке, был обеспокоен отсутствием явной благодарности богам в молитве, поэтому с согласия старейшин добавил несколько предложений в начало текста.

Посмотрим некоторые тексты, произносимые в Татышлинском районе во время различных ритуалов. Мы представим некоторые ранние тексты и некоторые, собранные нашей командой с 2013 по 2019 год.

Что не меняется, так это общее содержание просьб и рамки, в которых они произносятся. В начале молитвы есть предложение, определяющее ситуацию: “Мы собрались”. На самом деле это хорошо известное начало, используемое и в христианских церемониях. Завершают молитву обычно формулы, просящие у Бога снисхождения: “возможно, мы не совсем правильно говорим, возможно, мы произнесли молитву в неправильном порядке, у нас нет книги”. Несколько раз во время молитвы жрец просит Бога принять молитву с благосклонностью. Он также просит Бога принять с благосклонностью то, о чем люди не просили, но чего они желают: Бог читает желания в уме каждого. Все исходит от Бога, то, что он дает, – это “его” теплый дождь, “его” счастье, что очень четко выражено частым использованием личных суффиксов. В этих рамках существует два вида просьб. С одной стороны, ключевым словом является

⁸¹ Беседа Евы Тулуз, Рануса Садикова и Николая Анисимова с Анатолием Галихановым, 06/06/2016.

“дай”, которое выражается в очень разнообразных выражениях как грамматически, так и лексически. Другое ключевое слово – “защищать”, от природных катаклизмов (дождь, ветер), огня, болезней, плохих людей и плохих вещей. Природные катастрофы тоже исходят от Бога: “его” пожары, “его” ветры. Плохие люди – это, как правило, те, кто способен проклинать на удмуртском языке: те, кто угрожает “съесть тебя, выпить тебя, взять тебя”. Это явная отсылка к ремеслу колдовства, которое питается энергией своих жертв.

Мы представляем эти тексты на трех языках – удмуртском, русском и английском. На данный момент мы представляем удмуртские тексты в эмпирической транскрипции, на которую опираются жрецы, а не в научной диалектологической транскрипции, которую мы попытаемся создать позже. Эта транскрипция представляет собой смесь удмуртского литературного языка и диалектных особенностей, но не пытается быть абсолютно точной в представлении всех особенностей. Сами жрецы точно знают, как произносить каждое слово, так как они читают на своем диалекте. В английском переводе сделана попытка дать точное изложение удмуртского текста.

Фильмы

Съемка фильмов была важным компонентом полевых работ с самого начала нашего исследования закамских удмуртов. Большая часть съемок была сосредоточена на публичных молитвенных обрядах. Лийво был главным кинорежиссером в исследовательской группе, но другие – Ранус, Николай, Лаур и Ева – также внесли большой вклад в аудиовизуальное документирование ритуальной жизни. Даже Денис Корнилов, кинорежиссер из Удмуртии, дважды присоединялся к команде, чтобы помочь со съемками. Помимо молитвенных ритуалов, команда также записывала обряды в более интимной обстановке в Татышлинском районе и других местах. Мы считаем, что запись публичных обрядов и ритуалов оправдана по нескольким причинам.

Во-первых, эти церемонии имеют высокую культурную ценность, которую необходимо показать всему миру. Обычно мировоззрения, не связанные с мировыми религиями, маргинализируются, даже игнорируются, особенно в православной России. Даже большинство удмуртов, живущих в Удмуртии и давно перешедших в православие, мало знают об анимистической традиции, сохранившейся в диаспоре. Снимая ритуальные практики в Татышлинском районе, мы хотели внести свой вклад в более широкое признание существования анимистических обрядов

среди закамских удмуртов. Мы считаем, что фильм как популярный носитель информации лучше подходит для этой задачи, чем научный текст.

Вторая причина, по которой мы хотели использовать видеокамеру в полевых работах, заключалась в том, чтобы облегчить обмен результатами исследования с нашими информантами и партнерами по исследованию. Нашей целью было записать коллективные обряды для самих местных общин, чтобы они могли использовать эти записи в своих интересах – как культурные документы, как свидетельства истории каждой деревни, как руководства для обучения своих жрецов и т. д. Вот почему после каждой церемонии, записанной летом 2013 года, Лийво и Ранус редактировали черновой вариант фильма из записанного видеоматериала и распространяли его на DVD или в виде файла с фильмом среди жрецов. С одной стороны, мы чувствовали себя обязанными вернуть что-то общинам, с другой стороны, мы хотели показать черновые варианты фильмов жрецам, чтобы зафиксировать их реакцию, как для получения новой информации о церемонии, так и для того, чтобы убедиться, что все было представлено правильно и удовлетворительно.

Третьей причиной использования киносъемки в качестве инструмента исследования в нашей этнографической полевой работе был интерес к сенсорным аспектам обрядовой практики. Для нас важна передача чувственного измерения ритуальной деятельности, поскольку это помогает зрителю осмыслить телесный и эмоциональный опыт людей, проводящих церемонию и присутствующих на ней. Сенсорный аспект фильма помогает зрителю уловить атмосферу моления и понять, что значит быть физически вовлеченным в ритуальные практики, будь то приготовление каши, снятие шкуры с овцы или коленопреклонение и молитва. Аудиовизуальное изображение способно не только передать визуальную информацию о записываемой деятельности, но и донести ее слуховые и даже неявные качества (см. Pink 2006; MacDougall 1998, 2006).

Нашей целью было как можно более точная фиксация ритуальных действий, как они происходили, со всей интенсивностью, спонтанностью и непредсказуемостью, характерной для события, в котором участвует множество людей и происходит ряд параллельных действий. Для достижения этой цели мы выбрали наблюдательный подход к съемкам. Это означает, что необходимо было сделать определенный выбор как в способе съемки, так и в процессе монтажа.

Мы с самого начала решили документировать удмуртские религиозные обряды, не беря формальных интервью и не регулируя поведение участников, например, предлагая им повторить свои действия на камеру.

Также было очень важно свести съемочную группу к минимуму. Обычно во время церемоний в съемках участвовал только один человек. С профессиональной точки зрения было бы лучше использовать еще одного человека для записи звука, но мы решили предпочесть спонтанность действий, как участников, так и режиссера, качеству звука. Запись звука для фильма требует специальных навыков и оборудования, и это означало бы приглашение в нашу исследовательскую группу профессионала в области кино, который имеет небольшой опыт этнографической полевой работы или не имеет его вовсе. К счастью, современные аудиотехнологии – наш накамерный микрофон с ветровым стеклом в сочетании с беспроводным микрофоном-клипсой – позволили нам записать звук приемлемого качества даже несмотря на то, что Лийво снимал в одиночку.

Лийво Ниглас, который до сих пор снял большинство фильмов команды о молитвенных обрядах, всегда предпочитает снимать один, даже когда работает над документальными проектами, получающими достаточное финансирование для того, чтобы нанять команду профессионалов. Обычно он является режиссером, оператором и звукорежиссером, а также одним из редакторов фильма. Работа в одиночку дает ему необходимую свободу для принятия правильных решений при наблюдении с помощью видеокамеры за происходящими, часто непредсказуемыми событиями. Его цель – наблюдать за спонтанными действиями героев фильма, включая их реакцию на присутствие камеры. Другие исследователи-кинорежиссеры в нашей команде работают таким же образом.

Наш способ создания фильмов основан на наблюдении, но не исключает участия. Хотя интервьюирование людей на камеру во время обряда обычно не проводится, спонтанное, как вербальное, так и невербальное, взаимодействие с объектами съемки стало важной особенностью съемочного процесса: оно не только помогает кинематографисту оставаться физически рядом с объектами, но и приглашает их стать активными участниками создания кинорепрезентации. Такой подход к съемкам имеет много общего с нашим основным методом полевой работы – наблюдением за участниками.

Нашей целью было не достижение объективного и/или кинематографически совершенного описания реальности, а содействие эмоциональной и сенсорной встрече между режиссером (и, соответственно, зрителем) и объектом съемки. Вместо того чтобы снимать издалека, стараясь запечатлеть каждую деталь в безличной и отстраненной манере, мы оставались рядом с объектом и полагались на нашу субъективную интерпретацию снятой реальности. Близость к людям и субъективное измерение съемок также проявляется в стиле использования камеры.

Для того чтобы внимательно следить за объектами съемки, мы предпочитаем снимать на легкие ручные камеры, так как использование тяжелых камер и штативов делает реализацию спонтанных решений невозможной.

При монтаже также соблюдались принципы наблюдательного кино. Чтобы сохранить временные и пространственные аспекты снятых событий, в процессе монтажа предпочтение отдавалось длинным дублям и небольшому количеству сокращений. Кроме того, избегались интервью, закадровые комментарии и музыкальное сопровождение, чтобы зрители могли сформировать свои собственные представления и интерпретации и создать впечатление, что они являются непосредственными участниками событий. Наблюдательный подход предлагает зрителю возможность взглянуть на жизненный опыт других людей. Он стремится передать ощущение ритмов повседневной жизни в конкретной физической и социальной среде, снять отношения субъектов с другими людьми и материальными объектами; он позволяет зрителям услышать родную речь со всеми ее интонациями, перепадами и акцентами. Этот вид киносъемки не делает вид, что камеры нет, не скрывает присутствия и влияния режиссеров; напротив, каталитическая роль камеры на поведение людей может считаться одним из краеугольных камней наблюдательного кино (см. MacDougall 1998, 2006; Young 1975; Henley 2004).

Выбор подхода, основанного на наблюдении, вызвал определенные трудности. Поскольку камера почти всегда находилась рядом с жрецом, невозможно было охватить все ритуальные действия с одинаковой точностью. Наблюдая за основным действием, оператор рискует пропустить параллельные действия, происходящие в другое время. Например, бросание крови в огонь людьми, забивавшими овец, часто не было должным образом задокументировано, поскольку камера в этот момент снимала молящегося жреца (жрецов). Этого можно было бы избежать, если бы мы снимали ритуал с расстояния, но тогда мы бы упустили выражения лица и другие признаки переживания жреца, читающего молитву.

Самой большой проблемой при проведении съемок было незнание языка. Для достижения нашей цели – задокументировать ритуал как живой опыт, мы старались следить за обычными разговорами и светской беседой (приветствия, вопросы о здоровье, шутки и т.д.), потому что это спонтанное устное общение часто раскрывает важные вопросы, ценности и отношение людей. Поскольку Лийво не понимает удмуртского языка, он снимал устный обмен участников достаточно долго, чтобы мы могли включить некоторые из них в окончательный фильм после того, как Ранус сделает перевод. Целью было не столько предоставить больше информации о процессе и значениях обряда, сколько помочь зрителям

увидеть обряд как социальное действие, где формируются новые и укрепляются старые отношения, где приобретает социальный капитал отдельных людей и поддерживается социальное единство деревни. Это также показывает, что обряд является местом передачи ритуальных знаний следующим поколениям и обсуждения концепций надлежащего сакрального поведения. Включая в фильм как длинные разговоры, так и светские беседы, мы стремимся предоставить зрителям социальный контекст обряда и продемонстрировать, что жертвенный ритуал касается как живых людей и обыденного, так и богов и сакрального.

К этой книге прилагаются ссылки на 4 фильма, которые представляют собой годовой цикл коллективных церемоний вильгуртской группы. Моления были записаны в период с 2013 по 2017 год и выпущены в виде комплекта DVD в 2019 году (Niglas 2019). Все фильмы связаны с персонажем Фридмана Кабибянова, молодого жреца из деревни Малая Бальзюга.

В первом фильме мы видим Фридмана, проводящего деревенский обряд (*гурт вöсь*) в д. Малая Бальзюга в 2014 году. Он еще молодой неопытный жрец: читает молитвы с бумажки и во многом полагается на советы своих помощников и своего предшественника Назипа Садриева. Второй фильм документирует совместный обряд (*мör вöсь*) в с. Новые Татышлы в 2013 году. Фридман организует сбор зерна у жителей деревни Бальзюга и покупает овцу, чтобы отвезти ее в с. Новые Татышлы в качестве вклада от своей деревни. В церемонии Фридман выступает в качестве помощника, а главным жрецом является Раис Рафиков, который ведет церемонию благодаря приобретенному авторитету, опыту и своей харизматической личности. Третий фильм, посвященный *Элен вöсь*, также был записан в 2013 году. Здесь Раис, Фридман, Салим Шакиров и другие забирают овцу, получают котлы в с. Новые Татышлы и едут в д. Кирга, где проходит совместный обряд закамских удмуртов. И снова Раис отдает распоряжения Фридману и другим по приготовлению каши. Тем не менее, именно Салим вместе с другими жрецами читает молитвы перед большой аудиторией. Ведущий церемонии – Анатолий Галиханов из д. Алтаево, который контролирует темп церемонии, дает благословение людям, приехавшим из разных уголков удмуртской диаспоры, дает интервью телевизионной съемочной группе из Москвы и т.д. Заключительный фильм цикла, снятый два года спустя, посвящен зимней совместной церемонии *тол мör вöсь* в с. Новые Татышлы. Мы видим Раиса и Салима, которые ведут церемонию, но на этот раз Фридман выступает в роли опытного жреца, уверенно участвуя себя в обрядовых действиях и произнося молитвы по памяти.

С 2013 года мы сняли еще много молитвенных обрядов и других ритуалов, но на первом этапе монтажа мы решили ограничиться этими четырьмя фильмами. Редактирование – тяжелая работа, особенно когда редактор, как в случае с Лийво, не понимает языка. К счастью, наши удмуртские коллеги становятся все более опытными в кинематографе, и мы надеемся, что очень скоро они возьмут на себя создание фильмов команды, включая те, которые уже сняты, но не смонтированы.

Заключение

Татышлинский район сегодня является, несомненно, центром удмуртов Башкортостана по разным причинам. Конечно, сила колхоза “Демен” и его харизматичный лидер Ринат Галямшин привели к тому, что в с. Новые Татышлы были построены объекты, позволившие превратить деревню в своего рода маленькую удмуртскую столицу Башкортостана. Именно здесь создан и базируется Национально-культурный центр и Национальное движение, особенно если учесть, что здесь же базируется и постоянно действующий Историко-культурный центр со штатом сотрудников, который оказывает Национальному движению материально-техническую поддержку. Это одна институциональная причина. Но другая, очень существенная, причина заключается в том, что с религиозной точки зрения здесь существует очень прочная сеть, функциональная система, в которой каждый находит поддержку. Мы попытались объяснить эту систему как можно более четко в данном тексте.

References / Библиография

- Atamanov, Mikhail 2001 = Атаманов, Михаил Гаврилович. *По следам удмуртских ворищудов*. Ижевск: Удмуртия.
- Atamanov-Egrapi, Mikhail 2020 = Атаманов-Эграпи, Михаил Гаврилович, *От Вятки и Камы до Оби и Енисея – путь неблизкий : из экспедиционных дневников учёного*. Ижевск: Шелест.
- Brennan, James F. 1987. *Enlightened Despotism in Russia. The Reign of Elisabeth 1741–1762*. New York.
- Gabdrafikov, P'dar 2003 = Габдрафиков, Ильдар Махмутович, Перепись населения в Башкирии: материалы полевой этнографии. – Е. Филиппова & Д. Арель & К. Гусеф (ред.). *Этнография переписи 2002*. Москва: Авиайздат, 101–134.
- Gabdrafikov, P'dar 2007 = Габдрафиков, Ильдар Махмутович. Феномен Башкортостана, от трагической демографии к закономерной реконфигурации численности. – В. В. Степанов & В.А. Тишков (отв. ред.). *Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г.* Москва: Наука, 149–162.
- Gabdrafikov, P'dar 2011 = Габдрафиков, Ильдар Махмутович. Башкортостан: как готовили перепись в условиях смены власти. – В. В. Степанов (ред.). *Этнологический мониторинг переписи населения*. Москва: ИЭА РАН, 179–190.
- Garaeva, Liliya 2020 = Гараева, Лилия, Вось ортчытон эсэпъёс. *Ошмес* 23 (1092), 04.08.
- Harva, Uno 1914. *Suomen suvun uskonnot 4, permalaisten uskonto*. Porvoo: WSOY.
- Kappeler, Andreas 1982. *Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert* [The first nationalities of Russia. Tsarism and the people of the Middle-Volga from the 16th up to the 19th centuries]. Köln-Wien.
- Kappeler, Andreas 1994. *La Russie, empire multiethnique* [Russia, a multiethnic empire]. Paris.
- Luprov, Pavel 1999 [1899] = Луппов, Павел Николаевич. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века [Christianity by the Votyak from the first historic information about them to the 19th century]. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- McCarthy, Frank T. 1973. The Kazan' missionary congress. *Cahiers du monde russe*, 308–332.
- Nilüfer Kefeli, Agnès 2014. *Becoming Muslim in Imperial Russia: Conversion, Apostasy, and Literacy*. Cornell University Press.
- Sadikov, Ranus 2010 = Садиков, Ранус Рафикович. Элен вась – “моление страной” Живая древность на просторах Башкирии. *Вордскем кыл* 7, 34–36.
- Sadikov, Ranus 2011 = Садиков, Ранус Рафикович. Молитвы-куриськон закамских удмуртов (модернизация культуры – трансформация текста). – Садиков, Р. (ред.). *Традиционная культура народов Урало-Поволжья в условиях модернизации общества: Сборник статей*. Уфа: Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, 108–133.
- Sadikov, Ranus 2019 = Садиков, Ранус Рафикович. *Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность)*. 2-е изд., доп. Р. Р. Садиков. Ин-т этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН. Уфа: Первая типография.

- Sadikov, Ranus 2020 = Садиков, Ранус Рафикович. Жречество закамских удмуртов в конце XX – начале XXI в.: традиции и новации. – *Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.)*. УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Издательство Анны Зелениной.
- Sadikov, Ranus & Danilko, Elena 2005 = Садиков, Ранус Рафикович & Данилко, Елена Сергеевна. Удмуртский жрец – хранитель традиции (взгляд визуального антрополога). – Галина Аркадьевна Никитина (ред.). *Диаспоры Урало-Поволжья. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции*. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 230–233.
- Sadikov, Ranus & Mäkelä, Kirsi 2009. Yrjö Wichmannin muistiinpanot Kaman-takaisten udmurttien uskonnoillisista käsityksistä ja tavoista. *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja* 92, 243–245. <http://www.sgr.fi/susa/92/sadikovmakela.pdf>.
- Shutova, Nadezhda 2001 = Шутова, Надежда Ивановна. *Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН.
- Toulouze, Eva 2018. Kaamataguste udmurtide sügispälvused: rituaali etnograafiline kirjeldus välitööde põhjal. *ERMi aastaraamat* 61. Tartu, 102–115.
- Toulouze, Eva & Anisimov, Nikolai 2020. An ethno-cultural portrait of a diaspora in central Russia: The formation and culture of the Eastern Udmurt. *Folklore: Electronic Journal of Folklore* 79, 31–58. https://doi.org/10.7592/FEJF2020.79.toulouze_anisimov.
- Toulouze, Eva & Anisimov, Nikolai 2020. *Spring rituals of the Varkled-Bödyä Udmurt / Весенние обряды удмуртов д. Варклед-Бодья*. Tartu: ELM Scholarly Press / Научное издательство ЭЛИМ.
- Toulouze, Eva & Niglas, Liivo 2016. La cérémonie appelée “keremet” (ou “lud”) chez les Oudmourtes du Bachkortostan. *Études finno-ougriennes* 48. <http://journals.openedition.org/efo/6730> (accessed June 23, 2020).
- Toulouze, Eva & Vallikivi, Laur 2015. Les langues dans un miroir déformant. *Études finno-ougriennes* [En ligne] 47; mis en ligne le 10 juin 2016, consulté le 23.11.2018. <http://journals.openedition.org/efo/4906>; <https://doi.org/10.4000/efo.4906>.
- Toulouze, Eva & Vallikivi, Laur 2021 = Тулуз, Ева & Валликиви, Лаур. Культура и религиозная практика закамских удмуртов: изменчивость и гибкость локальной традиции [Culture and religious practice: Change and flexibility of local tradition]. *Современная удмуртская культура II* [Today's Udmurt culture]. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus.
- Toulouze, Eva & Vallikivi, Laur & Niglas, Liivo & Anisimov, Nikolai 2017. Udmurdi ohvipapp Nazip Sadrijev. – Taisto-Kalevi Raudalainen (ed.) *Soome-ugri sõlmed* 2016. Tallinn: Fenno-Ugria, 119–125.
- Vikár László, Bereczki Gábor, 1990. *Votyak folksongs*. Budapest Akadémiai kiadó
- Wichmann, Irene, 1987. *Matkamuistiinpanoja: Yrjö ja Julie Wichmannin kirjeitä ja päiväkirjamerkintöjä tutkimusmatkoilta 1891–1906*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Wichmann, Yrjö, 1893. *Wotjakische sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche*, Helsingfors, 1893.

APPENDIX

The Prayers of the Tatyshly Udmurts

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молитвы Татышлинских удмуртов

1. The Vilgurt group: Vyazovka gurt vös' 1998, prayer to promise village sacrifice (*Везовка гуртэн вöсь сйзиськонэ куриьскон* 1998) / Вильгуртская группа: *Гурт вöсь* в с. Вязовка 1998: молитва с обещанием деревенского жертвоприношения

*Остэ, мусо бур
Иммаре Кылчинэ,
тэни!*

*Гуртэнымы огкыл-
синмысь кариськыса,
Гурт вöсьмес вöсяны
сйзиськыса куриь-
скьском вал, мусо бур
Иммаре Кылчинэ,
тэни!*

*Тöдь ыж сётыса, тöдь
зазег сётыса кури-
ськиськом, мусо бур
Иммаре Кылчинэ,
тэни!*

*Лүлзэ-вирзэ аслыд
тапыыром, мусо бур
Иммаре Кылчинэ,
тэни!*

*Туннэ быдтыса
келялом вöсяськон
вöсьмес, мусо бур
Иммаре Кылчинэ,
тэни!*

Остэ, Мой Милый,
Добрый Инмар
Кылчин, вот!

Став единодушными
всей деревней,
Провести деревенское
жертвоприношение
обещая, молимся было,
мой Милый, Добрый
Инмар Кылчин, вот!

Белую овцу отдавая,
белого гуся отдавая,
молимся, мой Милый,
Добрый Инмар
Кылчин, вот!

Душу-кровь тебе пе-
редадим, мой Милый,
Добрый Инмар
Кылчин, вот!

Сегодня жертвопри-
ношение совершив,
проводим, мой Милый,
Добрый Инмар
Кылчин, вот!

Oste, my dear, good
Inmar Kylchin, there!

Standing with our
village unanimously¹
we have prayed,
promising to carry
out a village sacrifice,
my dear good Inmar
Kylchin, there!

Giving a white ewe,
giving a white goose²,
we pray, my dear, good
Inmar Kylchin, there!

We give you its soul and
blood³ my dear, good
Inmar Kylchin, there!

Today, having
completed the
ceremony, we shall close
it, my dear, good Inmar
Kylchin, there!

<i>Уапум вуон дыргя азыла- палан курыськыса-вё- сяськыса улон нуналъ- ёстэ сётыса улысалэд ке вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	В свою пору в предстоящем подавал бы молитвенные- жертвенные дни, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	At the right time, in the future, would you live giving ⁴ us days of life to pray and sacrifice, my dear, good Inmar Kylchin, there!
<i>Шумпотыса тыр тусьты кутыса потй- мы, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	С радостью, полные чаши держа, выпшли, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Rejoicing we came out holding a full bowl ⁵ , my dear and good Inmar, there!
<i>Уапум вуон дыргя зеч малпанъёсты зеч калыкедлы сётыса улысалэд ке вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	В свою пору благие мысли добрым людям своим подавал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	When the time comes, would you give good thoughts to your good people, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Шумпотыса, тусьты кутыса улыны нуналъ- ёстэ сётыса улысалэд ке бэндэедлы, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Радостно, держа чаши жить дни, если бы подавал, созданиям своим, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Rejoicing, would you allow your creatures to live days holding a bowl, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Остэ, Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Инмар Кылчин, вот!	Oste, my Inmar Kylchin, there!
<i>Тыр тусьты кутыса курыськиськом, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Полные чаши держа, молимся, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Holding a full bowl, we pray, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Гуртэн вöсьмес вöсяны сйзиськыса курыськиськом вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Провести деревенское жертвоприношение обещая, молимся было, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	We have prayed promising our village sacrifice, my dear and good Inmar Kylchin, there.
<i>Вордэм пудоосын зечкын шумпотыса улыны тазалыкъёстэ сётыса улысалэд ке, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	С разводимой скотиной по-хорошему, радостно жить, здоровье подавал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	With the animals we grow, would you allow us to live well and rejoice, would you give us health ⁶ , my dear and good Inmar Kylchin, there!

<i>Шукна шунды жузаку шумпотыса султыса кыре-лудэ потыса ужан нуналгёстэ сётыса улысалэд ке вал, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	Утром при восходе солнца радостно пробудившись, на луга- поля выйдя работать дни подавал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	In the morning, when the sun rises, rejoicing would you give us working days out in the fields, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Кизем-пальккем няня- кайёсыз возь был кадь, вож был кадь далтыса будонгёстэ сётыса улысалэд ке вал, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	Посеянному- разбросанному хле- бушку, словно на зеле- ных лугах своих, бур- ный рост подавал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Our sown and spread cereals as in the green fields, would you give them strong growth, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Уапум вуон дырдя шуныт-небыт зоргёстэ сётыса ул вал, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	В нужную пору теплые-мягкие дожди свои подавай, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	When the time comes, would you give warm and soft rain ⁷ , my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Кизем-пальккем нянякайёсыз октон- калтон дырдя жеч шулдыр нуналгёстэ сётыса улысалэд ке вал, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	Посеянные- разбросанные хлебушек, когда убираем-прибираем, хорошие веселые дни если бы подавал, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Our sown and spread cereals, when comes the time for harvest, would you give good, nice days, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Милесьтым ўкынэммес ачид тодад вайыса улысалэд ке вал, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	Наше покаяние сам если бы припоминал, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Would you recognise our repentance, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Чик тодэ вайымтэ бэндэос но уань, дыр, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	Совсем забытые создания твои есть, наверное, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	There are forgotten creatures among your people, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Жанзэ сётэмед, жон жэрдэм сётыса ул вал, мусо бур Иммаре Кылчинэ, тэни!</i>	Душу дал, достойную подмогу оказывал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	You have given soul, would you give help, my dear and good Inmar Kylchin, there!

<i>Тазалык, капчилык сётъыса улы вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Здоровье, легкость подавал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Would you give health, lightness, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Гуртэн вöсьмес сйзись- кыса куриськиськом вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Провести деревенское жертвоприношение обещая, молимся было, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	We have prayed promising our village sacrifice, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Кудзэ азьло верась- ко, дыр, кудзэ берло верасько, дыр,</i>	Что-то сначала говорю, наверное, что-то в конце говорю, наверное,	Something I say at the beginning, perhaps, something I say later, perhaps ⁸ ,
<i>Ачид кабыл карыса ул вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни! Оминь!</i>	Сам благосклонно принимал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот! Аминь!	Yourself receive with favour ⁹ , my dear and good Inmar Kylchin there! Amen!
<i>Остэ, Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Инмар Кылчин, вот!	Oste, my Inmar Kylchin, there!
<i>Гуртэн вöсьмес сйзись- кыса куриськиськом вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Провести деревенское жертво-приношение обещая, молимся было, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	We have prayed promising our village sacrifice, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Тöдь ыж сётъыса, тöдь зазег сётъыса курись- киськом-вöсяськись- ком, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Белую овцу отдавая, белого гуся отдавая, молимся-жертвуем, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Giving a white ewe, giving a white goose, we pray and sacrifice, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Лүлзэ-вирзэ аслыд тапшыром, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Душу-кровь тебе передадим, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	We give you its soul and blood, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Лүлзэ-симзэ аслыд тапшыром, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Душу-глаза тебе передадим, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	We give you its soul and eyes, my dear and good Inmar Kylchin, there!

<i>Занзэ сётэм бэндэосыдлы жонзэ сётыса, жэрдэм сётыса ул вал бэндэосыдлы, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Душой одаренным созданиям своим достоинство подавая, подмогу оказывал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	To your creatures gifted with a soul giving them your dignity, would you give health to your creatures, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Партэмзэ кузнало карыса улыны сётысалэд ке, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	Кто без пары, с супругой сделав, жизнь подал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	To those who are without a spouse, by giving them a spouse, would you give them a life, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Кузналэныз татулык улонжётэ сётыса улысалэд ке вал, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	С супругой согласную жизнь свою подавал бы, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	Would you give your life with one's spouse in harmony ¹⁰ , my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Ог пал шунды жужантйысен, мукет шунды пуксытозь шунит-небыт музъем мамык вылад шумпотыса ужаса ветлон нуналжётэ сётыса улысалэд ке бэндэосыдлы, мусо бур Имаре Кылчинэ, тэни!</i>	От восхода солнца начиная, и до заката солнца на теплом-мягком земном хлопке твоём работать дни подавал бы своим созданиям, мой Милый, Добрый Инмар Кылчин, вот!	From sunrise until sunset, would you give your creatures days of going to work with joy, to walk on earth as soft as cotton, my dear and good Inmar Kylchin, there!
<i>Кортэз бордын ужаседлы, сюрес бордын [...]</i>	Работающим с железом, на дороге [...]	To those who work with iron, near the road [...]
<i>Кабыл кар вал. Оминь.</i>	Принял бы благо-склонно. Аминь.	Would you receive with favour. Amen.

Записано (место)

д. Вязовка

Collected in (place)

Vyazovka

Записано (время)

1998

Collected in (time)

1998

Собиратель

Демин, Игорь Семенович
горняком, машинистом
экскаватора разреза
“Междуреченский“, приехавшим
летом в д. Вязовка к родителям
своей супруги.

By

Igor' Semyonovich Demin
Miner, excavator driver on the
“Mezhdurechenskiy” section,
spending summer in Vyazovka
at his wife's parents place.

Информант

жрец Туктакиев Хабибъян,
1931 г. р.

From

Khabibyan Tuktakiev, sacrificial
priest, born 1931

Перепись

Садиков, Р. Р.

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Устный текст, видео запись

Format of original

Oral text, video record

Comments

1. As with many *kuris'kon*, this one begins with is opened by the formula “with our village, unanimously”. In other cases, this it is a request to “make all the villagers like the sons and daughters of one mother and father”, although here this is not so. It is worth noticing that the Udmurt expression unanimously is a compound formed to mean “from one tongue and one eye”.
2. In this ceremony, at the end of the 20th century, there are two sacrificial animals, a goose and a ewe. Both are white, and as they are addressed to the white god.
3. Here, and throughout all along the prayers, we find a large number of double expressions. In Udmurt, they form a single hyphenated item, and this is a characteristic not only of prayer language, but also of Udmurt language in general (for example in Udmurt, “parents” is “mother–father”). This kind of expressive means is not characteristic in English, but we try to follow keep this peculiarity as faithfully as we can, connecting the two words using ‘and’ instead of a hyphen.

4. There are lots of ways to ask for what is needed: here, the Udmurt formula is “would you live giving us days of life”.
5. The priest, while praying, holds a bowl of different foods, depending on the prayer. For the promise of a sacrifice, it is usually porridge without meat.
6. In the Udmurt text, health is a form of plural, which adds a more abstract understanding of the word.
7. These ceremonies take place in June. The fear of draught is always present, for rain is vitally important in order to have a good harvest. The Udmurt have also other rituals asking for rain when the weather is too dry, and they have a solid reputation in the region for being good rain-bringers: their Tatar neighbours used to say that when the Udmurt pray, rain comes.
8. This is a very common expression at the end of the prayers, expressing Udmurts’ feeling that they have forgotten much that was known previously.
9. This is a widespread expression in the prayers, asking God to accept with favour the sacrifice.
10. Harmony is certainly one of the main requirements of Udmurt life. Conflict is a terrible situation in which the Udmurts do not feel comfortable.

Комментарии

1. Как и многие *куриськоны*, этот открывается формулой “с нашей деревней, единодушно”. В других случаях это просьба “сделать всех жителей деревни как сыновей и дочерей одной матери и отца”, но здесь нет. Стоит заметить, что удмуртское выражение “единодушно” является составным, образованным в значении “с одного языка и одного глаза”.
2. В этом обряде в конце XX века используются два жертвенных животных – гусь и овца. Оба белые, так как обращаются к “белому богу”.
3. Здесь, как и на протяжении всей молитвы, мы встречаем большое количество двузначных выражений. В удмуртском языке они образуют один дефисный элемент, и это характерно не только для языка молитв, но и для удмуртского языка в целом (например, в удмуртском языке “родители” – это “мать–отец”). Подобное выразительное средство не характерно для английского языка, но мы стараемся максимально правдиво сохранить эту особенность, соединяя два слова через “и” вместо дефиса.

4. Есть много способов попросить о том, что нужно: здесь удмуртская формула звучит так: “Жили бы вы, давая бы нам дни жизни”.
5. Жрец, читая молитву, держит в руках чашу с едой, отличающейся в зависимости от молитвы. Для обещания жертвоприношения это обычно каша без мяса.
6. В удмуртском тексте здоровье стоит во множественном числе, что добавляет более абстрактное понимание этого слова.
7. Эти обряды проводятся в июне. Страх перед засухой присутствует всегда, поскольку дождь жизненно необходим для хорошего урожая. У удмуртов есть и другие ритуалы с просьбой о дожде, когда погода слишком сухая, и они имеют прочную репутацию в регионе как хорошие предсказатели дождя: соседи-татары говорят, что, когда удмурты молятся, дождь идет.
8. Это очень распространенное выражение в конце молитв, выражающее чувство удмурта, что он забыл многое из того, что было известно ранее.
9. Это широко распространенное выражение в молитвах, просящее Бога принять с благосклонностью жертву, о которой идет речь.
10. Гармония, безусловно, является одним из главных требований удмуртской жизни. Конфликт – это ужасная ситуация, в которой удмурты не чувствуют себя комфортно

2. The Vilgurt group: *Гурт вӧсь Bal'zyuga* 2002: Prayer to promise the village sacrifice (*Бальзюга Гуртэн вӧсь сӱзиськон* 2002) / Вильгуртская группа: в Малой Бальзюге 2002: молитва с обещанием деревенского жертвоприношения

<i>Остэ, ӝугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Остэ, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, вот.	Oste, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн-а-тайлэн нылыз-пиез кадь луса, тани тыр шыдэн сӱзиськисько,</i>	Всей деревней став единодушными, слово-но одних матери-отца дочери-сыновья, вот полным супом обещание жертвоприношения провожу,	Being with the village unanimously ¹ , like daughter and son of the same mother and father, Here I promise with a whole soup ² [a sacrifice]
<i>ӝугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Шумпотсалмы, шуд-дэ-бурдэ сётса мын вал, ӝугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Обрадовались бы, счастье-радость подавая, шел бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, вот.	We would rejoice, if you would give us your happiness and welfare, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Тулыс виясь вуэд сяин, чор виясь вуэд сяин азвесь кыльльымон сётса ке мынсалэд,</i>	Словно текущие внешние воды, словно журчащие воды, как серебро став, жить если бы давал,	Like your flowing spring waters, like your murmuring waters, would you give us to become like silver,
<i>ӝугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Бусые потон вапум дырӟа тани, пельпум капчиликъёстэ ачид сётса ке мынсалэд,</i>	В пору выхода на поле, вот, легкости своей плечам давал бы,	When the time comes to go to the field, would you give yourself your lightness ³ to our shoulders,
<i>ӝугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.

<i>Шумпотсалмы, шуддэ-бурдэ сётса мын вал,</i>	Обрадовались бы, счастье-радость подавая, шел бы,	We would rejoice, if you would give us your hap- piness and welfare
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there
<i>Пудоез кыре поттон дыръя, ыштэк ческыт вуостэ, турынь- ёстэ, ческыт сиёнъ- ёстэ ачид сётса ке мынсалэд,</i>	В пору выгона скота на луга, частые вкусную воду, травы, вкусный корм сам подавая если бы, шел,	When the time comes to take the livestock out- doors, would you give yourself abundantly tasty water, herbs, tasty food,
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there
<i>Шумпотсалмы, шуддэ-бурдэ сётса мын вал, жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Обрадовались бы, сча- стье-радость подавая, шел бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	We would rejoice, if you would give us your happiness and welfare, my bright, white, good Inmar Kylchin, there
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн- атайлэн нылыз-пиез кадь луса</i>	Всей деревней став единодушными, слов- но одних матери-отца дочери-сыновья,	Being with the village unanimously, like daughter and son of the same mother and father,
<i>тани тыр шыдэн сйзиськисько, жугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани.</i>	вот полным супом обещание жертвоприношения провожаю, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Here I promise [a sacrifice] with a whole soup, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Усыяны потон вапум дыръя, пельпум капчылыкёстэ ачид сётса ке мынсалэд,</i>	В пору выхода на бороньбу, легкости своей плечам сам подавая, если бы шел,	When the time comes to go out with the plough, would you give us your- self your lightness on the shoulders
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there

<i>Камыш куроен, куа- мын куроен далтыты- са ке мынсалэд,</i>	С камышовыми сте- блями, с тридцатью соломинками уrojдая, если бы шел,	With stems as reeds, with thirty ⁴ wisps of straw would you make them grow,
<i>Эугыт тодды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Кабыл карса басьты вал, Эугыт тодды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Принял бы благо- склонно, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Please receive with favour, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн- атайлэн нылыз-пиез кадь луса,</i>	Всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дочери-сыновья,	Being with the village unanimously, like daughter and son of the same mother and father,
<i>тани тыр шыдэн сйзиськисько,</i>	вот полным супом обещание жертвопри- ношения провожу,	Here I promise [a sacrifice] with a whole soup, my bright, white, good Inmar Kylchin, there
<i>Эугыт тодды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Шумпотсалмы, шуддэ-бурдэ сётса мын вал, Эугыт тодды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	обрадовались бы, счастье-радость подавая, шел бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	We would rejoice, if you would give us your happiness and your welfare, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Сапрак гинэ небыт зорёстэ ачид сётса ке мынсалэд,</i>	Обильно свои мягкие дожди подавая, если бы шел,	Abundantly would you give yourself soft rains,
<i>Эугыт тодды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Силедлэсь-дауэдлэсь ачид сакласа ке мынсалэд,</i>	От ураганов-бурь сам оберегая, если бы шел,	Would you protect us from your hurricanes and storms

<i>Эугыт тӧдвы бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Лек пужмерѣслэсь ачид сакласа ке мынсалэд,</i>	От покрытия сильным инеем сам оберегал бы,	Would you protect [us] yourself from evil frosts,
<i>Эугыт тӧдвы бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Шумпотсалмы, шуддэ-бурдэ сётса мын вал,</i>	Обрадовались бы, счастье-радость подавая, шел бы	We would rejoice, if you would give us your happiness and welfare,
<i>Эугыт тӧдвы бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гид тыр пудоед, тани чышконо ыжед, кыско- но скалэд, вӧё вышкы- ен, муо вышкыен ачид сётса ке мынсалэд,</i>	Скотины полный хлев, стригомых овец, дойных коров, кадки с маслом, кадки с медом сам подавая, если бы шел,	A barn full of your live- stock, there, your lambs to be sheared, your cows to be milked, barrels of butter, barrels of honey ⁵ , would you give them [to us],
<i>Эугыт тӧдвы бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Азбар тыр ёѳж-ѳазе- ген гурлашыса улон сётса ке мынсалыд,</i>	Уток-гусей полным двором воркуя, жить давая, если бы шел,	Would you allow [us] to live with a yard full of cackling ducks and geese,
<i>Эугыт тӧдвы бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Мушо вуэн улны ачид сётса ке мынсалэд,</i>	С медовой водой жить давая, если бы шел,	Would you give [us] to live with honeyed water,
<i>Эугыт тӧдвы бур Инмаре-Кылчинэ, тани. Оминь!</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот. Аминь!	my bright, white, good Inmar Kylchin, there. Amen!
<i>Ми кабыл карыса басьтйськом,</i>	Мы принимаем благосклонно,	We receive with favour,

<i>Эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Остэ, Эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Остэ, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Oste, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн- атайлэн нылыз-пиез кадь луса,</i>	Всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дочери-сыновья,	Being with the village unanimously, like daughter and son of the same mother and father,
<i>тани тыр шыдэн сйзиськисько, Эугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани.</i>	вот полным супом обеща- ние жертвоприношения провожу, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Here with a whole soup [a sacrifice] I promise [a sacrifice], my bright, white, good Inmar Kylchin, there
<i>Араны потон вапум дыръя тани, пельпум капчилыкӥстэ ачид сётса ке мынсалэд,</i>	В пору выхода на жатву, легкости своей плечам сам подавая если бы шел,	When it is time to go out for the harvest, would you give your lightness to our shoulders,
<i>Эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Суслон вӧзы суслон пуктыса ке мынсалэд,</i>	Суслон к суслону ста- вя, если бы шел,	Would you put haystack by haystack, ⁶
<i>Эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Кабан пыртон дыръя, пар вал тыр сётса ке мынсалэд,</i>	В пору скирдования на двух конях запряжку [возить] подавая, если бы шел,	When the time comes to move haystacks, would you give a couple of horses,
<i>Эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Та кабанэз паськыт карылыса потымон сётса ке мынсалэд,</i>	Скирды широкими делая, идти, подавая, если бы шел,	Would you give [us] to make wide haystacks,
<i>Эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.

<i>Кабантёсмес липем улэ пыртон дыргя тани, липон дыр сётса ке мынсалэд,</i>	Когда скирды под навес свозим, навесы ставить время давая, если бы шел,	When we move our haystacks under a canopy, would you give [us] time to set the canopy,
<i>жугыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Туэ нош сюлысэн-пу- жен басьтон дыргяз тани, синонтэм ды- ррёстэ ачид сётса ке мынсалэд,</i>	В этом году тоже лотком-ситом, когда берем, нескончаемое время сам подавая, если бы шел,	This year when we take a tray and sieve, would you give us your infinite time,
<i>жугыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Тылпу гаудэослэсь ачид сакласа ке мынсалэд,</i>	От вспыхивания пожа- ров сам оберегал бы,	From the outbreak of fire would you protect [us],
<i>жугыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн- атайлэн нылыз-пиез кадь луса,</i>	Всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дочери-сыновья,	Being with the village unanimously, like daughter and son of the same mother and father,
<i>тани тыр шыдэн сйзиськисько, жугыт тёдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани.</i>	вот полным супом обещание жертвопри- ношения провожу, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Here I promise [a sacrifice] with a whole soup, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Шуныт ки вылад басьтыса мын вал, жугыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	В теплые руки свои взяв, шел бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Would you take [us] on your warm hands, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Чередлэсь-чуредлэсь ачид сакласа ке мынсалэд,</i>	От болезней-хворей сам оберегая, если бы шел,	From your illness and disease would you protect [us],

<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Кыл жӧнгышонъёслэсь ачид скаласа ке мынсалэд,</i>	От словесных ошибок сам оберегал бы,	From slips of the tongue would you protect [us]
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани. Оминь!</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Ми кабыл карыса басьтӧйськом, жугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани.</i>	Мы принимаем благо- склонно, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	We receive with favour, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Остэ, жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Остэ, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Oste, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн- атайлэн нылыз-пиез кадь луса,</i>	Всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дочери-сыновья,	Being with the village unanimously, like daughter and son of the same mother and father,
<i>тани тыр шыдэн сӧзиськисько, жугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани.</i>	вот полным супом обещание жертвопри- ношения провожу, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Here I promise [a sacrifice] with a whole soup, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Четэ потэм бӧндэд тани, буш мешокен потса кошкыса, тыро мешокен бертса ке пырысалзы,</i>	Ушедшие на чужбину создания твои, вот, с пустыми мешками уйдя, с полными мешками если бы возвратились,	Your creatures who went abroad with empty bags, there, would you give [them] to come back with their bags full,
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Кыл жӧнгышонъёслэсь ачид скаласа ке мынсалэд, жугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани</i>	От словесных оши- бок сам оберегал бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	From slips of the tongue would you protect [us] yourself, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.

<i>Та паськам бэндэослы жеч иворъёс сётса ке мынсалэд,</i>	Попавшим [в застенки] людям, добрые вести подавал бы,	To the people [in pris- on], would you give them good news,
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Та толзед, хэтэр шундыед кадь улыны сётса ке мынсалэд,</i>	Подобно луне твоей, солнцу твоему жизнь подавал бы,	would you give [us] to live like your moon, like your stunning sun,
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Кузьыли каръякыса кылле, кузьыли каръ- яськем кадь улыны сётса ке мынсалэд,</i>	Муравьи гнездятся, словно гнездящиеся муравьи, жить давая, если бы шел,	The ants make a nest, would you give [us] to live like ants making their nest,
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Кӧкыын саби кылле, кӧкыын саби кыллем кадь улыны сётса ке мынсалэд,</i>	В колыбели ребенок находится, словно ребенку в колыбели, жить давая, если бы шел,	The infant lies in the cradle, would you give [us] to live like an infant in the cradle,
<i>Гижы-пиньёслэсь ачид сакласа ке мынсалэд,</i>	От когтей-зубов сам оберегал бы,	Would you protect us from claws and teeth,
<i>жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Остэ, жугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Остэ, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	Oste, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Гуртэн огкылсинмысь луса, ог анайлэн- атайлэн нылыз-пиез кадь луса,</i>	Всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дочери-сыновья,	Being with the village unanimous, like daughter and son of the same mother and father,
<i>тани тыр шыдэн сйзиськисько, жугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ, тани.</i>	вот полным супом обещание жертвопри- ношения провожу, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, вот.	Here I promise with [a sacrifice] a whole soup, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.

<i>Шумпотсалмы, шуддэ-бурдэ сётса мын вал, эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	Обрадовались бы, счастье-радость подавал бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	We would rejoice, if you would give [us] your happiness and welfare, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Сйзъыл виясь вуэд сяин, чор виясь вуэд сяин азвесь кадъ улымон сётса ке мынсалэд,</i>	Словно текущие осенние воды, словно журчащие воды, ка серебро став, жить давая, если бы шел,	Like your flowing spring waters, like your mur- muring waters, would you give us to have a life like silver,
<i>эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Лымы жокатонгёслэсь ачид сакласа ке мынсалэд,</i>	От удущения снегом [посевов] оберегал бы,	From having the snow smothering [the sowing] would you protect [us],
<i>эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ, тани.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин, вот.	my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Оло азьзэ верасько, эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ,</i>	Может быть начало говорю, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин,	Perhaps I say the beginning, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>оло берзэ верасько, эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ,</i>	может быть конец говорю, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин	Perhap I say the end, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>милесьтым вут- тымтэосыз ачид вуттыса мын, эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	недоделанное нами, сам доделывая, иди, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	What we have failed to achieve, do it yourself, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>Шуньит ки вылад басьтыса мын, эугыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ,</i>	В теплые руки свои взявши, иди, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин,	Take [us] on your warm hand, my bright, white, good Inmar Kylchin, there.
<i>кабыл кар, эугыт тӧдды бур Инмаре- Кылчинэ. Оминь!</i>	прими благосклонно, мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин. Аминь!	Receive with favour, my bright, white, good Inmar Kylchin, there. Amen!

Записано (место)

д. Малая Бальзюга

Collected in (place)

Malaya Bal'zyuga

Записано (время)

2002

Collected in (time)

2002

Собиратель

удмуртской журналисткой
О. Гильмурановой

By

O. Gil'muranova, Udmurt journalist

Информант

жрец Садриев Назип Садриевич
1930 г. р.

From

Nazip Sadriev, sacrificial priest,
born 1930

Расшифровка

О. Гильмурановой

Transcription

O. Gil'muranova

Формат оригинала

Газетная публикация

Format of original

Newspaper publication

References / Публикация

Воськылтёс. *Ошмес* 2002.06.06. No 23.

Владыкин, В. Е. & Виноградов, С. Н. 2010. *Удмурт оскон: вайкала курыськонтёс, вöсяськонтёс, статьяос*. Ижевск. 88–91.

Vös'kyl'yos (prayers). *Oshmes* 2002.06.06, No 23.

Vladykin, Vladimir & Vinogradov, Semyon. *The Udmurt religion*.

Comments

This is a very long prayer also promising a sacrifice. Except the sentence in which the sacrifice is promised, the rest of the prayer is identical to the text uttered for the other prayers.

1. See comment 1 in the previous text.
2. Soup is a metonymic word representing, more generally, food. The sacrificial priest who utters this prayer has in his hands a bowl probably of porridge, in other cases of soup, with the word 'soup' expressing its generality.
3. This is also an ordinary request in prayers. It means literally 'give me strength to achieve my work in the field', but as with most expressions in prayers, it is a metonymy for all of the person's life.

4. The metaphorical numbers that appear in prayers are usually connected with either 3 or 7, which are for the Udmurt (and others) sacred numbers. They all mean, simply, 'many'.
5. In Udmurt, requests are formulated with a softer form of imperative. In English, we translate it systematically by adding "please", while keeping the imperative.
6. Butter and honey are metaphors for wealth.
7. In the passage that follows the priest asks for Udmurt success in agricultural work, both in cultivating grain and in gathering hay for livestock. In this particular version, they ask for time to complete their tasks.

Комментарии

Это очень длинная молитва, также обещающая жертвоприношение. За исключением предложения, в котором действительно обещана жертва, остальная часть молитвы идентична тексту других молитв.

1. См. комментарий 1 в предыдущем тексте.
2. Суп – это метонимическое слово, обозначающее, в более общем смысле, пищу. Жрец, произносящий эту молитву, держит в руках миску, возможно, с кашей, в других случаях с супом, и слово "суп" выражает его универсальность.
3. Это также обычная просьба в молитвах. Она означает буквально "дай мне силы для достижения моей работы на поле", но, как и большинство выражений в молитвах, это метонимия для всей жизни человека.
4. Метафорические цифры, появляющиеся в молитвах, обычно связаны либо с 3, либо с 7, которые являются для удмуртов (и не только для них) священными числами. Все они означают просто – много.
5. В удмуртском языке просьба выражается в более мягкой форме императива. Мы используем в переводе слово "пожалуйста", чтобы выразить это смягчение, сохраняя при этом императивную форму.
6. Масло и мед – метафоры богатства.
7. Во всем последующем отрывке жрец просит об успехе в сельскохозяйственных работах для удмуртов: как в выращивании зерна, так и в заготовке сена для скота. Именно в этом варианте они просят, чтобы они справились со своими задачами.

3. The Vilgurt group: *mör vös'* Promise of a sacrifice 2013 (Вильгурт мör вöсь сүзиськон 2013) / Вильгуртская группа: Обещание жертвоприношения на мör вöсь 2013

*Эстэ, мусо, жүгыт,
тöдьы, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Oste, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin, there!

*Мör вöсь карыса
сүзиськиськом, мусо,
жүгыт, тöдьы, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Проводим сизиськон
на Мör вöсь, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

We hold the sizis'kon to
the Mör vös', my dear,
bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Гурт калыкен, эль
калыкен ог анайлэн-
атайлэн нылыз-пиез
кадь луыса улыны ачид
сётыса мынысалэд ке,
мусо, жүгыт, тöдьы,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Вместе с односельчана-
ми, вместе с жителями
страны, как дочерям
и сыновьям одних
матери-отца, если бы
сам подавая возмож-
ность жить, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

Would you yourself
give [us] the possibility
to live with our fellow
villagers, with the
inhabitants of the
country, like daughter
and son of the same
mother and father, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Усыяны потон
уапум дыръя пельпум
капчылыкёстэ, син
азь сайкытлыкёстэ
ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
жүгыт, тöдьы, бур
Иммэре Кылчинэ.*

В пору выхода на
боронование, если бы
сам легкости плечам,
ясности перед глазами,
подавая, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

At harrowing time,
would you give [us]
yourself your lightness
on the shoulders, your
clearness in front of the
eyes, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin.

*Эстэ, мусо, жүгыт,
тöдьы, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Oste, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

*Пудоёс кыре потон
уапум дыръя ческыт
турымен, ческыт вуэн
сётыса мынысалэд ке,
мусо, жүгыт, тöдьы,
бур Иммэре Кылчинэ.*

В пору выхода скотины
на просторы, если бы
вкусной травой, вкусной
водой подавая, шел,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

When we direct the
animals to the pasture,
give [them] yourself
tasty grass, tasty water,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin.

*Выдон-погыльскон
интызэс мамык кадь
небыт карыса сётыса
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Их место лёжки-пе-
рекатывания, если
бы словно хлопок,
мягким, делая, шел,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

The resting and
slaughtering place
[of the animals], would
you make it soft, like
cotton, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin.

*Эстэ, мусо, эугыт,
тӧдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin, here!

*Кизем-пальккем
эуосыз камыж куроен,
куамын куроен, азвесь
тысё, зарни выжсыё
карыса далтытыса
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Посеянные хлеба со
стеблями камышовыми, с
тридцатью соломинками,
с серебряными зернами,
золотыми корнями,
если бы делая, шел, мой
Милый, Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин.

Would you make your-
self the crops we sowed
have stems like reeds,
have thirty straws,
with silver grains, with
golden roots, my dear,
bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Эстэ, мусо, эугыт,
тӧдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin, here!

*Лек пужмергёслэсь,
лек зоргёсыдлэсь ачид
сакласа мынысалэд ке,
мусо, эугыт, тӧдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

От лютых заморозков,
от плохих дождей, если
бы сам оберегая, шел,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

From fierce frost, from
your bad rains, would
you protect [us] yourself,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin.

*Тылэдлэсь-пуэдлэсь
ачид сакласа
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

От пожаров-огней,
если бы сам оберегая,
шел, Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

From fires and
conflagrations, would
you protect [us] yourself,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin.

*Тэни, сапраса кыллись
кызьпуэд кадь, сапрак
гынэ шунит-небыт
зоргёстэ ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Вот, словно шелестящая
береза, плескучие
теплые-мягкие дожди,
если бы сам подавая,
шел, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин.

There, like your rustling
birch, would you give
[us] yourself rustling
warm and soft rains, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin.

<i>Ми кабыл кариськом, кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь! [... гождэмлэн висэз]</i>	Мы благосклонно принимаем, сам бла- госклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин. Аминь! [... пробел записи текста]	We receive with favour, do receive yourself with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin. Amen! [... blank in the record]
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin here!
<i>Мӧр вӧсь карыса сӧзиськиськом, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Проводим сизиськон на Мӧр вӧсь, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	We hold the sizis'kon to the Mör vös', my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Гурт калыкен ог анайлэн-атайлэн нылыз-пиез кадь луыса улыны ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	С односельчанами, как дочерям и сыновьям одних матери-отца жить, если бы сам подавая возможность, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Would you give [us] yourself the possibility to live with our fellow villagers, with the inhabitants of the country, like daughter and son of the same mother and father, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Вуын уясь чорыгед кадь тазалыктэ ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно плавающая в воде рыба твоя, здоровье свое, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your fish that swims in the water, give [us] your health your- self, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Кузьыли каръяськем, кузьыли каръяськем кадь улыны ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Муравьи живут в мура- вейнике, жить, словно муравьи в муравей- нике, если бы сам подавая возможность, шел, Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	The ants live in an anthill, give [us] the possibility to live like ants in an anthill, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Сапраса кыллись кызыпуэд кадь, сапрак гынэ шуныт-небыт зорёстэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ!</i>	Словно шелестящая береза, плескучие теплые-мягкие дожди, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your rustling birch, would you give [us] yourself your rustling warm and soft rains, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin here!
[... гождэмлэн висэз]	[... пробел записи текста]	[... blank in the record]
<i>Милесьтым вуттымтэез, ачид вуттыса мын, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Недоделанное нами, сам доделывая иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	What we did not achieve, would you achieve it yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin here!
<i>Жӧк выл тыр няняка- ен улыны ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	С хлебушком в полный стол жить, если бы сам подавая возможность, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	With a table full of loaves, would you give [us] yourself the possi- bility to live, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тйледлы эалбарытэк, кинлы эалбаромы, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	If we do not implore you ² , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Олло азылозэ верасько, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Может быть, говорю начало, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин	Perhaps I speak the beginning, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin
<i>Олло берлозэ верасько, мусо, эугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	может быть, говорю конец, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	maybe I speak the end, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Милям киямы курбон китап евол, милесьтым куриськемез кабыл карыса басьты, мусо, эугыт, тӧдӧь, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	В наших руках нет молитвенной книги, благосклонно прими наши молитвы, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин! Аминь!	In our hands there is no prayer book, receive our prayers with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin! Amen!
---	---	---

This prayer has been recorded on digital video camera by Liivo Niglas from Rais Rafikovich Rafikov, born in 1948, living in Novye Tatyshly, Tatyshly district, Republic of Bashkortostan, on Friday June 6th 2013, on the ceremony *mör vös'*.

Записано (место)

с. Новые Татышлы

Collected in (place)

Novye Tatyshly

Записано (время)

06.2013

Collected in (date)

June 2013

Собиратель

Л. Ниглас, Р. Р. Садилов,
Е. Тулуз

By

Liivo Niglas, Ranus Sadikov,
Eva Toulouze

Информант

жрец Рафиков Раис Рафикович,
1948 г. р.,

From

Rais Rafikov, sacrificial priest,
born 1948

Расшифровка

Р. Р. Садилова

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Устный/цифровая видео запись

Format of original

Oral / Digitalised video record

Comments

Rais Rafikov is one of the rare living sacrificial priests who have received their prayer in the traditional way. This is his father's prayer.

1. Here, the Udmurt text uses a diminutive of the word bread "full of loaves of little bread". There is no satisfactory way of expressing the emotional warmth of this diminutive.

2. Unexpectedly, in the Udmurt text we have here a second person plural, while until now the address to the deity has been in the second person singular. We can only suppose that this reflects some dimension of the polytheistic Udmurt worldview and the acknowledgement that Inmar-Kylchin could be, originally, a plural.

Комментарии

Раис Рафиков – один из редких ныне живущих жрецов, перенявших свою молитву традиционным способом. По сути, это молитва его отца.

1. Здесь в удмуртском тексте используется уменьшительное от слова хлеб: “Полно хлебушков”. Нет подходящего способа выразить эмоциональную теплоту этого уменьшительного.
2. Неожиданно в удмуртском тексте мы имеем здесь второе лицо множественного числа, тогда как до сих пор обращение к божеству было во втором лице единственного числа. Мы можем только предположить, что это отражает некоторые аспекты политеистического удмуртского мировоззрения и признание того, что *Инмар-Кылчин* изначально мог быть во множественном числе.

4. The Alga group: Nizhnebaltachevo village ceremony, promise of a sacrifice and prayer during the ceremony 2016 (*Сӱзиськон но вӧсяськон дыръя куриськон* 2016) / Алгинская группа: Молитва обещания жертвоприношения и молитва на протяжении деревенского обряда в с. Нижнебалтачево в 2016

(Сӱзиськыку): Осто,
югыт тӧдды бур
Инмаре-Кылчинэ!

(Во время обещания
жертвоприношения):
Осто, Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин!

(When promising
a sacrifice): Osto, my
bright, white, good
Inmar Kylchin!

*Тани быдэс гуртэн
огкылсинмысь луыса,
одӱг анай-атайлэн
нылпиосыз кадь
луыса тани тынад
азяд шыдэн-нянен
сӱзиськисько,*

Вот, всей деревней став
единодушными, словно
одних матери-отца
дети, вот перед тобой
супом-хлебом даем обет
принести жертву,

There, the whole village
unanimously, like
children of one mother
and father, there in
front of you with soup
and bread we promise,

*югыт тӧдды бур
Инмаре-Кылчинэ.*

Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин.

my bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Осто, югыт тӧдды
бур Инмаре-Кылчинэ!*

Осто, Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин!

Osto, my bright, white,
good Inmar Kylchin!

*Тани быдэс гуртэн
огкылсинмысь луыса,
одӱг анай-атайлэн
нылпиосыз кадь
луыса, (нимыз) вӧсез
ортчытыны люкаським.*

Вот, всей деревней
став единодушными,
словно одних матери-
отца дети, (название)
жертвоприношение
провести собрались.

There, the whole village
unanimously, like
children of one mother
and father, we gathered
to hold a (name of
ceremony).

*Сюрен-пелен тӧдды
ыж вандыса, лулзэ-
вирзэ, йырзэ-күкзэ
аслыд сётмыса, тынад
азяд шыдэн-нянен
йыбырттӱсько,*

Рогатую-ушастую
белую овцу заколов,
ее душу-кровь, голову-
ноги тебе отдав, перед
тобой супом-хлебом
поклоняюсь,

Sacrificing a white ewe
with horns and ears,
giving to you its soul
and blood, its head and
feet, in front of you with
soup and bread I bend¹,

*югыт тӧдды бур
Инмаре-Кылчинэ.*

Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин.

my bright, white, good
Inmar Kylchin.

<i>Ми туж шумпотысалмы милемлы азбар тыр тылобурдоен, гид тыр пудоен, чечыен-муэн улыны шуддэ-бурдэ сётысалыд ке.</i>	Мы очень обрадовались, нам с полными птиц дворами, полными скота хлевами, медом- сладостями жить счастье если подавал бы.	We would much rejoice, if you would give [us] your happiness and welfare to live with a yard full of birds, a barn full of livestock, with honey and mead.
<i>Тулыс уже потон дырря пельпум капчылыкёстэ сётысалыд ке.</i>	В пору выхода на весенние работы, легкости своей плечам, если подавал бы.	When the time of spring works comes, would you give your lightness to [our] shoulders.
<i>Милям кизем- пальккем нянякайёсмылы, мерттэм будосёсмылы сыпрак гинэ шуныт-небыт зорёстэ ке сётысалыд,</i>	Нашим посеянному- расплесканному хлебушку, посаженным растениям обильно теплые-мягкие дожди если бы подавал,	To our sown and spread cereals, to our planted plants, would you give your abundant warm and soft rains
<i>югыт тодьы бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	my bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Аслад югыт дунне вылэ яратыса сётэм бэндэосыдлы шуддэ- бурдэ, тазалыкдэ- байлыкдэ сётысалыд ке, чер-чурёслэсь, нымыр-кибыослэсь ке сакласа мынысалыд.</i>	Рожденным с любовью на белом свете созданиям твоим, счастье, здоровье, богатство свои, если бы подал, от болезней- хворей, червей-жуков если бы, оберегая, шел.	To your creatures, given by you with love into the world, would you give your happiness and welfare, your health and your wealth, would you protect [them] from illness and disease, from worms and maggots.
<i>Милесьтым улос- вылосмес алама зор-котёслэсь, силь-дауослэсь, лымы жокатамлэсь, тылпулэсь сакласа мынысалыд ке.</i>	Наше житье-бытье от плохих дождей- сырости, ураганов- бурь, удушения снегом, пожаров если бы оберегая, шел.	Our living dwellings would you protect [them] from bad rains and wetness, from winds and hurricanes, from suffocating under the snow, from fires.
<i>Кабыл карыса басьты вал,</i>	Принял бы благосклонно,	Please receive with favour,

<i>югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ. Оминь!</i>	мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин. Аминь.	my bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!
<i>Остэ, югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ!</i>	Осто, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин!	Osto, my bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тани быдэс гуртэн огкылсинмысь луыса, одйг анай-атайлэн нылпиосыз кадь луыса тынад азяд шыдэн- нянен йыбырттйсько.</i>	Вот, всей деревней став единоклубными, словно одних матери- отца дети, вот перед тобой супом-хлебом поклоняюсь	There, the whole village unanimously, like children of one mother and father, there in front of you with soup and bread I bend.
<i>Кузьыли карын кузьылиос кыллем кадь, кӧкыын сабиед кылле, со сабиедлэн кыллемез кадь, тулыс виясь вуосыд кадь, ошмесысь азвесь виясь вуосыд кадь улыны шуддэ-бурдэ ке сӧтысалыд.</i>	Словно муравьи в муравейнике, в колыбели ребенок находится, словно тот ребенок, словно твои текущие вешние воды, словно твои родниковые серебристые воды жить счастье, если бы дал.	Like ants in an anthill, like your infant lying in the cradle, just like that child [of yours], like your spring waters flowing, like your silver waters from your spring, would you give [us] to live in your happiness and welfare.
<i>Ми туж шумпотысалмы, милям тулыс поттэм пудоосмылы жалем турындэ ке сӧтысалыд,</i>	Мы бы очень обрадовались, нашей скотине весенним выгоном сочную траву, если бы подавал,	We would much rejoice, if you would give your juicy grass to our livestock in the spring pasture,
<i>азвесь кадь чылкыт вуостэ ке сӧтысалыд,</i>	Словно серебро, чистую воду свою, если бы подавал,	If you would give them your waters as pure as silver,
<i>чер-чуръёслэсь, нымыр- кибыослэсь ке сакласа мынысалыд.</i>	от болезней-хворей, от червей-жуков оберегая, если бы шел.	If you would protect them from illness and diseases, from maggots and insects.
<i>Чумолё выжые чумолё, кабан выжые кабанэн турымъёстэ ке сӧтыса мынысалыд.</i>	К основанию стога стогом, к основанию скирды скирдой сена подавая, если бы шел.	Would you give [us] hay, at the root of a haystack, a haystack, at the root of a hay rick a rick.
<i>Чышконо ыжгӧсмес буртчин кадь ыжгоно ке карысалыд,</i>	Стригомых овец наших с шерстью, словно шелк, если бы сделал,	Our sheared ewes, would you make their wool like silk,

<i>кысконо скалѣ- ёсмес йёло-вёё ке карысалыд.</i>	дойных коров наших молочно-масляными бы сделал.	Our cows to be milked would you make them milky and buttery.
<i>Ми туж шумпоты- салмы, чет еле буш мешокен потыса кошкем бэндэосыдлы, тыр мешокен берты- мон берекетѣстэ ке сётысалыд.</i>	Мы бы очень обра- довались, ушедшим с пустым мешком на чужбину создани- ям своим, с полным мешком возвратиться изобилие если бы дал.	We would much rejoice if you would give to one of your creatures wealth, to go out with an empty bag and come back with a full one.
<i>Сюрес вылын мынон- ветлон дырѣя, бэлэ- казаослэсь ке утыса мынысалыд.</i>	В пути во время стран- ствий-путешествий от несчастий-бедствий оберегая, если бы шел.	When coming and going on the road, would you protect [us] from harm and loss.
<i>Сьёлыктам шорысь пачкам бэндэосыдлэсь ѣч иворѣс ке выттысалыд,</i>	От безвинно попавшихся созданий своих хорошие вести, если бы присылал,	From your innocent creatures in prison, would you take time to send good news,
<i>бэлэ-казаослэсь ке сакласа мынысалыд.</i>	от несчастий-бедствий оберегая, если бы шел.	From harm and loss would you protect [[us/them].
<i>Кабыл карыса басьты вал, югыт тодьы бур Инмаре-Кылчинэ. Оминь!</i>	Принял бы благо- склонно, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин. Аминь!	Receive with favour, my bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!
<i>Остэ, югыт тодьы бур Инмаре-Кылчинэ!</i>	Осто, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин!	Osto, my bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тани быдэс гуртэн огкылсиньмысь луыса, одйг анай-атайлэн нылпиосыз кадь луыса, тынад азяд шыдэн- нянен йыбырттйсько.</i>	Вот, всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дети, вот перед тобой супом-хлебом поклоняюсь.	There, the whole village unanimously, like children of one mother and father, there in front of you with soup and bread I bend.
<i>Араны потон дыр вуыса, пельпум капчилькѣстэ сётыса мынысалыд ке,</i>	С наступлением времени выхода на жатву, легкости своей плечам, подавая, если бы шел,	When harvesting time comes, would you give your lightness to [our] shoulders.
<i>милесьтым нянякай- ёсмес куамын куроен камыш кадь удалты- тысалыд ке,</i>	наш хлебушек с трид- цатью соломинками, словно камыш, если бы уродил,	Our cereals ² would you let them grow with thir- ty stems like reeds,

<i>суслон вёзы суслон пуктысалмы, кабан вёзы кабан пуктысалмы.</i>	суслон к суслону бы ставили, скирду к скирде бы ставили.	Rick close to rick would we put, haystack close to haystack would we put.
<i>Кабанъёсмы дас кык ар пукыса, вылаз бадь потымон, пот потымон берекетъёстэ сётысалэд ке.</i>	Скирдам нашим двенадцать лет простояв, с поросшей сверху ивой, с поросшей сверху лебедой стоять изобилие, если бы подавал.	Would you allow our haystacks to stand twelve years, would you give abundance with willow growing on its top, with saltbush growing on its top.
<i>Бусыысь итыме ворт- тон дыргя, пар валэн ворттымон берекетъ- ёстэ сётысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ.</i>	Когда свозим с поля в гумно, на паре лоша- дей возить изобилие если бы подавал, мой Инмар-Кылчин.	When we transport from the field to the threshing place would you give your wealth to have a couple of horses, my Inmar Kylchin.
<i>Ми туж шумпо- тысалмы кеносысь сюлысэ-пужен бась- тон дыргя кемонтэм берекетъёстэ сётыса- лыд ке.</i>	Мы бы очень обрадо- вались, когда из клетки лотками-ситками берем, нескончаемое изобилие бы подавал.	We would much rejoice, when we take from the attic with the tray and the sieve, if you would give [us] infinite wealth.
<i>Олло азьэз бераз верасько, берзэ азяз верасько, дыр, югыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ, мынэсьтым вуттымтэосме ачид шунит киулад басьтыса мын вал, югыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	Может начало в конце говорю, конец в начале говорю, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин, мною не доведенное, сам в свою теплую под- мышку взяв, шел бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	Perhaps I say the beginning at the end, the end at the beginning, my bright, white, good Inmar Kylchin, What I failed to achieve, would you take it yourself in your warm armpit, my bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Милесьтым куриськемъёсмес кабыл карыса басьты вал, югыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	Наши молитвы благоклонно принял бы, мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	Please receive our prayers with favour, my bright, white, good Inmar Kylchin.

<i>Кабыл карыса басьты,</i>	Прими благосклонно,	Receive with favour, my
<i>Инмаре-Кылчинэ!</i>	мой Инмар-Кылчин.	Inmar Kylchin! Amen!
<i>Оминь!</i>	Аминь!	

Записано (место)

с. Нижнебалтачево

Collected in (place)

Nizhnebaltachevo

Записано (время)

06.2016

Collected in (time)

06.2016

Собиратель

Л. Ниглас, Р. Р. Садиков,
Е. Тулуз

By

Liivo Niglas, Ranus Sadikov,
Eva Toulouze

Информант

Жрец Евгений Казипович
Адуллин, 1965 г. р.

From

Evgeniy Adullin, sacrificial priest,
born 1965

Расшифровка

Р. Р. Садикова

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Лист (формат А4)
с распечатанным на лазерном
принтере

Format of original

A 4 paper sheet, printed on laser
printer

Comments

This prayer is a modification of the text by Salim Shakirov, sacrificial priest in Novye Tatyshly. It is read from an A4 sheet printed on laser printer.

1. This is to be taken literally. While the sacrificial priest stands straight holding a bowl with whatever food is required uttering the prayer, when he says "Omin" he indeed bends and the whole community, which is kneeling behind him, bends their heads to the earth.
2. Literally, little loaves of bread, using the Udmurt diminutive which adds an emotional and warm connotation to the sentence.

Комментарии

Эта молитва, записанная в 2016 году от жреца Евгения Адуллина во время обряда в селе Нижнебалтачево (проводимого совместно с деревней Алга), произносится как на обрядах деревни, так и нескольких деревень. Это модификация текста Салима Шакирова, жреца в с. Новые Татышлы. Зачитывается с листа формата А4, распечатанного на лазерном принтере.

1. Это следует понимать буквально. Жрец, стоит прямо, держит чашу с едой и произносит молитву, но когда говорит “*Омин*”, он действительно наклоняется, и вся община, стоящая на коленях позади него, склоняет головы к земле.
2. Буквально, хлебушки, с удмуртским уменьшительным, которое придает предложению эмоциональный и теплый оттенок.

5. The Vilgurt group: *mör vös'* prayer in Novye Tatyshly 2013
(Вильгурт мör вöсь куриськон 2013) / Вильгуртская группа:
молитва во время мör вöсь в с. Новые Татышлы, 2013

<i>Эстэ, мусо, жугыт, тöдвы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, dear, bright, white, my good Inmar Kylchin, here!
<i>Тйледлы залбарытэк, кинлы залбаромы, мусо, жугыт, тöдвы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	If we won't worship you ¹ , who shall we worship, my dear, bright, white, my good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тöдвы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Усыяны потон уапум дыръя, пельпум капчилыктьёстэс, син азь сайкытлыктьёстэс ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тöдвы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	В пору выхода на боро- нование, если бы сам да- вал легкость свою пле- чам, ясность свою перед глазами подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	At harrowing time, would you give your lightness to [our] shoulders, your clearness in front of [our] eyes, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Пудоёс кыре потон уапум дыръя, ческыт вуэн, ческыт турымен сётыса мынысалды ке, мусо, жугыт, тöдвы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	В пору выхода скотины на просторы, если бы сам вкусной травой, вкусной водой пода- вая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Му-Кылчин!	When we send the animals to the pasture, would you give them yourself tasty grass, tasty water, my dear, bright, white, good Inmar, Mu-Kylchin!
<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вуттыса мын, мусо, жугыт, тöдвы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Недоделанное нами, сам доделывая иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	What we have not finished, finish it yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Аслад сётэм бэндэосы- длы шудзэ-бурзэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Своим созданиям, счастья если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	To your creatures, given by yourself, would you give happiness and welfare, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Кизем-пальккем жуосыз камыж куроен, куамын куроен далтытыса, азвесь тысё, зарни выжыё карыса мынысалды ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Посеянные хлеба сам уродил со стеблями камышовыми, с тридцатью соломинками, с серебряными зернами, золотыми корнями делая, если бы шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Would you make our sowed and widespread crops grow with stems like reeds, with thirty stems, with silver grains, with golden roots, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Сапраса кыллись кызьпуэд кадъ, сапрак гынэ шуныт-небыт зорёстэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно шелестящая береза, плескучие теплые-мягкие дожди, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your rustling birch, would you give [us] your rustling warm and soft rains, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	If we won't worship you ¹ , who shall we worship, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Ми кабыл кариськом, кабыл карыса басьты, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	Мы благосклонно принимаем, благо- склонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин! Оминь!	We fulfil, do fulfil yourself our prayers [our prayers], my dear, bright, white, good Inmar Kylchin! Amen!
<i>Эстэ, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Мӧр вӧсез вӧсяса, сюрен-пелен ыж вандыса, лӱлэныз-виреныз тӱлледлы сӧтыса, куриськиськом, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Проводя Мӧр вӧсь, рогатую-ушастую овцу заколов, ее душой-кровью вам отдавая, молимся, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Holding the <i>mör vös</i> , we sacrifice a ewe with horns and ears giving you its ¹ soul and blood, and we pray onto you, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Гид тыр чышконо ыжен-кечен карыса улыны ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Хлева, полными стригомых овец-коз сделав, если бы сам жить возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	With barns full of sheep and goats to shear, would you give [us] yourself the possibility to live, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Кысконо ыскалдэ зӧло- вӧё карыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Дойную корову свою, если бы сам молочно- масляной делая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Your milking cow, would you make it milky and buttery, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Азбар тыр чӧж-зәзеген гӱрласа улыны ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Со дворами полными уток-гусей, воркуя жить, если бы сам возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	With courtyards full of cackling ducks and geese, would you give [us] yourself the possi- bility to live, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

*Эстэ, мусо, зугыт,
тöдöы, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

*Милесьтым
вуттымтэез ачид
вуттыса мын, мусо,
зугыт, тöдöы, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Что мы не доделали,
сам бы доделал, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

What we have not
finished, do finish
yourself, my dear,
bright, white, good
Inmar Kylchin!

*Араны потон уапум
дырöя, кырымен-
кырымен араса,
культö выжые султо,
суслон выжые суслон
пуктыса мыныны
берекетдэ ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
зугыт, тöдöы, бур
Иммэре Кылчинэ.*

В пору выхода на
жатву, горстями
сжиная, ставя копну
к копне, суслон к
суслону идти, если
бы сам изобилие
подавая, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

When the time comes
to go out harvesting,
harvesting by handful,
would you give [us]
yourself your abundance
in going, building stack
after stack, heap after
heap, my dear, bright
white, good Inmar
Kylchin!

*Кабанэз дас кык
ар улыса, зылаз
пот потымон, бадö
потымон берекетдэ
ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
зугыт, тöдöы, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Скирды двенадцать
лет простояв,
верхушкам ивой
порасти, лебедой
зарасти изобилие, если
бы сам подавая, шел,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

Would you give [us]
yourself good fortune
to have hay stacks for
twelve years, so that on
the top willows would
grow, orch would grow,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin!

*Итымисен амбаре
басьтон дырöя, амбар
тыр берекетдэ ачид
сётыса мынысалэл ке,
мусо, зугыт, тöдöы,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Когда берем с овина
в изобилия в полный
амбар, если бы сам
подавая шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

When we bring [crops]
from the threshing hall to
the barn, would you give
[us] yourself your abun-
dance to have a full barn,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin!

*Кеносись пужен-
сюлысэн басьтон
дыръя, гыркез-гопез
шөдйёсконтэм
берекетдә ачид сётыса
мынысалэл ке, мусо,
жугыт, төдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

*Эстэ, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

*Тйледлы жалбарытэк,
кинлы жалбаромы,
мусо, жугыт, төдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

*Эстэ, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

*Милесьтым курись-
кемез кабыл карыса
басьты, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ.*

*Ми кабыл кариськом,
кабыл карыса басьты,
мусо, жугыт, төдды,
бур Иммэре Кылчинэ.
Оминь!*

*Эстэ, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ. тэни!*

*Тйледлы сюрен-пелен
ыж вандыса, лүлэныз-
виреныз тйледлы
сётыса куриськиськом,
мусо, жугыт, төдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Из клетки решетами-
лотками когда берем,
углублений-ям
нечувствуемого изобилия,
если бы сам подавая,
шел, мой Милый,
Светлый, Белый, Благой
Инмар, Кылчин!

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин!

Если вас не будем
умолять, кого будем
умолять, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин!

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин!

Наши молитвы при-
ми благосклонно, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

Мы благосклонно
принимаем, прими
благосклонно, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин! Аминь!

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин!

Вам рогатую-ушастую
овцу заколов, ее ду-
шой-кровью вам отдавая,
молимся, мой Милый,
Светлый, Белый, Благой
Инмар, Кылчин!

When we take from
the barn, would you
give [us] yourself your
abundance so that no
hole or socket remain
after us my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

If we won't worship
you¹, who shall we
worship, my dear,
bright, white, good
Inmar Kylchin!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

Fulfil our prayers, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin!

We fulfil, do fulfil your-
self [our prayers], my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin! Amen!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

Giving you¹ the soul
and the blood of a ewe
with horns and ears,
we pray onto you¹, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin!

<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	If we won't worship you ¹ , who shall we worship, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Сапраса кыллись кызыпуэд кадь, сапрак гынэ шуныт-небыт зорёстэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно шелестящая береза, плескучие теплые-мягкие дожди, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your rustling birch, would you give [us] your rustling warm and soft rains, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Сйзъыл виясь вуэд кадь, чор виясь вуэд кадь, азвесь кадь улыны ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно текущие осенние воды, с шумом текущие воды, словно серебро, жить, если бы сам возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your flowing autumn waters, like your waters flowing with noise, would you give [us] the possibility to live like silver, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тэни, кузбыли каръяськем, кузбыли каръяськем кадь улыны ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Вот, муравьи живут в муравейнике, словно муравьи в муравейнике, если бы сам подавая возможность, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	There, ants live in an anthill, would you give [us] the possibility to live like ants in an anthill, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Кӧкиын кыллись сабиед кадь улыны сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно младенец в колыбели жить, если бы возможность пода- вая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your infant in the cradle would you give [us] the possibility to live, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

*Аслад сётэм
бэндэосыдлы, шудзэ-
бурзэ ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
жугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

*Эстэ, мусо, жугыт,
тӧдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

*Сйзъыл виясь вуэд кадь,
чор виясь вуэд кадь,
азвесь кадь улыны ачид
сётыса мынысалэд ке,
мусо, жугыт, тӧдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

*Жӧк выл тыр
нянякаен улыны ачид
сётыса мынысалэд ке,
мусо, жугыт, тӧдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

*Милесьтым
вуттымтэз ачид
вуттыса мын, мусо,
жугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

*Эстэ, мусо, жугыт,
тӧдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

*Ми кабыл кариськом,
кабыл карыса басьты,
мусо, жугыт, тӧдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Своим созданиям,
счастья, если бы сам
подавая, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Словно текущие
осенние воды, с шумом
текущие воды, словно
серебро, жить, если
бы сам возможность
подавая, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

С хлебушком в полный
стол жить, если бы сам
подавая возможность,
шел, мой Милый,
Светлый, Белый, благой
Инмар, Кылчин!

Недоделанное нами,
сам доделывая иди,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин!

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый, Благой
Инмар, Кылчин, вот!

Мы благосклонно при-
нимаем, прими благо-
склонно, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин!

To your creatures that
you have given yourself;
would you give yourself
happiness and welfare,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

Like your flowing
autumn waters, like
your waters flowing
with noise, would you
give [us] the possibility
to live like silver, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin!

With a table full of
loaves² would you give
[us] the possibility to
live, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

What we did not finish,
would you finish it your-
self, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

We fulfil, do fulfil your-
self [our prayers], my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin!

<i>Милям киямы курбон китан евол, олло азьлозэ вераськом, олло берлозэ азьло вераськом, кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	В наших руках нет молитвенной книги, может быть, говорим начало, может быть, конец в начале говорим, благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин! Аминь!	In our hands, there is no book of prayers, perhaps I speak the beginning, perhaps I speak the end, receive yourself with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin! Amen!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Усыяны потон уапум дырзя, пельпум капчилыкжӧстэс, син азь сайкытлыкжӧстэс ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	В пору выхода на боро- нование, если бы сам легкость свою плечам, ясность свою перед глазами подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	When the time comes to go harrowing, would you yourself give your lightness to the shoul- ders, your clearness in front of the eye, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Пудоёс кыре потон уапум дырзя, ческыт вуэн, ческыт турымен сӧтыса мынысалды ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	В пору выхода ско- тины на просторы, если бы сам вкусной травой, вкусной водой подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	When the time comes for the livestock to go out, would you give them yourself tasty water, tasty grass, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.

<i>Милесьтым вут- тымтэз ачид вутты- са мын, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Недоделанное нами, сам доделывая иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	What we did not man- age to achieve, would you achieve it yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Аслад сётэм бэндэосы- длы шудзэ-бурзэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Своим созданиям, счастья, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	To your creatures would you give them their happiness, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Кизем-пальккем ჯუოსыз камыж куроен, куамын куроен далтытыса, азвесь тысё, зарни выжыё карыса мынысалды ке, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Посеянные хлеба, со стеблями камышовыми, с тридцатью соломинками урожая, с серебряными зернами, золотыми корнями делая, если бы шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Our sown and spread cereals, would you make them grow with stems like reeds, with thirty straws, with silver grains, with golden roots, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Сапраса кыллись кызьпуэд кадъ, сапрак гынэ шунит-небыт зорёстэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно шелестящая береза, плескучие теплые-мягкие дожди, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Like your rustling birches, would you give us yourself your warm and soft rustling rains, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тйледлы залбарытэк, кинлы залбаромы, мусо, ჯугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.

<i>Ми кабыл кариськом, кабыл карыса басьты, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	Мы благосклонно принимаем, прими благосклонно, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин. Аминь!	We receive with favour, receive yourself with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!
<i>Эстэ, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Мӧр вӧсез вӧсяса, сюрен-пелен ыж вандыса, лӱлэныз-виреныз тӱлледлы сӧтыса, куриськиськом, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Проводя Мӧр вӧсь, рогатую-ушастую овцу заколов, ее душой-кровью вам отдавая, молимся, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Му-Кылчин.	Holding the Mör vös', slaughtering a ewe with horns and ears, gifting you with its soul and blood, we pray, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Гид тыр чышконо ыжен-кечен карыса улыны ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Хлева, полными стригомых овец-коз сделав, если бы сам жить возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Making the barn full of sheering sheep and goats, would you give us the possibility of living, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Кысконо ыскалдэ жӧло- вӧӧ карыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Дойную корову свою, если бы сам молочно-масляной делая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Would you go making yourself your milking cow milky and buttery, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Азбар тыр чӧж-жазеген гӱрласа улыны ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Со дворами полными уток-гусей воркуя жить, если бы сам возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Would you yourself give [us] the possibility to live with a yard full of cackling ducks and geese, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, ჯугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вуттыса мын, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Недоделанное нами, сам доделывая иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	What we did not manage to achieve, achieve it yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Араны потон уапум дыръя, кырымен- кырымен араса, культо выжые культо, суслон выжые суслон пуктыса мыныны берекетдэ ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	В пору выхода на жатву, горстями сжиная, ставя копну к копне, суслон к суслону идти, если бы сам изобилие подавая, шел, лмой Милый, Светый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	When the time comes to go harvesting, would you give yourself your wealth of going putting sheaf on sheaf, stack on stack, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Кабанэз дас кык ар улыса, жылаз пот потымон, бадъ потымон берекетдэ ачид сӧтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Скирды двенадцать лет простояв, верхушкам ивой порасти, лебедой зарасти изобилие, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Would you go giving yourself your abundance, a haystack twelve years old, on the top of which willows grow, on the top of which orch grow, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Итымисен амбаре басьтон дыръя, амбар тыр берекетдэ ачид сӧтыса мынысалэл ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Когда берем с овина в амбар, изобилия в полный амбар, если бы сам подавая шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	When we bring [the grain] from the threshing floor to the barn, would you go giving your abundance for the barn to be full, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Кеносись пужен- сюлысэн басьтон дыръя, гыркез-гопез шӧдӧйсконтэм берекетдэ ачид сӧтыса мынысалэл ке, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Из клетки решетами- лотками когда берем, углублений- ям нечувствуе-мого изобилия, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	When we take from the barn with sieves and trays, would you go giving [us] yourself your abundance so that no hole remains, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Милесьтым курись- кемез кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ.</i>	Наши молитвы прими благосклонно, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Receive our prayers with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Ми кабыл кариськом, кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ. Оминь!</i>	Мы благосклонно при- маем, прими благосклон- но, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин. Аминь!	We receive with favour, do receive with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ. тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тйледлы сюрен-пелен ыж вандыса, лүлэныз- виреныз тйледлы сётыса куриськиськом, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ.</i>	Вам рогатую-ушастую овцу заколов, ее душой- кровью вам отдавая, молимся, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Slaughtering for you ¹ a ewe with horns and ears, giving to you its soul and blood, we pray, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, төдды, бур Иммерэ Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.

*Сапраса кыллись
кызыпуэд кадь, сапрак
гынэ шуныт-небыт
зорёстэ ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Словно шелестящая
береза, плескучие
теплые-мягкие дожди,
если бы сам подавая,
шел, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин.

Like your rustling birch-
es, would you give us
yourself your warm and
soft rustling rains, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Эстэ, мусо, эугыт,
тӧдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый, Благой
Инмар, Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

*Сйзбыл виясь вуэд кадь,
чор виясь вуэд кадь,
азвесь кадь улыны ачид
сётыса мынысалэд ке,
мусо, эугыт, тӧдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Словно текущие
осенние воды, с шумом
текущие воды, словно
серебро жить, если
бы сам возможность
подавая, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой
Инмар, Кылчин.

Like your flowing
autumn waters, your
rustling waters, would
you give the possibility
to live like silver, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Тэни, кузбыли
карьяськем, кузбыли
карьяськем кадь
улыны ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Вот, муравьи живут
в муравейнике, жить,
словно муравьи
в муравейнике,
если бы сам подавая
возможность, шел,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

There, the ants live in
an anthill, would you
give [us] the possibility
to live like ants in an
anthill, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin.

*Кӧкиын кыллись
сабиед кадь улыны
сётыса мынысалэд ке,
мусо, эугыт, тӧдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Словно младенец в
колыбели жить, если
бы возможность пода-
вая, шел, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар, Кылчин!

Like your newborn in
the cradle, would you
give [us] the possibility
to live, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin!

*Аслад сётэм
бэндэосыдылы, шудзэ-
бурзэ ачид сётыса
мынысалэд ке, мусо,
эугыт, тӧдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Своим созданиям,
счастья, если бы сам
подавая, шел, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

To your creatures,
would you give them
yourself their happiness,
my dear, bright, white,
good Inmar Kylchin!

<i>Эстэ, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Сйзбыл виясь вуэд кадь, чор виясь вуэд кадь, азвесь кадь улыны ачид сётмыса мынысалэд ке, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно текущие осенние воды, с шумом текущие воды, словно серебро жить, если бы сам возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Like your flowing autumn waters, your rustling waters, would you give [us] the possibility to live like silver, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Жӧк выл тыр нянякаен улыны ачид сётмыса мынысалэд ке, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	С хлебушком в полный стол жить, если бы сам подавая возможность, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Would you give your- self the possibility to live with a table full of bread ² , my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вутмыса мын, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Недоделанное нами, сам доделывая иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	What we did not manage to achieve, achieve it yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Ми кабыл кариськом, кабыл карыса басьты, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Мы благосклонно при- нимаем, прими благо- склонно, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	We receive with favour, you receive with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Милям киямы курбон китап евол, олло азьлозэ вераськом, олло берлозэ азьло вераськом, кабыл карыса басьты, мусо, зугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	В наших руках нет молитвенной книги, может быть, говорим начало, может быть, конец в начале говорим, благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин. Аминь!	In our hands, we have no prayer book, perhaps we say the beginning, perhaps we say the end, receive with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!

Записано (место)

с. Новые Татышлы

Collected in (place)

Novye Tatyshly

Записано (время)

06.2013

Collected in (time)

06.2013

Собиратель

Л. Ниглас, Р. Р. Садиков,
Е. Тулуз

By

Liivo Niglas, Ranus Sadikov,
Eva Toulouze

Информант

Жрец Раис Рафикович Рафиков,
1948 г.р.,

From

Rais Rafikov, sacrificial priest,
born 1948

Расшифровка

Р. Р. Садикова

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Записано на цифровую видеокамеру

Format of original

Recorded on digital video camera

Comments

1. In this text and at this point, the address to the deities uses a 2nd person plural form, which is in Udmurt either a real plural or a polite singular. If we go further, for example up to the fourth sentence, we find the most frequent form, the singular 2nd person, and so on in the rest of the text. It is difficult to imagine Udmurt using a politeness form with deities, so it must be a plural, which is more of a late loan. Actually, the name Kylchin may be interpreted as a contraction of Kyldysin, which is a major Udmurt deity. So, while the general impression we have is that Kylchin is an avatar of Inmar and that the Udmurt address a single deity, this plural reminds us that their worldview is indeed a polytheistic one.
2. As in one of the previous texts, the word “bread” is here used with a diminutive that emphasises its warm and emotional association.

Комментарии

1. В этом тексте и в этом месте в обращении к божествам используется форма второго лица множественного числа, которая у удмуртов является либо действительно множественным, либо вежливым единственным числом. Если мы пойдем дальше, например, до

четвертого предложения, мы найдем наиболее частую форму – единственное число второго лица, и так во всем остальном тексте. Трудно представить, чтобы удмурты использовали с божествами форму вежливости, поэтому это должно быть множественное число, которое скорее является поздним заимствованием. На самом деле, имя *Кылчин* можно интерпретировать как сокращение имени *Кылдысин*, главного удмуртского божества. Таким образом, хотя общее впечатление, что *Кылчин* – воплощение *Иньмара* и что удмурты обращаются к одному божеству, это множественное число напоминает нам, что их мировоззрение действительно политеистично.

2. Как и в одном из предыдущих текстов, слово “хлеб” здесь используется с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что подчеркивает его теплое и эмоциональное содержание.

6. The Vilgurt group: *Mör vös'* prayer with offered coins 2013 (*Ӝугесен куриськон 2013*) / Молитва с жертвенными монетами. Вильгуртская группа: молитва с жертвенными монетами во время *мӧр вӧсь 2013*

<i>Эстэ, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, here!
<i>Ӝугесьлы куриськиськом, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Молимся за денежное пожертвование, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар Кылчин!	We pray to the money offerings, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Ӝугеседы сюрсэн-сюэн берыктыса мынысалэд ке, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Вместо отданных, сам бы давал тысячами- сотнями, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Instead of what is given, would you give yourself thousands and hundreds back, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Коньдонэн берыктыса мынысалэд ке, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Деньгами, если бы сам возвращая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Would you give back the money yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Эстэ, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, here!
<i>Гурт калыкен ог анайлэн, ог атайлэн нылыз-пиез кадь лўса улыны ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если бы сам дал возможность жить вместе с односельчанами, как дочерям и сыновьям одной матери-отца, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Would you give [us] your- self the possibility to live with our fellow villagers, like daughter and son of the same mother and father, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым вуттымтэез ачид вуттыса мынысалэд ке, мусо, Ӝугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Что мы не доделали, если бы сам доделывая шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	What we did not achieve, would you achieve [it] yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!

<i>Сйзбыл виясь вуэд кадь, чор виясь вуэд кадь, азвесь кадь улыны сётывса мынысалэд ке, мусо, зугыт, тёдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно текущие осенние воды, с шумом текущие воды, словно серебро жить, если бы сам возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	Like your flowing autumn waters, like your waters running rustling, give [us] yourself the possibility to live like silver, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
--	---	--

<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вуттыса мын, мусо, зугыт, тёдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Что мы не додела-ли, если бы сам до-делывая шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	What we did not achieve, would you achieve [it] yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
---	--	--

<i>Аслад сётэм бэндэосыдлы шудзэс-бурзэс ачид сётывса мынысалэд ке, мусо, зугыт, тёдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Своим созданиям, счастья своего, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	To your creatures would you give their happiness and welfare, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
--	--	--

<i>Эстэ, мусо, зугыт, тёдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, Вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
---	--	--

<i>Азбар тыр чөж-жазеген гүрласа улыны ачид сётывса мынысалэд ке, мусо, зугыт, тёдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Со дворами полными уток-гусей, радостно сам бы дал возможность жить, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин!	With courtyards full of ducks and geese, would you give [us] the possibility to live cackling², my dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
--	--	---

<i>Аслад сётэм бэндэосыдлы шудзэс-бурзэс ачид сётывса мын, мусо, зугыт, тёдды, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	Своим же людям, счастья сам дай, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин! Аминь!	To your people, whom you have given yourself, give happiness, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin! Amen!
--	---	--

Записано (место)

с. Новые Татышлы

Collected in (place)

Novye Tatyshly

Записано (время)

06.2013

Collected in (time)

06.2013

Собиратель

Л. Ниглас, Р. Р. Садиков,
Е. Тулуз

By

Liivo Niglas, Ranus Sadikov,
Eva Toulouze

Информант

жрец Рафиков Раис Рафикович,
1948 г. р.

From

Rais Rafikov, sacrificial priest,
born 1948

Расшифровка

Р. Р. Садикова

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Устный / цифровая видео запись

Format of original

Oral / Digitalised video record

Comments

1. In Udmurt there is a particular word, *жугезь* (in standard Udmurt *люгезь*) which means 'money offering during a sacrifice'. There are rules connected with this offering, for example the money has to be washed beforehand and it must not be touched directly with bare fingers, rather it must be handled using some textile. At the end of each ceremony there is a special prayer dedicated to the money offerings. Among the Eastern Udmurt the sacrificial priest utters this prayer kneeling and bareheaded.
2. Meaning joyfully.

Комментарии

1. В удмуртском языке есть особое слово *жугезь* (в стандартном удмуртском *люгезь*), которое означает "денежное подношение во время жертвоприношения". С этим подношением связаны определенные правила: деньги должны быть предварительно вымыты, их нельзя трогать непосредственно голыми пальцами, они должны передаваться через какой-либо текстиль. В конце каждого обряда читается специальная молитва, посвященная денежным подношениям. У восточных удмуртов она имеет некоторые особенности: жрец произносит ее на коленях, с обнаженной головой.
2. Означает "радостно".

7. The Vilgurt group: Winter *tol/ vös'* prayer with the sacrifice of a goose 2016 (*Тол вöсьын жазег вöсяку куриськон 2016*) / Вильгуртская группа: Молитва при закалывания гуся на зимнем жертвоприношении *тол вöсь 2016*

<i>Эстэ, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Уань тылобурдоёслы, тйледлы сйзбьса куриськисько, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	За всех птиц, вам посвящая молюсь, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	For all the birds, ded- icating [my prayer] to you ¹ , I pray, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если вас не будем умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Лүлэныз-виреныз тйледлы сётыса куриськиськом, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Душу-кровь вам отдавая молимся, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Offering you its soul and blood, we pray, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Сйзбьл кизем- пальккем жуосыз чонари вотэсёслэсэ сакласа ке мынысалэд, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Осенью посеянные- расплесканные хлеба от паутины оберегал бы, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	The cereals sown and spread in autumn, would you protect them from spiderwebs, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Ми тйледлы жалбариськом, мусо, жугыт, тöдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Мы вас умоляем, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	We implore you, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.

*Эстэ, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

*Милесьтым курись-
кемез кабыл карыса
басьты.*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый, Благой
Инмар, Кылчин, вот!

Наши молитвы благо-
склонно прими.

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin, there!

Receive with favour our
requests.

*Ми кабыл кариськом,
кабыл карыса басьты,
мусо, жугыт, төдды,
бур Иммэре Кылчинэ.
Оминь!*

Мы благосклонно
принимаем, благо-
склонно прими, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин, вот! Аминь!

We receive with favour,
receive with favour, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin. Amen.

*Эстэ, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

*Лүлэныз-виреныз
тыныд сётыса,
жазег вандыса
куриськиськом, уань
тылобурдоёслы, пудэн
ветлійсьёслы, лобась
тылобурдоёслы,
тйледлы карыса
куриськиськом, мусо,
жугыт, төдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Душу-кровь тебе
отдавая, гуся заколов,
за всех птиц, ходящих
на ногах, летающих
птиц, вам отдавая
молимся, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin, there!

Giving you² its soul and
blood, slaughtering the
goose, we pray for all the
birds, those who walk
on their feet, those who
fly, giving [it] to you³, we
pray, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin.

*Ми кабыл карыса
басьтйськом, кабыл
карыса басьты, мусо,
жугыт, төдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Мы благосклонно
принимаем, благо-
склонно прими, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин, вот!

We receive with favour,
receive with favour, my
dear, bright, white, good
Inmar Kylchin

*Эстэ, мусо, жугыт,
төдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white, good Inmar
Kylchin, there!

<i>Тэни, толэ пырим, тол потыны уань пудоёс вичиськон лубыса, ыжжёс кыкен- куинен пияса, ыскалжёс мыры кыльытэк гынэ мед улозы, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Вот перешли в зиму, чтобы скотина на зимовку стельной- суягной стала, овцы бы двойнями-тройнями ягнились, коровы бы яловыми не остались, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	There, we enter winter, let in winter all the animals get impregnated, let the ewes lamb twins or triplets, let the cows not be sterile, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым курись- кемез кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Наши молитвы благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Receive our requests with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Гид тыр чышконо ыжжен-кечен улыны гожтыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	С полным овцами- козами для стрижки, хлевом жить предписывал бы, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Would it be written that we shall live with a barn full of lambs and goats to fleece, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если Вас не умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин,	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым курись- кемез кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	Наши молитвы благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот! Аминь!	Receive our requests with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!

<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Уань тылобурдоёслы, пудэн ветлйсь, лобась тылобурдоёслы карыса вандйськом, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	За всех птиц, хрдящих на ногах, летающих птиц отдавая, закалываем, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	We slaughter, doing [that] for all the birds who walk on their feet, and for those who fly, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым вуттымтэз, ачид вуттыса мыны, Аслад шуныт ки улад, пи улад басьтыса мын, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Нами недоведенное, сам доводя, иди, Под свои теплые руки, в свою пазу- ху взяв, иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	What we did not manage to do, do it yourself, Take yourself under your warm hand, tak- ing in your bosom ⁴ , my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Милесьтым курись- кемез кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Наши молитвы бла- госклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Receive our prayer with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Тйледлы жалбарытэк, кинлы жалбаромы, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если Вас не умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Чередлэсь-чуредлэсь ачид сакласа мын, мусо, жугыт, төдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	От болезней-хворей сам оберегая, иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	From your illnesses and diseases protect [us] yourself, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.

<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вуттыса мын,</i>	Нами недоведенное, сам доводя, иди,	What we did not manage to do, do it yourself,
<i>Аслад шуныт ки улад, пи улад поныса мын, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Под свои теплые руки, в свою пазуху взяв, иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Take [us] yourself under your warm hand, in your bosom ⁴ , my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Лымыен жокатонэдлэсь ачид сакласа мын, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	От удушения снегом сам оберегая, иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Protect [us] yourself from suffocating under your snow, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Сйзӧыл виясь вуэд кадь, чор виясь вуэд кадь, азвесь кадь улыны ачид сӧтӧыса мынысалэд ке, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно текущие осенние воды, с шумом текущие воды, словно серебро жить, если бы сам возможность подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Like your autumn flowing water, like your rustling water, give us the possibility to live like silver, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin, there!
<i>Тйледлы эалбарытэк, кинлы эалбаромы, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Если Вас не умолять, кого будем умолять, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	If we do not implore you ¹ , whom shall we implore, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым курисъ- кемез кабыл карыса басьты, мусо, эугыт, тӧдӧы, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	Наши молитвы благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин. Аминь!	Our requests, receive them with favour, my dear, bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!

Записано (место)

с. Новые Татышлы

Collected in (place)

Novye Tatyshly

Записано (время)

12.2016

Collected in (time)

12.2016

Собиратель

Л. Ниглас, Р. Р. Садиков,
Е. Тулуз, Н. Анисимов

By

Liivo Niglas, Ranus Sadikov,
Eva Toulouze, Nikolai Anisimov

Информант

жрец Рафиков Раис Рафикович,
1948 г. р.,

From

Rais Rafikov, sacrificial priest,
born 1948

Расшифровка

Р. Р. Садикова

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Устный / цифровая видео запись

Format of original

Oral / Digitalised video record

Comments

1. See text No 5, comment 1.
2. Here, singular.
3. Here, again plural.
4. Literally: under your armpit.

Комментарии

1. См. текст 5, комментарий 1.
2. Здесь, в единственном числе.
3. Здесь, снова во множественном числе.

8. The Vilgurt group: Winter *tol vös'* prayer with coins 2016 (*Тол вöсьын жүгесен куриськон 2016*) / Вильгуртская группа: Молитва с жертвенными монетами на зимнем жертвоприношении *тол вöсь 2016*

*Эстэ, мусо, жүгыт,
тöдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white and good Inmar
Kylchin, there !

*Вöсез ворсаса
куриськиськом, мусо,
жүгыт, тöдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Завершая
жертвоприношение,
молимся, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин.

Closing the sacrifice, we
pray, my dear, bright,
white and good Inmar
Kylchin.

*Жүгесь сётэмдöслэсь
сюрсэн-суюн ачид
берыктыса ке
мынысалэд, мусо,
жүгыт, тöдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Кто дал
пожертвование, тем
тысячами-сотнями сам
возвращая, шел бы,
мой Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

To those who have given
a money offering, would
you give it yourself
back by thousands and
hundreds, my dear,
bright, white and good
Inmar Kylchin.

*Эстэ, мусо, жүгыт,
тöдды, бур Иммэре
Кылчинэ, тэни!*

Остэ, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин, вот!

Oste, my dear, bright,
white and good Inmar
Kylchin, there!

*Пудоёс толэ пырыса
зечкын ке улысалзы,
мусо, жүгыт, тöдды,
бур Иммэре Кылчинэ.*

Скотина зимой пусть
хорошо пребудет, мой
Милый, Светлый,
Белый, Благой Инмар,
Кылчин.

The cattle entering win-
ter, would you let them
live it well, my dear,
bright, white and good
Inmar Kylchin.

*Бжжёс кыкен-куинен
мед пиялозы, мусо,
жүгыт, тöдды, бур
Иммэре Кылчинэ.*

Овцы двойнями-
тройнями пусть
ягнятся, мой Милый,
Светлый, Белый,
Благой Инмар,
Кылчин.

Let the ewes lamb twins
and triplets, my dear,
bright, white and good
Inmar Kylchin.

<i>Кысконо ыскалдэ жало-воё карыса, ачид сётыса ке мынысалэд, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Дойную корову сам молочно-масляной делал бы, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Would you make your milking cow milky and buttery, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вуттыса, Шуныт-небыт ки улад, ни улад поныса мын, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Нами недоведенное, сам доводил бы, В свои теплые-мягкие руки взяв, за пазуху взяв иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	What we did not man- age to finish, finish it yourself, Under your warm and soft hand, in your bo- som, put [us], my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
<i>Аслад сётэм бэндэосыллы шудзэ- бурзэ ачид сётыса ке мынысалэд, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Своим созданиям, счастья, если бы сам подавая, шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	To the creatures you gave yourself onto the world, would you give their happiness and welfare, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
<i>Эстэ, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ, тэни!</i>	Остэ, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин, вот!	Oste, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin, there !
<i>Чередлэсь-чуредлэсь ачид сакласа ке мынысалэд, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	От болезней-хворей сам охраняя иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Would you protect [us] ² from your illnesses and diseases, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
<i>Вуын уясь чорыгед кадь тазалыктэ ачид сётыса мынысалэд ке, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Словно плавающей в воде рыбе, здоровья подавая, сам бы шел, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Like your fish swim in the water, would you give yourself your health, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
<i>Милесьтым вуттымтэз ачид вуттыса мын, мусо, жугыт, тодьы, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Нами недоведенное, сам доводя иди, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин	What we did not man- age to finish, finish it yourself, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.

<i>Милям киямы курбон китап евол, олло азьлозэ берло вераськом, олло берлозэ азьло вераськом, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	В наших руках жертвенной книги нет, может начало в конце говорим, может конец в начале говорим, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	In our hands there is no sacrifice¹ book, either I say the beginning at the end, or the end at the beginning, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
--	---	--

<i>Милесьтым куриськемез кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ.</i>	Нашу молитву благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин.	Receive our prayer with favour, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
--	--	---

<i>Ми кабыл кариськом, кабыл карыса басьты, мусо, жугыт, тӧдды, бур Иммэре Кылчинэ. Оминь!</i>	Мы принимаем, благосклонно прими, мой Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар, Кылчин. Аминь!	We receive with favour, receive yourself with favour, my dear, bright, white and good Inmar Kylchin. Amen!
---	--	---

Записано (место)
с. Новые Татышлы

Collected in (place)
Novye Tatyshly

Записано (время)
12.2016

Collected in (time)
12.2016

Собиратель
Л. Ниглас, Р. Р. Садиков,
Н. В. Анисимов, Е. Тулуз

By
Liivo Niglas, Ranus Sadikov,
Nikolai Anisimov, Eva Toulouze

Информант
жрец Рафиков Раис Рафикович,
1948 г. р.

From
Rais Rafikov, sacrificial priest,
born 1948

Расшифровка
Р. Р. Садикова

Transcription
Ranus Sadikov

Формат оригинала
Устный / цифровая видео запись

Format of original
Oral / Digitalised video record

Comments

1. The word *kurbon*, used here to qualify the book, means literally “sacrifice”.

Комментарии

1. Слово *курбон*, используемое здесь для обозначения книги, означает буквально “жертвоприношение”.

9. The Alga group: *Mör vös'* prayer 1971 (*Mör vös' kuris'kon* 1971) / Алгинская группа: Молитва во время *мөр вös* 1971

<i>Östä zugyt tödby bur</i> <i>Иммэрэ тэни</i>	Остэ, светлый белый правый Инмар!	Oste, my bright, white, right Inmar, there!
<i>Гуртэн ог кылысь-ы-</i> <i>мись лўса,</i>	Всей деревней встав (букв. 'одним языком-ртом'),	Standing with one tongue and mouth (all the village),
<i>Ог анайлэн-атайлэн</i> <i>нылыз-пиез кадь лўса</i> <i>тэни.</i>	Как дети одних родителей (отца с матерью),	As daughter and son of the same mother and father,
<i>Сюрэн-пелен төдь ыж</i> <i>сётйсько.</i>	С рогами, ушами белую овечку жертвуем.	A white sheep with horns and ears I sacrifice.
<i>Зугыт төдбы бур</i> <i>Иммарэ Кылтчинэ</i> <i>тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Тулыс виясь вўэд сяин</i> <i>тэни,</i>	Подобно весенней текущей воде,	Like your flowing spring water,
<i>Гўрласа улымон сётса</i> <i>ке мынсалэд.</i>	Если бы дал радостную (букв. 'гудящую, громко звучащую') жизнь.	Would you give us a ringing (joyful) life.
<i>Зугыт төдбы бур</i> <i>Иммарэ Кылтчинэ</i> <i>тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Пудоёс кырэ потон</i> <i>уапум дырья тэни</i>	Когда скотина выходит на выпас, не потерявшись,	When the time comes for the livestock to go out to the pasture,
<i>Ыштэк ческэт вуостэ</i> <i>турымнётэ ачид сёт-</i> <i>са ке мынсалэд...</i>	Если бы дал вкусной воды-травы.	So that it would not be lost, would you give it tasty water and grass ¹ .
<i>Зугыт төдбы бур</i> <i>Иммарэ Кылтчинэ</i> <i>тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Кизем-пальккем</i> <i>зуосыд тэни</i>	Посеянные хлеба	The sowed and the dispersed crops
<i>Камыш куроен камыш</i> <i>гуриэн</i>	Если бы уродились с соломой толщиной с камыш,	with straw as thick as reeds, with grain like reed catkins.

<i>Далтса ке мынсалзы...</i>	С зерном как камышовые сережки.	Would they grow,
<i>Зугът тӧдӱы бур Иммэрэ Кылчинэ тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Гуртэн ог кӱлысь- ымись лӱса,</i>	Всей деревней встав (букв. 'одним языком-ртом'),	Standing with one tongue and mouth (all the village),
<i>Ог анайлэн-атайлэн нылыз-пиез кадь лӱса тэни</i>	Как дети одних родителей (отца с матерью),	As daughter and son of the same mother and father,
<i>Мӧр вӧсе сётисько сюрэн-пелен мӧр вӧсь сётса пырьско.</i>	На молении округой белую овечку с рогами, ушами жертвуем.	At the regional ceremony a white ewe with horns and ears we sacrifice.
<i>Зугът тӧдӱы бур Иммэрэ Кӱлтчинэ.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Гид тыр пудоёсы тэни</i>	Если бы хлев полный скотины,	A barn full of animals,
<i>Чышконо ыжэ, кысконо скалэ,</i>	Овец с шерстью (букв. 'которых нужно подстригать'), молочных коров (букв. 'которых нужно доить'),	Sheep that need to be sheared, cows that need to be milked,
<i>Вӧйо вышкиен, муо вышкиен</i>	Бочонок масла, бочонок меда	With a keg of butter, a keg of honey
<i>Ачид сётса ке мынсалэд.</i>	Если бы сам дал.	Would you give [us] yourself.
<i>Оминь.</i>	Аминь.	Amen.
<i>Кабыл карса басьты,</i>	Благословенно прими (моление)	With favour receive (our ceremony)
<i>Зугът тӧдӱы бур Иммэрэ Кылчинэ...</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Зугът тӧдӱы бур Иммэрэ Кылчинэ тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Азбар тыр чӧж-зазегэн</i>	Полный двор уток-гусей,	With a full courtyard of ducks and geese,

<i>Гурласа улымон сѣтыса ке мынсалэд.</i>	Если бы дал радостную жизнь.	Would you give [us] a joyful life!
<i>Зугыт төдьы бур Иммэрэ Кылчинэ</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Мүшо-вуэн улыны сѣтса ке мынсалэд.</i>	С пчелами, водой жить, если бы дал,	Would you give [us the possibility] to live with bees, with water,
<i>Зугыт төдь бур Иммэрэ Кылчинэ тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Шумпотса но шудзэ- бурзэ сѣтса мын вал,</i>	С радостью да счастьем, если бы дал,	With joy and with happiness would you give [us],
<i>Зугыт төдь бур Иммэрэ Кылчинэ тэни!</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Гуртэн ог кылысь- ымись лўса.</i>	Всей деревней встав (букв. 'одним языком-ртом'),	Standing with one tongue and mouth (all the village),
<i>Ог анайлэн-атайлэн, нылыз-пиэз кадь лўса тэни.</i>	Как дети одних родителей (отца с матерью),	As daughter and son of the same mother and father,
<i>Мёр восез сюрэн-пелен тодь ъж сѣтисько,</i>	На молении округой белую овечку с рогами, ушами жертвуем,	At the regional ceremony a white ewe with horns and ears we sacrifice,
<i>Лўлзэ вирзэ аслыд сѣтса.</i>	Ее душу-кровь тебе самому жертвуем,	Its soul and blood we offer to you.
<i>Зугыт төдьы бур Иммэрэ Кылчинэ тэни!</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Зугыт төд'ъ бур Иммэрэ Кылчинэ тэни!</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar- Kylchin, there!
<i>Шумпотсалмы шудзэ- бурзэ сѣтса мын вал</i>	Обрадовались бы мы, Если счастья нам дал,	We would rejoice, If you would give us happiness and welfare,
<i>Зугыт төдьы бур Иммэрэ Кылчинэ тэни...</i>	Светлый белый правый Инмар-Кылчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!

<i>Зугыт тӧдӱы бур</i> <i>Иммэрэ Кӱлчинэ тэни.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кӱлтчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Кабыл карыса басьты</i> <i>вал.</i>	Благословенно прими моление,	Receive [this] ceremony with favour,
<i>Зугыт тӧдӱы бур</i> <i>Иммэрэ Кӱлчинэ.</i>	Светлый белый правый Инмар-Кӱлтчин!	My bright, white, right Inmar Kylchin, there!
<i>Оминь. Кабыл карса</i> <i>басьты.</i>	Аминь. Благословенно прими.	Amen. Receive [it] with favour.

Записано (место)

с. Нижнебалтачево,
Татышлинского района РБ

Collected in (place)

Nizhnebaltachevo,
Tatyshly district, RB

Записано (время)

1971

Collected in (time)

1971

Собиратель

Валей Кельмакович Кельмаков

By

Valej Kel'makov

Информант

Жрец Арманшин Ислам

From

Islam Armanshin, sacrificial priest

Расшифровка

Р. Р. Садикова

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Устный / цифровая видео запись

Format of original

Oral / Digitalised video record

Функция

Во время проведения *мӧр вӧсь*

Function

During the *mör vös'*

Comments

- Both words are in the plural form, water as well as grass, meaning that their meaning is wider, referring to nourishment in general.

Комментарии

1. Оба эти слова даны во множественном числе, что означает, что их значение шире и относится к питанию вообще.

Publication / Публикация

Authentic geography. № 3. Закамские удмурты. Альманах. Ижевск, 2011. Приложение. CD диск № 6; <http://www.culture.ru/objects/2801/letnie-moleniya-zakamskih-udmurtoy>.

10. The Alga group. Prayer for the *mör vös'* 1992 (*Мөр вöсь курыськон* 1992) / Алгинская группа: Алгинская группа: Молитва во время *мөр вöсь* 1992

<i>Арысь лыктэм вöсез вöсез вöсяськом, Кие жутэм шыдэз, Тырзэ-бурзэ аслыз басьтыса, Оген тырыкуз тырымон, Гурласа забыль-забыль улыны Жöк котырын</i>	Сегодня проводим ежегодное моление. Взяв на руки еду, мы хотим, Чтобы мы всегда были сыты, Сидели за богатым столом,	We hold [our] annual ceremony. Lifting in our hands a soup, we want to be always well fed To live joyfully and happily Around the table
<i>Ачид азинлыкёстэ сётыса ул, Инмаре! Ужан потон дыръя</i>	Это мы просим у тебя, Инмар. Когда идем на работу,	Give us your successes, my Inmar. When we go to work,
<i>Пыдул капчылыкёстэ, Синмад югытлыкёстэ Сётыса ул, Инмаре-Кылчинэ! Вордоно адямиостэ</i>	Чтобы нам легко шагалось, Чтобы глаза наши все видели, Это мы просим, Инмар-Кылчин. Чтобы люди	Your lightness under our feet, The clearness in your eye, Give us, my Inmar Kylchin. That people to be born
<i>Тазалыкен, байлыкен Вордыса улысалыд ке,</i>	Были здоровы, богаты,	In health and wealth, Would you let them live.
<i>Сукырзэ синмо карыса, Чутырзэ куко карыса, Сонгрозэ пелё карыса</i>	Чтобы слепые стали зрячими, Чтобы хромые стали бегающими,	Making the blind see Making the lame run, making the deaf hear,
<i>Улысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ!</i>	Чтобы глухие стали слышащими,	Would you give us, my Inmar Kylchin.

<i>Кизем-пальккем юосыз удалтытыса</i>	Это мы просим, наш Инмар-Кылчин.	That the sowed and widespread grains succeed,
<i>Улысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ! Кизем-пальккем юосыз Ӗеч кисьматыса улысалыд ке, Секыт зорӗслэсь</i>	Чтобы хорошо взошли посеянные семена, Это мы просим, наш Инмар-Кылчин. Чтобы наши хлеба Во время поспели,	Would you give it to us, my Inmar-Kylchin. That our sowed and widespread cereals Would mature well, would you give us, From heavy rain
<i>Чакласа улысалыд ке, Араны потон дырӗя</i>	Чтобы не было тяжелых дождей,	Would you protect [us] That at harvest time
<i>Синмад югытӗстэ,</i>	Чтобы во время жатвы	Your clearness in the eyes
<i>Пыдул капчылыкӗстэ</i>	Было много ясных дней	Your lightness under our feet
<i>Сӗтысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ! Аран дырӗя</i>	И нам сопутствовала удача, Об этом мы просим, наш Инмар-Кылчин.	Would you give (us), my Inmar Kylchin. At harvest time
<i>Культо вӧзы культо артэ Пуктысалыд, ке</i>	Чтобы во время жатвы Сноп к снопу ставился,	Sheaf by sheaf Would you put
<i>Кабан ӗсутон вакытэ</i>		At the time of bulding stacks,
<i>Кабан вӧзы кабан артэ Тырысалыд ке,</i>	Чтобы из снопов стога выросли,	Let stack by stack Get full,
<i>Амбар возысь амбар</i>	зерном они наполнились,	Barn near barn
<i>Артэ пуктысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ! Ӗеч калыкен сиыны-юыны</i>	Чтоб амбар к амбару ставился Об этом мы просим, наш Инмар-Кылчин.	Would you put, my Inmar Kylchin! With good people

<i>Азинлыкѣстэ сѣтыса ул, Вордѣськоноосэ Вордѣськыты, Инмаре.</i>	Чтобы все это вместе С добрыми людьми Съесть и угощаться.	Give us your success in eating and drinking Help those who are supposed to come into the world have a happy birth, my Inmar
<i>Вордѣськоно пудоосыз</i>	Чтобы все родившееся	Our animals who are supposed to be born,
<i>Таза карысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ!</i>	Здоровым выросло,	would you make them healthy, my Inmar Kylchin,
<i>Зылытыса пушйытысалыд ке. Вордоно тылобурдоосыз, Таза возысалыд ке, Мушен ке вордысалыд, Сыѣе жечен курыско, Инмаре! Чередлэсь-чуредлэсь</i>	Чтобы вся наша скотина Жива-здоровая была, Об этом мы просим, наш Инмар-Кылчин. Чтобы размножилась и птица И был ею полон двор, Чтобы сильными были наши пчелиные семьи,	Our birds that are sup- posed to be born would you make them healthy, Would you raise them with bees So I ask nicely, my Inmar. From your illnesses and diseases
<i>Чакласа улысалыд ке, Инмаре. Сьѣсь кабѣёслэсь</i>	И об этом мы просим, наш Инмар. От сглаза и болезней,	Would your protect [us], my Inmar. From predators
<i>Чакласа улысалыд ке,</i>	Чтобы охранял ты нас	Would you protect [us]
<i>Сиыны-юыны турттыса Кыллись дышмонѣслэсь Чакласа улысалыд ке,</i>	И от злых людей. Охранял бы ты нас	From foes Trying to eat us and to drink us Would you protect [us],
<i>Аламалыкѣёсыз</i>	От врагов злых,	The bad spirits
<i>Тӧлья-буръя лэззысалыд ке,</i>		Would you take them away with the wind and the storm,

<i>Вуэтй потон дышмонжёсыз</i>	Чтобы несчастья и горе	And our foes along the water.
<i>Ву кузя лэзьысалыд ке,</i>	От нас с ветрами увел,	would you take them away along the water
<i>“Сиё” шуись, “юо” шуись,</i>	Чтобы врагов наших	From those who say “I’ll eat you”, “I’ll drink you”,
<i>“Басьто” шуись дышмонжёслэсь</i>	По реке убрал-унес	“I’ll take you”, from these enemies
<i>Чакласа улысалыд ке, Инмаре.</i>	И охранял бы от людей,	Would you protect [us], mt Inmar.
<i>Арысь лыктэм</i>	Говорящих “съем”, “выпью”, “возьму”,	We hold our annual ceremony:
<i>Восьёсыз тодад вайыса куриськом.</i>	Об этом мы просим тебя, наш Инмар.	Reminding you, we pray.
<i>Оло азьлозэ берло верай, дыр,</i>	Проводим ежегодное моление.	Maybe I said afterwards what should have been at the beginning,
<i>Оло берлозэ азьло верай, дыр.</i>	Помня тебя, к тебе обращаемся.	What should have come later, I said at the beginning.
<i>Ачид шуныт ки улад,</i>	Может быть, невпопад я сказал: Что надо было вначале Позже сказал,	Yourself, under your warm hand,
<i>Бурд улад карыса басьты, Инмаре-Кылчинэ!</i>	Что надо было позже, Вначале сказал. Прими все как есть.	under your wing, would you take us, my Inmar Kylchin!
<i>Куремжёмес кабыл карыса басьты.</i>	Возьми под свое крыло, наш Инмар-Кылчин. Наш Инмар-Кылчин!	Hear our requests and accept them.
	Внемли нашим просьбам и прими их.	

Записано (место)

с. Нижнебалтачево

Collected in (place)

Nizhnebaltachevo

Записано (время)

Collected in (time)

12.2016

Собиратель

Л. Мукаева

By

Информант

Шайсламов Василий
Гильфанович

From

Shayslamov, Vasilij
Gil'fanovich

**Расшифровка и перевод по
русски**

Гильмаев А. В.

**Transcription and translation
into Russian**

V. Gil'maev

Формат оригинала

Личный архив А. В. Гильмаева,
публикация

Format of the original

V. Gil'maev's private archive;
Publication

Comment

The Russian translation is quite free and does not follow faithfully the Udmurt text. The English one, on the contrary, is based on the original text.

Комментарий

Русский перевод довольно вольный и не совсем соответствует удмуртскому тексту. Английский перевод, напротив, основан на тексте оригинала.

Publication

Мукаева Л. *Мөр вöсь // Удмурт дунне. 1992 ар, 29 май..* Translation:
A. V. Gil'maev.

11. The Alga group. Prayer of promise and for the sacrificial ceremony 2016 (*Сӱзиськон но вӱсяськон дыръя курыськон* 2016) / Молитва при обещании и проведении жертвоприношения – 2016

(Сӱзиськыку): Осто,
югыт тӱдды бур
Инмаре-Кылчинэ!

(Во время обещания
жертвоприношения):
Осто, Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин!

(Promising): Osto, my
bright, white, good
Inmar Kylchin!

*Тани быдэс гуртэн
огкылсинмысь луыса,
одйг анай-атайлэн
нылпиосыз кадь
луыса тани тынад
азяд шыдэн-нянен
сӱзиськисько,*

Вот, всей деревней став
единодушными, словно
одних матери-отца
дети, вот перед тобой
супом-хлебом даем обет
принести жертву,

There, the whole village
unanimously, like
children of one mother
and father, there in
front of you with soup
and bread we promise,

*югыт тӱдды бур
Инмаре-Кылчинэ.*

Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин.

my bright, white, good
Inmar Kylchin.

*Осто, югыт тӱдды
бур Инмаре-Кылчинэ!*

Осто, Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин!

Osto, my bright, white,
good Inmar Kylchin!

*Тани быдэс гуртэн
огкылсинмысь
луыса, одйг анай-
атайлэн нылпиосыз
кадь луыса, (нимыз)
вӱсез ортчытыны
люкаським.*

Вот, всей деревней
став единодушными,
словно одних матери-
отца дети, (название)
жертвоприношение
провести собрались.

There, the whole village
unanimously, like
children of one mother
and father, we gathered
to hold a (name of the
ceremony).

*Сюрен-пелен тӱдды
ыж вандыса, лулзэ-
вирзэ, йырзэ-кукзэ
аслыд сӱтыса, тынад
азяд шыдэн-нянен
йыбырттӱсько,*

Рогатую-ушастую
белую овцу заколов,
душу-кровь, голову-
ноги тебе отдав, перед
тобой супом-хлебом
поклоняюсь,

Sacrificing a white ewe
with horns and ears,
giving to you its soul and
blood, its head and feet,
in front of you with soup
and bread I bend,

*югыт тӱдды бур
Инмаре-Кылчинэ.*

Мой Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин.

my bright, white, good
Inmar Kylchin!

<i>Ми туж шумпотысалмы милемлы азбар тыр тылобурдоен, гид тыр пудоен, чечыен-муэн улыны шуддэ-бурдэ сётысалыд ке.</i>	Мы очень обрадовались бы, если нам с полными птиц, дворами, полными скота, хлевами, медом- сладостями жить счастье подавал бы.	We would much rejoice, if you would give (us the possibility) to live with a yard full of birds, a barn full of livestock, with honey and mead, in [your] happiness and welfare.
<i>Тулыс уже потон дырря пельпум капчылыкёстэ сётысалыд ке.</i>	В пору весенних работ, легкости плечам давал бы.	When comes the time of spring works, would you give lightness to [our] shoulders.
<i>Милям кизем- пальккем няняка- йёсмылы, мертэм будосёсмылы сыпрак гинэ шунит- небыт зорёстэ ке сётысалыд,</i>	Нашим посеянным- расплескан-ным хлебам, посаженным растениям кратковременные теплые-мягкие дожди бы подавал,	To our sown and wide- spread crops, to our planted plants would you give temporary warm and soft rains,
<i>югыт тодьы бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	my bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Аслад югыт дунне вылэ яратыса сётэм бэндэосыдылы шуддэ- бурдэ, тазалыкдэ-бай- лыкдэ сётысалыд ке, чер-чургёслэсь, нымыр- кибыос-лэсь ке сакласа мынысалыд.</i>	Рожденным с любовью на белом свете людям твоим, счастье, здоровье, богатство подал бы, от болезней- хворей, червей-жуков оберегал бы.	To your creatures, given with love in the bright world by you, would you give your happiness and welfare, your health, your wealth, would you protect [them] from illness and disease, from worms and maggots.
<i>Милесьтым улос- вылосмес алама зор-котёслэсь, силь-дауослэсь, лымы жокатэмлэсь, тылпулэсь сакласа мынысалыд ке.</i>	Наше житье-бытье от плохих дождей- сырости, ураганов- бурь, удушения снегом, пожаров оберегал бы.	Our living dwellings would you protect from bad rains and wetness, from winds and hurri- canes, from suffocating under snow, from fires.
<i>Кабыл карыса басьты вал,</i>	Принял бы благосклонно,	Would you receive with favour

<i>югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ. Оминь!</i>	Мой Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин. Аминь.	my bright, white, good Inmar Kylchin! Amen.
<i>Остэ, югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ!</i>	Осто, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин!	Osto, my bright, white, good Inmar-Kylchin!
<i>Тани быдэс гуртэн огкылсинмысь луыса, одйг анай-атайлэн нылпиосыз кадь луыса тынад азяд шыдэн- нянен йыбырттйсько.</i>	Вот, всей деревней став единокрушными, словно одних матери- отца дети, вот перед тобой супом-хлебом поклоняюсь	There, the whole village unanimously, like children of one mother and father, there in front of you with soup and bread I bend.
<i>Кузьыли карын кузьылиос кыллем кадь, кӧкыын сабиед кылле, со сабиедлэн кыллемез кадь, тулыс виясь вуосыд кадь, ошмесысь азвесь виясь вуосыд кадь улыны шуддэ-бурдэ ке сӥтысалыд.</i>	Словно муравьи в муравейнике, в колыбели ребенок находится, словно тот ребенок, словно твои текущие вешние воды, словно твои родниковые серебристые воды жить счастье дал бы.	Like ants in an ant nest, your infant lying in the cradle, like just that child, like your spring waters flowing, like your silver waters from the springs, would you give [us] to live in your happiness and welfare.
<i>Ми туж шумпотысалмы, милям тулыс поттэм пудоосмылы жалем турындэ ке сӥтысалыд,</i>	Мы бы очень обрадовались, если б нашей скотине весенним выгоном сочную траву подавал,	We would much rejoice, if you would give to our livestock going out in spring, your juicy grass,
<i>азвесь кадь чылкыт вуостэ ке сӥтысалыд,</i>	серебристую вкусную воду подавал,	If you would give them your waters pure as silver,
<i>чер-чуртӥслэсь, нымыр- кибыслэсь ке сакласа мынысалыд.</i>	от болезней-хворей, от червей-жуков оберегал.	If you would protect them from illness and disease, from maggots and insects.
<i>Чумолё выжые чумолё, кабан выжые кабанэн турымтӥстэ ке сӥтыса мынысалыд.</i>	К основанию стога стог, к основанию скирды скирду сена подавал бы.	At the root of a hay- stack, a haystack, at the root of a rick a rick, would you give [us] hay.

<i>Чышконо ыжгёсмес буртчин кадь ыжгоно ке карысалыд, кысконо скалгёсмес йёло-вёё ке карысалыд.</i>	Стригомых овец с шелковой шерстью бы сделал, дойных коров молочно- масляными бы сделал.	Our ewes to be sheared, would you make their wool like silk, Our cows to be milked would you make them milky and buttery.
<i>Ми туж шумпотысалмы, чет еле буш мешокен потыса кошкем бэндэосыдлы, тыр мешокен бертымон берекетгёс-тэ ке сётысалыд.</i>	Мы бы очень обрадовались, если б ушедшим с пустым мешком на чужбину людям твоим, с полным мешком возвратиться изобилие дал.	We would much rejoice if to your creatures who would go out with an empty bag, you would allow them to come back with a full one.
<i>Сюрес вылын мынон- ветлон дыргя, бэлэ- казаослэс ке утьыса мынысалыд.</i>	Во время нахождения в пути от несчастий- бедствий оберегал бы.	When going on the road, would you protect [us] from harm and loss.
<i>Сьёлыктэм шорыс пачкам бэндэосыдлэс жеч иворгёс ке выттысалыд, бэлэ-казаослэс ке сакласа мынысалыд. Кабыл карыса басьты вал, югыт тодьы бур Инмаре-Кылчинэ. Оминь!</i>	От безвинно заточенных людей твоих хорошие вести бы присылал, от несчастий-бедствий бы оберегал. Принял бы благосклонно, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин. Аминь!	From your innocent creatures arrested, would you send good news, From harm and loss would you protect [us/them] Receive with favour, my bright, white, good Inmar Kylchin. Amen!
<i>Остэ, югыт тодьы бур Инмаре-Кылчинэ!</i>	Осто, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин!	Osto, my bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тани быдэс гуртэн огкылсинмысь лубыса, одйг анай-атайлэн нылпиосыз кадь лубыса, тынад азяд шыдэн- нянен йыбырттйсько.</i>	Вот, всей деревней став единодушными, словно одних матери- отца дети, вот перед тобой супом-хлебом поклоняюсь.	There, the whole village unanimously, like chil- dren of one mother and father, there in front of you with soup and bread I bend.
<i>Араны потон дыр вуыса, пельпум капчилыкгёстэ сётыса мынысалыд ке,</i>	С наступлением жатвы легкости плечам бы подавал,	When the time of har- vest comes, would you give lightness to [our] shoulders,

<i>милесьтым нянякайёсмес куамын куроен камыш кадь удалтытысалыд ке,</i>	наши хлеба с тридцатью соломинками, словно камыш, уродил бы,	Our crops would you let them succeed with thirty stems like reeds,
<i>суслон вёзы суслон пуктысалмы, кабан вёзы кабан пуктысалмы.</i>	суслон к суслону бы ставили, скирду к скирде бы ставили.	Rick close to rick would we put, haystack close to haystack would we put.
<i>Кабанёсмы дас кык ар пукыса, вылаз бадь потымон, пот потымон берекетъёстэ сётысалэд ке.</i>	Скирдам нашим двенадцать лет стоять, с поросшей сверху ивой, с поросшей сверху лебедой стоять изобилие бы дал.	Would you allow our haystacks to stand twelve years, would you give your abundance with the orch growing on top, with the willow growing on top.
<i>Бусыысь итыме ворттон дырзя, пар валэн ворттымон берекетъёстэ сётысалыд ке, Инмаре-Кылчинэ.</i>	Когда свозим с поля в гумно, на паре лошадей возить изобилие подавал бы, Мой Инмар-Кылчин.	When we transport grain from the field to the threshing place would you give a couple of horses to carry this wealth, my Inmar Kylchin!
<i>Ми туж шумпотысалмы кеносысь сюлысэн- пужен басьтон дырзя кемонтэм берекетъёстэ сётысалыд ке.</i>	Мы бы очень обрадовались, когда из клетки лотками-ситками берем, нескончаемое изобилие бы подавал.	We would much rejoice, when we take from the attic the tray and the sieve, if you would give [us] your infinite wealth.
<i>Олло азьзэ бераз верасько, берзэ азяз верасько, дыр, югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ,</i>	Может начало в конце говорю, конец в начале говорю, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин,	Perhaps I say the be- ginning at the end, the end at the beginning, my bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>мынэсьтым вуттымтэосме ачид шуныт киулад басьтыса мын вал, югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	мною не доведенное до конца, сам в свою теплую подмышку брал бы, Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	What I failed to achieve, would you take it yourself in your warm armpit, my bright, white, good Inmar Kylchin.

<i>Милесьтым куриськемъёсмес кабыл карыса басьты вал,</i>	Наши молитвы благосклонно принимал бы,	Receive with favour our prayers,
<i>югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	Мой Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	my bright, white, good Inmar Kylchin.
<i>Кабыл карыса басьты, Инмаре-Кылчинэ! Оминь!</i>	Прими благосклонно, Мой Инмар-Кылчин. Аминь!	Receive with favour, my Inmar Kylchin!

Записано (место)

Нижнебалтачево

Collected in (place)

Nizhnebaltachevo

Записано (время)

2016

Collected in (time)

2016

Собиратель

Р. Р. Садиков, Н. В. Анисимов,
Е. Тулуз

By

Ranus Sadikov, Nikolai Anisimov,
Eva Toulouze

Информант

Жрец Адуллин Евгений
Казипович 1965 г. р.

From

Evgeniy Adullin, born 1965,
sacrificial priest

Расшифровка

Ранус Садиков

Transcription

Ranus Sadikov

Формат оригинала

Лист (формат А4)
с распечатанным на лазерном
принтере текстом

Format of original

Sheet (A4)
with the text printed on a laser
printer

Функция

Молитва произносится на
деревенском и окружном
жертвоприношениях

Function

The prayer is said at village and
regional sacrificial ceremonies

12. The Alga group. Prayer of promise and for the sacrificial ceremony 2019 (*Сӱзиськон но вӧсяськон дыръя куриськон* 2019) / Алгинская группа: Молитва при обещании и проведении жертвоприношения 2019

<i>Осто, бадӱым мусо¹ югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ!</i>	Осто, Мой Большой, Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин!	Osto, my great, dear, bright, white, good Inmar Kylchin!
<i>Тани вань удмурт калыкеныд² огкылсинмысь лубыса, одйг анайлэн-атайлэн нылъёсыз-пиосыз кадь лубыса, (нимыз) вӧсез ортчытыны люкаським. Сюрен-пелен тӧдды ыж вандыса, лулзэ-вирзэ,</i>	Вот, всем твоим удмуртским народом став единодушными, словно одних матери- отца дети, (название) жертвоприношение провести собрались. Рогатую-ушастую белую овцу заколов, душу-кровь,	There, with all your Udmurt people being unanimous, Being like daughters and sons of one mother and father, We gathered to perform the (name) ceremony. Slaughtering a white ewe with horns and ears, giving you its soul and its blood,
<i>йырзэ-кукзэ аслыд сётыса, тынад азяд шыдэн-нянен йыбырттйсько,</i>	голову-ноги тебе отдав, перед тобой супом- хлебом поклоняюсь,	its head and its feet, I bend to you with soup and bread,
<i>бадӱым мусо югыт тӧдды бур Инмаре-Кылчинэ. Ми туж шумпотысалмы милемлы азбар тыр тылобурдоен, гид тыр пудоен, чечыен-муэн улыны шуддэ-бурдэ ке сётысалыд.</i>	Мой Большой, Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин. Мы очень обрадовались бы, если нам с полными птиц, дворами, полными скота, хлевами, медом- сладостями жить счастье подавал бы.	my great, dear, bright, white, good Inmar Kylchin! We would much rejoice if you would give us your happiness and welfare to live with a yard full of birds, a stable full of livestock, with honey and mead.
<i>Тулыс уже потон дыръя пельпум капчылыкӧстэ сётыса мын вал³, мусо Инмаре-Кылчинэ.</i>	В пору весенних работ, легкости плечам подавая, шел бы, Мой Милый Инмар-Кылчин.	In spring at the moment to go out working, would you give your lightness to our shoulders, my dear Inmar Kylchin.

Милям кизем-
пальккем
нянякайёсмылы,
мерттэм
будосъёсмылы *шуныт*
куазьёстэ, сыпрак
гинэ шуныт-небыт
зоръёстэ *сётыса мын*
вал, бадъым, мусо
югыт тӧдды бур
Инмаре-Кылчинэ.

Нашим посеянным-
расплесканным хлебам,
посаженым растениям
теплую погоду,
кратковременные
теплые-мягкие дожди
бы подавая, шел
бы, Мой Большой,
Милый, Светлый,
Белый, Благый
Инмар-Кылчин.

To our sown and
widespread crops, our
planted plants, go on
giving them warm
weather, only warm
and soft rains, my dear,
bright, white and good
Inmar Kylchin.

Сильдаулэсь, лек
пужмеръёслэсь ачид
*сакласа мын вал*⁴.

От бурь, сильных
заморозков, сам
оберегая, шел бы.

From storm, from hard
frosts go on protecting
[us] yourself.

Аслад югыт дунне
вылэ яратыса сётэм
бэндэосылды шуддэ-
бурдэ, тазалыкдэ-
байлыкдэ, *кузь*
*гумыръёстэ*⁵ *сётыса*
мын вал, мусо
Инмаре-Кылчинэ,
тани.

Рожденным с любовью
на белом свете людям
твоим, счастье,
здоровье, богатство,
долгий век, подавая,
шел бы, Мой Милый
Инмар-Кылчин, вот.

To the creatures you
have yourself given on
the bright world with
love, go on giving your
happiness and welfare,
and a long century, your
health and wealth, my
dear Inmar Kylchin,
there.

Чер-чуръёслэсь,
нымы-кибыослэсь,
алама висёнъёслэсь,
наркоманилэсь ачид
*сакласа мын вал*⁶.

От болезней-хворей,
червей-жуков, от
плохих болезней,
наркомании сам,
оберегая, шел бы.

From illnesses and
diseases, maggots and
worms, evil illnesses,
drug addiction go on
yourself protecting [us].

Милесьтым улос-
вылосмес алама
зор-котлэсь, *ву*
гылтэмлэсь, лымы
жокатэмлэсь,
*тылзлэсь-пулзэ*⁷
сакласа мын вал, югыт
Инмаре-Кылчинэ.

Наше житье-бытье
от плохих дождей-
сырости, размыва
водой, удушения
снегом, пожаров,
оберегая, шел
бы, Мой Светлый
Инмар-Кылчин.

Go on protecting our life
and dwellings from evil
storms, from floods, from
suffocation from snow,
from fires and conflagra-
tions, my bright Inmar
Kylchin.

Кабыл карыса
басьтыса мын вал,
бадъым, мусо, югыт
тӧдды бур Инмаре-
Кылчинэ. Оминь!

Принимая благосклонно,
шел бы, Мой Большой,
Милый, Светлый,
Белый, Благый Инмар-
Кылчин. Аминь!

Go on receiving with
favour, my great, dear,
bright, white and good
Inmar Kylchin. Amen!

*Осто, бадъым, мусо,
югыт тӧдды бур
Инмаре-Кылчинэ!*

Осто, Мой Большой,
Милый, Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин!

Osto, my great, dear,
bright, white, good
Inmar Kylchin!

*Тани вань удмурт
калыкеныд²
огкылсинмысь лубыса,
одйг анайлэн-атайлэн
нылтёсыз-пиосыз
кадь лубыса, тынад
азяд шыдэн-нянен
йыбырттйсько.*

Вот, всем твоим
удмуртским народом
став единоклубными,
словно одних матери-
отца дети, вот перед
тобой супом-хлебом
поклоняюсь.

There with all your
Udmurt people, being
unanimous, being like
daughters and sons of
one mother and one
father, I bow in front
of you with soup and
bread.

*Кузьыли карын
кузьылиос кыллем
кадь, кӧкыын сабиед
кылле, со сабиедлэн
кыллемез кадь, тулыс
виясь вуосыд кадь,
ошмесысь азвесь
виясь вуосыд кадь
улыны шуддэ-бурдэ
сётыса мын вал, мусо
Инмаре-Кылчинэ.*

Словно муравьи
в муравейнике,
в колыбели ребенок
находится, словно
тот ребенок, словно
твои текущие
вешние воды, словно
твои родниковые
серебристые воды
жить, счастье подавая,
шел бы, Мой Милый
Инмар-Кылчин.

Like ants in their
anthill, like your
newborn lies in the
cradle, like this
newborn of yours, like
your spring flowing
waters, like your waters
flowing like silver from
the spring, go on giving
[us] your happiness and
welfare to live, my dear
Inmar Kylchin.

*Ми туж
шумпотысалмы,
милям тулыс поттэм
пудоосмылы жалем
турындэ, азвесь кадь
чылкыт виясь вуостэ
ке сётысалыд,*

Мы бы очень
обрадовались, если
б нашей скотине
весенним выгоном
сочную траву подавал,
серебристую чистую
текущую воду подавал,

We would much rejoice,
if you would give to our
lifestock going out in
spring, your juicy grass,
your pure water flowing
like silver,

*соосты чер-чуртёслэсь,
нымы-кибыослэсь ке
сакласа мынысалыд*

их от болезней-хворей,
от червей-жуков
оберегал.

if you would protect
them from illnesses and
diseases, from maggots
and worms,

*Тулыс одйген поттыса,
сйзьыл доре пыртыку
кыкен-куинен
доре пыртымон
берекетёстэ сётыса
мын вал⁸.*

Весной одной
выпущенную, осенью,
когда домой загоняем,
двойня-тройнями чтоб
загонять, достаток
подавая, шел бы.

Going alone in spring,
while entering home
in autumn, give us the
abundance of having
them in twos or threes
going back.

Чумолё выжые чумолё, кабан выжые кабанэн турын-куродэ сётыса <i>мын вал</i> .	К основанию стога стог, к основанию скирды скирду сена-соломы подавая, шел бы.	Go on giving us hay and straw, a sheaf at the root of a sheaf, a haystack at the root of a haystack.
Чышконо ыжгёсмес буртчин кадь ыжгоно, кысконо скалгёсмес йёло-воё карыса <i>мын вал, мусо</i> , югыт Инмаре-Кылчинэ.	Стригомых овец с шелковой шерстью делая, дойных коров молочно- масляными делая, шел бы, Мой Светлый Инмар-Кылчин.	Go on making our shearing lambs like silk, our milking cows milky and buttery, my dear and bright Inmar Kylchin.
<i>Уждурын капчилыкгёстэ сётыса, доре тыр мешокен бертымон берекетгёстэ сётыса мын вал</i> ⁹ .	На работе легкости подавая, домой с полным мешком возвратиться, достатка подавая, шел бы.	Please go on giving us lightness at work, giving us the wealth to come back with full bags.
Сюрес вылын мынон- ветлон дыръя, бэлэ-казалэсь, <i>алама сюреслэсь но авариослэсь утыса мын вал, мусо Инмаре-Кылчинэ</i> ¹⁰ .	Во время нахождения в пути от несчастий- бедствий, плохих дорог и аварий, оберегая, шел бы, Мой Милый Инмар-Кылчин.	When it is time to go on the road, go on protect- ing us from troubles and grief, from evil roads, from accidents, my dear Inmar Kylchin.
Сьёлыктэм шорысь <i>учырам</i> бэндэосылдлэсь жеч иворгёс вуттыса, бэлэ-казаослэсь сакласа, <i>сьёлыко нылтиосылдлэсь сьёлыксэс быдтыса мын вал, Инмаре-Кылчинэ</i> ¹¹ .	От безвинно попавшихся людей твоих хорошие вести присылая, от несчастий-бедствий охраняя, у грешных детей своих грехи устраняя, шел бы, Мой Инмар-Кылчин.	From your people who have innocently fallen, would you go on receiv- ing good news, protect- ing them from trouble and griefs, would you stop the sins of your sin- ful children, my Inmar Kylchin.
Кабыл карыса <i>басьтыса мын вал, бадзым, мусо</i> , югыт тёдды бур Инмаре- Кылчинэ. Оминь!	Принимая благосклонно, шел бы, Мой Большой, Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар- Кылчин. Аминь!	Go on accepting with favour, my great, dear, bright, white and good Inmar Kylchin. Amen!

*Осто, бадзым, мусо,
югыт тодды бур
Инмаре-Кылчинэ!*

Осто, Мой Большой,
Милый, Светлый,
Белый, Благой
Инмар-Кылчин!

Osto, my great, dear,
bright, white, good
Inmar Kylchin!

*Тани вань удмурт
калыкеныд
огкылсинмысь лубыса,
одйг анайлэн-атайлэн
нылтёсыз-пиосыз
кадь лубыса, тынад
азяд шыдэн-нянен
йыбырттйсько.*

Вот, всем твоим
удмуртским народом
став единоклубными,
словно одних матери-
отца дети, вот перед
тобой супом-хлебом
поклоняюсь.

Here, with all your
Udmurt people, being
unanimous, being like
the daughters and sons
of one mother and one
father, I bow in front
of you with soup and
bread.

*Араны потон дыр
вуыса, пельпум
капчилыкжётэ сётыса
мын вал, милесьтым
нянякайёсмес куамын
куроен камыш кадь
удалтытыса ул вал,
мусо Инмаре-Кылчинэ.*

С наступлением
жатвы легкости
плечам подавая, наши
хлеба с тридцатью
соломинками, словно
камыш, урождая,
шел бы, Мой Милый
Инмар-Кылчин.

When it is time to go
harvesting, go on giving
us your lightness on
the shoulders, grow our
crops so that their stems
would be like reeds, my
dear Inmar Kylchin.

*Бусысь итыме ворттон
дыргя, пар машинаосын¹²
ворттымон
берекетжётэ сётыса
мын вал.*

Когда свозим с поля
в гумно, на паре
машин возить достатка
подавая, шел бы.

When the time comes to
transport the harvest to
the threshing floor, go
on giving the wealth of
[having] a couple of cars.

*Итымысь бастон
дыргя быронтэм
берекетжётэ сётыса
мын вал.*

Когда берем из
гумна, нескончаемое
изобилие, подавая шел
бы.

When we take from the
threshing floor, go on
giving us your wealth of
infinite grain.

*Жок выл тыр
сиён-юонэн, тыр
нянякайёсын улыны
берекетжётэ сёт вал,
Инмаре-Кылчинэ.*

Столom полным
еды-питья, цельным
хлебом жить, достатка
подавая шел бы, Мой
Инмар-Кылчин.

Give us your wealth of
living with on the table
plenty of food and drink,
plenty of bread, my
Inmar Kylchin.

*Вань удмурт калыклы
жечлыктэ, ваньбурдэ
сёт, шудо улондэ вай,
Инмаре-Кылчинэ.¹³*

Всему удмуртскому
народу боагости,
достатка подай,
счастливую жизнь дай,
Мой Инмар-Кылчин.

Give all the Udmurt
people your welfare and
your wealth, your happy
life, my Inmar Kylchin.

*Дунне выльз
удмуртёслэн зеч
данзы мед вöлмоз.*

*Шаермес тйрен-
пуртэн, пычал
тйрлыккен
ожмаськонлэсь уть.*

*Гуртёсы пырысь
через-чурез, тузонэз
сяин, лысвуэз сяин,
кыдёке, нюлэс съёры
пазыгыса лэзь.*

*“Сиё-юо” шуисьёслэсь
азвесь кенерен
котыртуса утьыса
ул, Инмаре-Кылчинэ¹⁴.*

*Нылпиосмы корка
тыр мед луозы, соослы
шуддэ-бурдэ, азинлыктэ,
тазальктэ¹⁵,
сабырлыктэ, байлыктэ,
визьдэ сётыса мын.*

*Нылпиосмы мед
кылзиськозы анай-
атайёссылэсь,
дано мед карозы
пересьёсыз, мед утёзы
удмуртлыкмес.¹⁶*

*Нылпиосмы мед
кылзиськозы анай-
атайёссылэсь,
дано мед карозы
пересьёсыз, мед утёзы
удмуртлыкмес.*

*Нылпиосмы мед
кылзиськозы анай-
атайёссылэсь,
дано мед карозы
пересьёсыз, мед утёзы
удмуртлыкмес.*

По миру об удмуртах
добрая слава пусть
распространится.

Край наш с топорами-
ножами, с огнестрельным
оружием сражений
храни.

Входящие в деревни
болезни-хвори,
словно пыль, словно
росу, далеко за лес,
рассыпав брось.

От “съем-выпью”
говорящих, оградив
серебряной изгородью,
храни, Мой
Инмар-Кылчин.

Детей пусть будет
полный дом, им
счастья, удач, здоровья,
спокойствия, богатства,
подавая иди.

Дети пусть слушаются
матерей-отцов, пусть
ославят стариков, пусть
хранят удмуртскость.

Дети пусть слушаются
матерей-отцов, пусть
ославят стариков, пусть
хранят удмуртскость.

Дети пусть слушаются
матерей-отцов, пусть
ославят стариков, пусть
хранят удмуртскость.

Let spread the glory
of the Udmurt in the
world.

Protect our country
from war with an axe
and a knife, from fire
weapons.

Throw away the illnesses
and diseases that enter
the villages, like dust,
like dew, scatter them far
away, behind the forest.

Protect us from those
who say “I’ll eat you”,
”I’ll drink you” encircling
us with a silver fence,
my Inmar Kylchin.

Let our house be full of
our children, give them
your happiness, your
success, your health,
your calm, your richness
and your intelligence.

Let our children listen
and obey their mother
and father, let them re-
spect the elder, let them
protect our Udmurtness.

Let our children listen
and obey their mother
and father, let them re-
spect the elder, let them
protect our Udmurtness.

Let our children listen
and obey their mother
and father, let them
respect the elder,
let them protect our
Udmurtness.

<i>Нылпиосмы мед кылзиськозы анай- атайёссылзсь, дано мед карозы пересьёсыз, мед утёзы удмуртлыкмес.</i>	Дети пусть слушаются матерей-отцов, пусть ославят стариков, пусть хранят удмуртскость.	Let our children listen and obey their mother and father, let them respect the elder, let them protect our Udmurtness.
<i>Ноку медаз адёе соос ултйямез, бадзым Инмаре-Кылчинэ.¹⁷</i>	Никогда пусть не видят они унижений, Мой Большой Инмар-Кылчин.	Let them never know humiliation, my great Inmar Kylchin.
<i>Удмурт калык медаз ышты сюләмо лякыт сямзэ.</i>	Удмуртский народ пусть не потеряет свой сердечный и скромный нрав.	Let the Udmurt people never lose their sweet modest customs.
<i>Медаз чигы солэн чиданзэ.</i>	Пусть не кончится у него терпения.	Let their patience never end.
<i>Губырмем тыбырзэ шонертыны мед быгатоз.</i>	Согнутую спину расправить пусть сможет.	Let them be able to straighten their backs.
<i>Жадёнзэ тодытэк, шумпотыса мед ужалоз, кутскем удыссэ пумозыз мед вуттоз вал, Инмаре-Кылчинэ.</i>	Не зная устали, радостно пусть трудится, начатое дело до конца пусть доведет, Мой Инмар-Кылчин.	Ignoring fatigue, let them work in joy, let them bring to end what they started, my Inmar Kylchin.
<i>Мынам азям книгае- коранэ өвёл¹⁸, Инмаре- Кылчинэ, олло азылозэ берло верасько, дыр, берлозэ азыло верасько, дыр, мынэсьтым вуттымтэосме ачид аслад щуныт киулад басьтыса мын, курымтэосме ачид сётыса ул вал, бадзым, мусо, югыт тёдды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	Передо мной книги- корана нет, Мой Инмар-Кылчин, может начало в конце говорю, конец в начале говорю, мною не доведенное до конца, сам в свою теплую подмышку взяв, иди, не упрощенное, сам подавал бы, Мой Большой, Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	In front of me I have no book or Koran, my Inmar Kylchin. Perhaps I say the beginning at the end, Perhaps the end at the beginning, What I have not achieved, go on holding it in your warm armpit, what we have asked, go on giving it yourself, my great, dear, bright, white and good Inmar Kylchin.

<i>Милесьтым куриськемъёсмес кабыл карыса басьтыса мын вал, бадъым, мусо, югыт тодды бур Инмаре-Кылчинэ.</i>	Наши молитвы благосклонно принимая шел бы, Мой Большой, Милый, Светлый, Белый, Благой Инмар-Кылчин.	Our prayers, would you go on receiving them with favour, my great, dear, bright, white and good Inmar Kylchin.
<i>Кабыл карыса басьты, мусо Инмаре- Кылчинэ! Оминь!</i>	Прими благосклонно, Мой Милый Инмар- Кылчин. Аминь!	Receive with favour, my dear Inmar Kylchin! Amen!

Записано (место)

Старокалмиярово

Collected in (place)

Starokalmiyarovo

Записано (время)

2019

Collected in (date)

2019

Собиратель

Ранус Садилов

By

Ranus Sadikov

Информант

Жрец Байрамшина Ефима
Гильмурановича, 1953 г. р.

From

Efim Gil'muranovich Bayramshin,
born 1953, sacrificial priest

Формат оригинала

Текст распечатан на лазерном
принтере на листе формата А4,
ламинирован. Фотокопия

Format of original

A4 paper, laser printer.
Photocopy

Comments

This text is used by all the sacrificial priests in the Alga group. It is a very interesting text, as it is a modification of the previous one, to which an assembly of sacrificial priests decided in 2019 to add some elements. Some changes are purely linguistic and add to the poetic load of the text, while others add new ideas and adapt the text to modernity. These added sentences are given here in red. The source of the modification is a prayer from Anatoliy Galikhanov, uttered at *Elen vös'*.

1. This first change is not a fundamental one: to the list of adjectives characterising Inmar Kylchin, two are added, "great" and "dear".

2. In contrast this change is highly significant. Until Galikhanov's initiative, insistence on ethnic belonging had been totally absent from the texts. It is not absurd for it to emerge at the beginning of the third decade of the 21st century, when the ethnic dimension is powerfully threatened both by state policy (with the elimination of vernacular languages from school, turning them into facultative subjects) and by local choices by the population not to speak to their children in the vernacular. The maintenance of religious practice is very directly connected to language use, as the prayers are spoken, in Udmurt. This is the first sign: the people who attend the ceremonies, are not only Udmurts, but "your" Udmurts, the Udmurts who belong to Inmar Kylchin.
3. Here the main modification is in the formula used to ask God for his blessings. The older conditional expressions are replaced by soft imperatives with the use of a gerundive construction and the auxiliary verb *mynyny*, 'to go'.
4. Here the addition expresses the concerns of the Udmurt about the weather more precisely: protection is sought against storms and frosts.
5. Here there is a whole list of requests with a last one added: a long century.
6. Here the sacrificial priests have added new concerns: evil illnesses (although this change was made before the COVID pandemic) and drugs. This is one of Galikhanov's innovations, for the drug concern is a serious one as young people go to university to big towns or cities and are vulnerable.
7. Here two natural concerns are added to the previous list: flood and fires.
8. This addition expresses the wish that the livestock would increase in summer.
9. It is important not to forget that many Eastern Udmurt have gone abroad in recent years to earn their livelihood. Migration has taken place to bigger towns close to the Udmurt area (Chaikovski, Chernushka), or to more distant cities, Perm', Yekaterinburg and even to the Siberian oil fields.
10. Here modern concerns are expressed in the form of bad roads, as there are bad roads around the Udmurt villages and crashes happen.
11. This addition is curious, insisting on the notion of 'sin', and on forgiveness of children's sins. The children are sinful, but the elder asks God to provide them a clean slate. Does this show some influence from Islam or Christianity?

12. Another updating of the text: formerly the Udmurt used to ask for a couple of horses to transport the grain from the field to the threshing area. Now they ask for cars... We must acknowledge that horses persisted for a long time.
13. Here come the next modifications connected with Udmurtness: happiness is requested for the Udmurt people; let the Udmurt be well spoken of in the world; let the Udmurt land be protected from war... Later, about the younger generation, the request is even more insistent: let them not forget their Udmurtness.
14. While so far the requests were very general, either 'give' or 'protect', here we start to have more precise requests: not only protect us from illnesses, but send the illnesses away as dust, as dew; not only protect us from witches or wizards, but build a silver fence around us.
15. This is a very important request: children are at the centre of Udmurt life. Here, not only is the wish that the house would be full of children, but also that they would benefit from all the godly blessings.
16. This is a very interesting request. It is new, because there was no need for it before. Udmurt families were very united and harmonious. But the Udmurt have experienced the same changes as everyone in that: the younger generations are not keen to pursue their lives as their elders did and so intergenerational conflict may occur. This is referred to in this request, that they would be obedient, listen to their elders and respect the elder generation. It is repeated thrice, showing the reality of this concern.
17. The four following sentences insist on the peaceful character of the Udmurt and the dangers of this character. It is easy to humiliate the Udmurt, who have no strong defences against this. So, the demand not to allow them to be humiliated has a historical basis, as well as the wish for their backs to be straight. But this does not mean a change in their habits: let them remain sweet and modest, let their patience have no end, and let them remain as diligent in work as their reputation requires.
18. In all old prayers, there is a part insisting on the worthlessness of the priest, who may be wrong in the way he organises his ceremony. This goes further: we have no book, no Koran. Let us not forget that all the neighbours are Muslims.

Комментарии

Этот текст используется всеми жрецами алгинской группы. Это очень интересный текст, являющийся модификацией предыдущего, в который собрание жрецов в 2019 году решило добавить некоторые элементы. Некоторые изменения носят чисто лингвистический характер и увеличивают поэтическую нагрузку текста, но некоторые приносят новые идеи и адаптируют текст к современности. Эти добавленные предложения выделены здесь красным цветом. Источником изменений является молитва Анатолия Галиханова, произнесенная на *Элен вöсь*.

1. Первое изменение не является фундаментальным: к списку прилагательных, характеризующих *Инмара-Кылчина*, добавляются два – великий и дорогой.
2. Наоборот, это изменение очень значительное. До инициативы Галиханова настойчивое подчеркивание этнической принадлежности полностью отсутствовало в текстах. Не случайно она появляется в начале третьего десятилетия XXI века, когда этническое измерение находится под сильной угрозой как со стороны государственной политики (исключение из школьного образования местных языков, превращение их в факультативные предметы), так и со стороны местного населения, которое предпочитает не говорить со своими детьми на местном языке. Сохранение религиозной практики напрямую связано с использованием языка, поскольку молитвы произносятся на удмуртском. Это первый признак: люди, участвующие в обрядах, не просто удмурты, а “твой” удмурты, удмурты, принадлежащие к *Инмар-Кылчину*.
3. Здесь основное изменение заключается в формуле, используемой для того, чтобы попросить Бога о благословениях. Старые условные выражения заменяются мягкими императивами с использованием герундиальной конструкции и вспомогательного глагола *мыныны*, “идти”.
4. Здесь дополнение выражает переживания удмуртов, более точно переживания о погоде: просят защиты от бурь и морозов.
5. Здесь есть целый список пожеланий, и к нему добавляется последнее: долгий век.
6. Здесь жрецы добавили новые темы: злые болезни (хотя это изменение произошло еще до пандемии COVID) и наркотики. Это одно из нововведений Галиханова, поскольку проблема наркотиков – серьезная, ведь молодые люди уезжают учиться в университеты в большие города или поселки и являются уязвимыми.
7. Здесь к предыдущему списку добавляются две природные проблемы: наводнения и пожары.

8. Это добавление содержит пожелание, чтобы поголовье скота увеличивалось к лету.
9. Важно помнить, что многие закамские удмурты в последние годы далеко от родины, чтобы заработать на жизнь. Миграция происходила в более крупные города поблизости (Чайковский, Чернушка), или в города дальше, Пермь, Екатеринбург и даже на сибирские нефтяные месторождения.
10. Здесь также выражены современные проблемы: плохие дороги (вокруг удмуртских деревень действительно плохие дороги и происходят аварии).
11. Это дополнение любопытно тем, что навязывает понятие греха, настаивая на прощении грехов детей. Дети грешны, но старшие просят Бога дать им возможность быть чистыми. Нет ли здесь влияния ислама или христианства?
12. Еще одно обновление текста: раньше удмурты просили пару лошадей для перевозки зерна с поля на молотилку, а теперь просят машины. Надо признать, что лошади держались очень долго.
13. Далее следуют модификации, связанные с удмуртскостью: просят счастья для удмуртского народа; чтоб об удмуртах хорошо говорили во всем мире; чтоб удмуртскую землю защищали от войны... Позже, в отношении молодого поколения, просьба еще более настойчивая: пусть не забывают свою удмуртскость.
14. Если до сих пор просьбы были очень общими – дать или защитить, то здесь появляются более конкретные детали: не только защитить от болезней, но и отослать болезни как пыль, как росу; не только защитить от ведьм или колдунов, но и построить вокруг серебряную ограду.
15. Это очень важная просьба: дети занимают центральное место в жизни удмуртов. Здесь не только желают, чтобы дом был полон детей, но и чтобы они пользовались всеми божественными благословениями.
16. Это очень любопытная просьба, новая, потому что раньше в ней не было необходимости. Удмуртские семьи были очень сплоченными и гармоничными. Но удмурты пережили те же изменения, что и все: младшие поколения не стремятся строить свою жизнь, как это делали старшие. Могут возникать конфликты между поколениями. Именно на это указывает просьба: чтобы дети были послушными, слушали и уважали старших. Эта просьба повторяется трижды, показывая серьезность проблемы.
17. Четыре следующих предложения подчеркивают мирный характер удмуртов и опасности этого. Удмуртов легко унизить, у них

нет сильной защиты. Таким образом, требование не позволять их унижения имеет исторические основания, как и желание, чтобы их спины были прямыми. Но это не означает изменения их привычек: пусть они остаются милыми и скромными, пусть их терпению не будет конца, и пусть они остаются такими же прилежными в работе, как того требует их репутация.

18. Во всех старых молитвах есть часть, настаивающая на ничтожности жреца, который может ошибаться в организации обряда. Здесь дело идет дальше: у нас нет книги, нет Корана. Не будем забывать, что все соседи – мусульмане.

About the authors / Об авторах

Dr. Eva Toulouze is a French anthropologist and Finno-Ugrist living in Tartu. She is Professor of Finno-Ugric studies at INALCO (the Institute of Eastern Languages and Cultures), Paris, and a researcher at the chair of Ethnology at the University of Tartu. She has been investigating Udmurt traditional culture and particularly religion, since 2013.

Ева Тулуз – французский антрополог и финно-угровед, живущая в г. Тарту (Эстония); доктор, профессор Института восточных языков и культур в Париже, научный сотрудник Тартуского университета. С 2013 г. исследует традиционную культуру удмуртов, в особенности религиозную систему; награждена удмуртской премией Ашальчи Оки.

Dr Liivo Niglas is an Estonian ethnologist who specialised in visual anthropology, about which he defended his PhD thesis in Tartu University in 2020. He is the author of several anthropologic films, which are per se outputs of research. Liivo Niglas has filmed on his research fields, in Siberia and in Central Russia, as well as in other regions, in Livonia, in the USA, with two films about Native Americans, in Mozambique and in Asia.

Лийво Ниглас – эстонский этнолог, специалист по визуальной антропологии. Защитил диссертацию в Тартуском университете в 2020, имеет степень PhD. Является автором научных фильмов по антропологии, содержащих результаты полевых исследований. Лийво Ниглас снимал во время собственных полевых работ в Сибири и в центральной России, и в других странах, в Латвии, в США, в Мозамбике, в Азии. Он снимает с 2013 г. обряды закамских удмуртов.